

Феномен Эйнштейна

Олег Акимов

Содержание

1. Эйнштейн — божество XX столетия.....	1
2. Начни с Фрейда, чтобы лучше понять Эйнштейна.....	12
3. Милева Марич как подруга и жена Эйнштейна.....	24
4. Любовницы Эйнштейна.....	36
5. Эйнштейн в детские и молодые годы.....	51
6. Почему Марич оказалась в тени Эйнштейна.....	67
7. Жизнь и смерть Милевы Марич.....	84
8. Аллен Эстерсон против Милевы Марич.....	97
9. Издательства над останками Эйнштейна.....	100

1. Эйнштейн — божество XX столетия

Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите имя Эйнштейна? Наверное, в первую очередь, вам представляется лицо обаятельного дедушки с большой копной седых волос. Его образ вызывает самые положительные эмоции: он добросердечен и мудр как сам Господь Бог. «"Святой", "благородный", "милый" — так характеризовал его каждый, кто знал его хотя бы немного. Он излучал юмор, теплоту и доброту. Он любил шутки и живо на них реагировал» [1, с. 230]. Эти слова взяты из книги Лоуренса «Люди и атомы», которой я зачитывался в пятом классе.

А вот цитата из другой книги моего детства, «Альберт Эйнштейн и строение космоса» Ланцоша: «Эйнштейн вписал несмываемой краской свое имя в летопись науки; эта краска не поблекнет до тех пор, пока на Земле живут люди. Полученные им результаты настолько закончены, что им уже не грозит опровержение. Теории приходят и уходят. Эйнштейн не просто создавал теории, он удивительно чутко прислушивался к негромкому голосу Вселенной и с поразительной точностью записывал ее сигналы» [2, с. 8]. Анри Пуанкаре о сравнительно молодом Эйнштейне написал, что он обладал «самым оригинальным умом, который когда-либо я знал». Эрвин Шрёдингер как-то заметил, что его «гениальность выше, чем у Ньютона». Макс Борн, вероятно, один из наиболее близких ему физиков, говорил: «Идеи Эйнштейна дали физической науке импульс, который освободил ее от устаревших философских доктрин и превратил в одну из решающих сил современного мира людей» [7, с. 679].

На уход из жизни своего коллеги и оппонента Нильс Бор в журнале Scientific American писал: «Со смертью Альберта Эйнштейна оборвалась жизнь человека, посвятившего себя служению науке и человечеству, жизнь, равной которой по духовному богатству и плодотворности нельзя найти во всей истории нашей культуры. Человечество всегда будет в долгу перед Эйнштейном за устранение ограничений нашего мировоззрения, которые были связаны с примитивными представлениями об абсолютном пространстве и времени. Он дал нам картину мира, характеризующуюся единством и гармонией, превосходящими самые смелые мечты предшествующих лет. Гению Эйнштейна, который в равной степени характеризовали высокая логическая стройность и творческое воображение, удалось полностью перестроить и расширить внушительное здание, фундамент которого был заложен великими работами Ньютона» [3, с. 479]. Пуанкаре,

Шрёдингер, Борн и Бор сами были выдающимися учеными. Каким же человеком должен быть Эйнштейн, чтобы они так отзывались о нем!

Как только произносится имя Эйнштейна, у меня вслед за этим всплывает знакомое с детства словосочетание «теория относительности». Я вспоминаю свои первые впечатления, которые получил от знакомства с ней, учась в классе 5 или 6. Меня будто охватило какое-то высокое и радостное чувство понимания самой сокровенной тайны бытия. Постоянно улыбаясь над мирской суетой и жизненными проблемами, я начал даже, кажется, светиться этим волшебным знанием. Я будто парил над школьным двором, над бесцельно слонявшимися по городу людьми и пасущимися на лугу коровами. «Боже мой, Боже мой, — бормотал я про себя, — как здорово мне повезло родиться в такое замечательное время, когда физика достигла таких головокружительных успехов!» Тогда, помню, мне было абсолютно всё понятно в сложной и запутанной теории, придуманной Эйнштейном.

А что, собственно, было непонятного в таких, например, разъяснениях: «Есть области [во Вселенной], в которых время течет с бесконечно большой быстротой. Для наблюдателя..., оказавшегося в такой области, целая вечность от бесконечно далекого прошлого до бесконечно далекого будущего длилась бы всего лишь какое-нибудь мгновение. Иными словами, здесь нет ни будущего, ни настоящего, ни прошлого, т.е. фактически не существует времени... Можно указать такие области, в которых пространство стягивается в точку, т.е. пространство фактически не существует... Есть зоны, где происходят явления, которые даже трудно себе представить: здесь временные координаты меняются ролями с одной из пространственных, т.е. время как бы превращается в расстояние, а расстояние во время. Подыскать аналогию из реальной жизни трудно. Что почувствовал бы шофер, ведущий автомобиль по шоссе, вдруг обнаружив, что шоссе превратилось в течение времени, а течение времени в шоссе?.. Здесь вы можете встретиться с незнакомцем, которого вам мучительно напоминает. Перейдя "на время" в мир обратного течения времени, вы возвращаетесь и застаёте уже пережитое вами утро, где вы можете встретить самого себя» [4].

Кто и как придумал эту волшебную сказку? Ну, конечно же, человек, обладающий самыми божественными качествами ума и души! «Всю свою жизнь Эйнштейн провел в уединении на вершине научного сияния, — писал всё тот же Лоуренс, — откуда время от времени спускался с новыми всеобъемлющими законами, которые объясняли тайны мироздания. В своих поисках нового понимания основных законов, управляющих Вселенной, он искал простые общие принципы, определяющие различные проявления космоса. В своих специальной и общей теориях относительности, которые произвели самую величайшую революцию в умах людей после открытия Ньютона, он объяснил понятия пространства и времени, массы и энергии, тяготения и инерции — всего того, что в то время считалось самостоятельными, абсолютными категориями, — в единую всеобщую концепцию» [1, с. 227].

Во времена моего детства в стране издавалась масса популярных книг об Эйнштейне и его революционном учении. Это обилие литературы давало ощущение исключительной информированности и надежности полученных знаний. «Эйнштейна критикуют только одни идиоты и злые антисемиты, завидующие славе этого гения». Примерно так выразился на одном из своих семинаров наш прославленный академик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург, который немало труда положил на проповедь эйнштейновского учения. Однако его труды, похоже, были напрасны. Мальчишки, катающиеся сейчас на досках у нас во дворе, уже не знают имени Эйнштейна. Люди среднего возраста тоже всё позабыли. Они могут еще припомнить, что согласно теории

относительности предметы по ходу своего движения сокращаются, а космонавты возвращаются на землю менее постаревшими по сравнению со своими сверстниками, оставшимися на земле. Иногда вспоминают формулу превращения массы в энергию: $E = mc^2$. Это чуть ли не единственное математическое выражение из всей физики, которое остается в голове у обывателя после долгих лет учебы в школе и институте. Кое-кто может припомнить, что Эйнштейн внес какой-то «неоценимый вклад» в квантовую механику, только вот забыли, какой именно.

Всё не так было в моем детстве. Формулу $E = mc^2$ мальчишки писали на заборах и отлично помнили, где и когда она впервые появилась. Они точно знали, что 1905 год — это «*annus mirabilis*» («чудесный год») великого прозрения выдающегося ученого. В этом году, в сентябрьской номере «*Annalen der Physik*» (Bd.17) были опубликованы сразу три статьи, которые, однако, поступили в редакции в разное время. 18 марта была послана статья «Об одной эвристической точке зрения на возникновение и превращения света», за которую автору вручили Нобелевскую премию за 1921 год. Эйнштейн представил лучи света потоком частиц (фотонов), а раньше считали, что это электромагнитные волны. Представление о квантах света позволило Бору в 1913 году создать планетарную модель атома. Десять лет спустя опыт Комптона подтвердил смелую догадку Эйнштейна.

11 мая в редакцию поступила статья «О движении взвешенных в покоящейся жидкости частиц, вытекающем из молекулярно-кинетической теории», которая раскрыла тайну броуновского движения и тем самым доказал существование атомов и молекул. Эрнст Мах и другие ученые в то время еще сомневались в их существовании. Наблюдая в микроскоп за движением в воде мельчайших частиц, Эйнштейн доказал, что причиной их хаотического перемещения является тепловое движение молекул жидкости. С помощью методов математической статистики он вычислил число молекул в единице объема и массу молекулы. В 1926 году французский физик Жан Перрен получил Нобелевскую премию за экспериментальное подтверждение вычислений, выполненных Эйнштейном.

Статья «К электродинамике движущихся тел», присланная в журнал 30 июня, оказалась самой важной. Она легла в основу теории относительности, перевернувшей все наши представления о мире. В ней автор рассказал о существовании относительности электромагнитных явлений. До этого физики имели дело только с механической относительностью. Относительность соединила в одно целое материю, пространство и время. Майя Эйнштейн, сестра Альберта, рассказывала, что первоначально эта работа предлагалась в качестве докторской диссертации к защите в Цюрихском университете, но была отклонена тамошними профессорами по причине «неуважительного отношения автора к авторитетам». Эйнштейн защитил диссертацию на тему «Новое определение размеров молекул», причем со второго раза. В качестве замечания оппоненты выдвинули недостаточно большой ее объем. После доработки объем диссертации составил 21 страницу.

О трех указанных статьях Чарльз Сноу написал: «Можно с уверенностью сказать, что, пока существует физика, ни у кого больше не хватит сил выступить с тремя такими работами в течение одного чудесного года» [6]. Формула $E = mc^2$ в «чудесном году» (*miracle year*) появилась в четвертой статье под названием «Зависит ли инерция тела от содержания в нем энергии», написанная в 27 сентября 1905 года и опубликованная в следующем номере журнала (Bd.18). В 1907 году была опубликована другая статья на эту же тему, которая содержала несколько иной ее вывод. Благодаря открытию этой удивительной формулы, Эйнштейна называли «отцом атомной бобы». Вместе с тем его считали пацифистом и социалистом, большим другом советского народа. Он писал вдохновенные призывы и письма-рекомендации президентам и главам правительств

великих держав. Его самого приглашали возглавить правительство недавно образованного государства Израиль. Мы слышали, что Эйнштейна обожали женщины; он тоже умел любить, например, поговаривали, что он влюбился в несравненную красавицу Мэрилин Монро (в 1960-х годах ее имя не сходило с газетных полос).

Сейчас я осознаю, что это слишком неглубокий взгляд на физику и искаженное сверх всякой меры представление о Боге XX века. Но именно такая картина до сих пор является преобладающей, несмотря на открывшиеся новые факты и документы. Кто бы мог подумать, что Альберт Эйнштейн способен на некрасивые поступки! Должен признаться, что я в течение примерно двух десятков лет, с 1965 по 1985 год, с огромным уважением и симпатией относился к личности самого выдающегося ученого, когда-либо жившего на земле. У меня над кроватью, пока я учился в школе, висел его замечательный фотопортрет, служивший мне иконой. Потом был институт, аспирантура, полвека жизни и только на склоне лет я начал потихоньку понимать, что меня обманули. Совсем недавно я сообразил, что уже тогда из-за моего кумира физика находилась в глубоком коматозном состоянии, а сегодня мы пышно празднуем ее поминки. Успокаивало одно: обманутым оказался не только я, таких легковверных набралось несколько миллиардов.

Большая ложь стала возможна потому, что важнейшая информация об Эйнштейне с самого начала была либо уничтожена, либо засекречена. Потом то немногое что от нее осталось строжайшим образом охранялось в израильских и американских архивах. Разумеется, от людей прятали не научную информацию (она-то как раз всегда была открыта и мало кого интересовала), прятали биографические сведения, компрометирующие божественную личность. Это и понятно, так как социально-психологический закон культа диктует жесткую связь: *совершенная теория непременно создана совершенным человеком*, в биографии которого не должно быть ни единого темного пятнышка. Честные исследователи эйнштейновского феномена указывали на аморальный облик творца теории относительности, на противоречия и нестыковки в его учении, говорили, что своим культом Эйнштейн нанес колоссальный вред науке. К сожалению, их слышали немногие.

О какой науке можно говорить, когда «гениальный физик» без конца изменял двум своим несчастным женам, Милеве и Эльзе (последняя — его кузина)? Ему просто некогда было думать о науке: вся его жизнь — это непрерывная череда любовных отношений с десятками, если не сотнями, женщин. И о какой морали может идти речь, когда «великий гуманист» забыл о своих законных сыновьях, Гансе Альберте и больном Эдуарде (он — невменяемый шизофреник)? Двух незаконнорожденных дочерей, Лизерль и Эвелину (последняя родилась в 1941, живет до сих пор в США), он, вообще, не признал. Обладая посредственными способностями, он вел праздный образ жизни, купаясь в лучах славы и постоянно думая о своих многочисленных любовницах, он непрерывно отдыхал. Эйнштейн никогда не был добрым и мудрым человеком, напротив, в его характере и поступках просматривается жестокость, коварство и лицемерие. Мы просто многого не знали о нем — вот и всё.

Целая армия врунов и сегодня работает на миф об Эйнштейне. Не все, конечно, обманывают сознательно, немалая часть просто верит в мифы, сочиненные в первой половине прошлого века. Наивные простаки эту ложь приукрашивают и затем транслируют, прикладывая во стократ большие усилия, чем давно ушедшие мошенники, имевшие доступ непосредственно к телу божества. Уже после опровержения теории относительности и обнаружения документов, разоблачающих кумира XX века, авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», Феофанов и Пилат, вместе с остальными фанатиками релятивистской догмы заявляют, что «вовсе не считают, что вопрос о

правильности или неправильности специальной или общей теории относительности является актуальным. По их мнению, это вообще не столь важно. Эйнштейн был сродни открывателю новых материков. Он открывал их и в меру своих сил обследовал, предоставляя другим изучать их более или менее досконально. Этих материков было много, по крайней мере, пять: обе теории относительности (специальная и общая), квантование света, единая теория поля и космология. ... Эйнштейн каким-то образом угадывал эти новые миры и открывал их. Может быть, его зарисовки, были неясны, они были похожи на багровый лондонский туман, который никто кроме импрессионистов, не видел, они были миражом и не имели четких очертаний, они были зыбучим песком и болотом, на котором плясали огоньки Святого Эльма. Они манили, и не беда первооткрывателя, что он чего-то увидел и совершил не так. Будем признательны ему вечно только за то, что он открыл путь в эти новые миры» [5, с. 9–10].

Значит, те подозрения, которые всегда существовали в среде рационально мыслящих физиков и сегодня окончательно подтвердившиеся, наших авторов не смущают. Для них важен «багровый лондонский туман», который напустил Эйнштейн. Они благодарны ему за создания огромной волны романтических и мистических спекуляций. Вот как рассуждают эти авторы, а вместе с ними огромное число любителей современной схоластики: «Обыватель мог задать вопрос: "какой прок в специальной теории относительности или в общей?" и не получить никакого ответа. Ну, какую реальную пользу можно извлечь от знания, что луч искривляется в гравитационном поле? Для обывателя, живущего в евклидовом и ньютоновом мире от этого, как говорится, ни жарко, ни холодно. Было нечто иное: мистический энтузиазм толпы совершенно неподготовленных людей во многих странах мира, массовый гипноз, психоз или иной вид транса — ворожба или погружение в сказку.

Людям всего мира вдруг стало ясно, что в двадцатом веке Бог вновь снизошел до них, Он дал им некое новое знание, как когда-то делился сокровенным с Моисеем или с Мухаммедом, вещал голосом Иисуса. На землю снизошло новое Откровение, Новое Знание. И это хорошо, что его не понимали сразу, потому что невозможно, чтобы новое Знание восприняли так, сразу ... И были сомнения... инсинуации и домыслы. Они были вначале и после, во все времена. Потому что Эйнштейн все равно был одиозной фигурой. И так не хотелось, чтобы именно он был автор... "Господи, ну пусть не он, а кто-нибудь другой". Но Господь, наверное, любил шутников, по крайней мере, в то время, когда Эйнштейн позволял себе шутить с Ним. Сомнения канули в Лету, сомневающиеся и домыслы – тоже. А чего только не выдумывали вокруг его имени. Ярые антисемиты приписывали его достижения кому угодно, даже Милеве Марич. Это было глупо» [5, с. 78].

Сейчас перед нашими читателями продемонстрировано действие домкрата по поднятию золотой статуи Эйнштейна на самую верхотуру славы. Триумф *Великому Альберту* баснописцы, Феофанов и Пилат, написали на совесть. Их текст ничем не уступает тексту легенды о древнем императоре Китая. В легенде о совершенно-мудром Баоси говорилось: «В стародавние времена *Баоси* был ваном Поднебесной. Смотрел вверх — созерцал образы Неба, смотрел вниз — созерцал образы Земли. Разглядывая узоры птиц и зверей, он угадывал наземный порядок. Близкое брал с себя, далекое — с вещей. С этого начал создавать восемь триграмм [т.е. некую *универсальную теорию всего*], чтобы проникнуть в просветленную духом *Де*, чтобы систематизировать свойства тьмы вещей. Вязал узлы на веревках, плел сети и силки, чтобы охотиться и ловить рыбу» (*Сицы чжуань*, II, 2).

В комментарии к «Книге Перемен» говорится, что совершенно-мудрые изучали «перемены» и «добились того, чтобы народ не изнурялся», «одухотворились» и развили

свои способности так, «чтобы народ следовал им», после чего «Поднебесная умиротворилась». Они совершили множество других дел: «Приручили скот, впрягли в упряжку коней, возили грузы, достигали далеких мест, чем приносили пользу Поднебесной... Сделали двойные двери, поставили сторожей с колотушками, чтобы отвадить незваных гостей... Сломали дерево — сделали пест, накопили глины — сделали ступу. Польза от ступ и пестов была в том, что весь народ получил прибавку к пище... Натянули тетиву на дерево — сделали лук, заострили ветки дерева — сделали стрелы. Польза от лука и стрел была в том, что они усилили Поднебесную» и т.д.

Этот «триумф» китайских мудрецов не идет ни в какое сравнение с «триумфом» *Блистательного Альберта*. Феофанов и Пилат, увидели не такое, правда, они не рассказали, как им на голову снизошла Божья Благодать в виде знания о *Гениальнейшем Альберте*, но мы примерно догадываемся. Подумаешь, какая мелочь: совершенно-мудрые Поднебесной научили народ выдалбливать лодки и мастерить весла, шить одежду и обувь. Дела *Всевидающего Альберта* сродни делам великих пророков — Моисея, Мухаммеда и Иисуса. Нет, не потому *Всемудрейший Альберт* является первооткрывателем двух теории относительности и еще трех огромных материков, а потому, что он, наш *Благороднейший Альберт*, самим Богом меченный, находясь в одной компании с ним, позволял себе шутить над ним. Куда уж Моисею, Мухаммеду и Иисусу тягаться с *Всемогущественным Альбертом*. Непреходящее предназначение Феофанова и Пилата состоит в том, чтобы покрыть лепестками роз небесный путь *Вседостойнейшего Альберта* и возвеличивать, возвеличивать, возвеличивать его имя в глазах будущих поколений.

«О, нищие духом! О, жалкие ничтожества, преисполненные низкими думами, — обращаются к нам авторы "Триумфа", — налетайте, раскупайте нашу *Новую Библию*, читайте и заучивайте наизусть гимны о *Всеблагом Альберте*». Так мифотворцы во все времена слагали легенды о своих кумирах, Феофанов и Пилат здесь не исключения. Они, конечно, не самые лучшие, но и далеко не худшие сочинители «триумфальных» былин о «подвигах» своего героя. Я же свою задачу вижу в другом: обещаю приложить все силы для того, чтобы донести до читателей максимально правдивую информацию о человеке, которого до сих пор многие ошибочно считают величайшим мудрецом, попытаюсь всеми доступными мне средствами разоблачить вековой культ родоначальника спекулятивного учения.

Представьте себе такую картину. Человек, боготворящий Эйнштейна, после его смерти выковыривает у него глаза, опускает их в склянку с консервирующей жидкостью, затем это сокровище помещает в сейф одного из банков штата Нью-Джерси и в течение всей своей жизни периодически наведывается туда, чтобы еще и еще раз заглянуть в зрачки плавающих в растворе глазных яблок. «Когда вы смотрите в его глаза, — делится он своими восторженными впечатлениями с журналистами, — то видите все красоты и тайны мира» [7, с. 688]. Я не осуждаю этого человека, тем более, что им является Генри Абрамс, личный офтальмолог Эйнштейна. Однако могу уверенно сказать, что человек подобного склада ума сделан из другого теста, чем все остальные здравомыслящие люди. Чувства восхищения, любви и благоговения, конечно, знакомы каждому, однако они не достигали той интенсивности и не принимали столь извращенных форм, как у этого врача-офтальмолога.

Образ плавающих глазных яблок навел меня на воспоминания о другой картине. Сразу после смерти Эйнштейна газеты всего мира опубликовали рисунок, где в безбрежном пространстве вселенной плавают множество шаров-планет, напоминающих глазные яблоки. На одной из них прикреплена табличка: «Albert Einstein lived here» — «Здесь жил Альберт Эйнштейн». Этому рисунку, мне кажется, самое место в учебнике по психиатрии,

где изучаются одновременное помешательство огромной массы людей на каком-нибудь виртуальном образе ученого, артиста или политика. Любимец публики представляется толпе фанатиков идеальным человеком, на внешнем и внутреннем облике которого нет ни единого пятнышка какого-нибудь некрасивого, аморального свойства. И вот в 1987 г. на «Солнце» обнаружены пятна, а именно, выяснилось, что у Эйнштейна от первого брака с Милевой Марич осталась дочь по имени Лизерль. Молодой человек по настоянию своей ненормальной семейки сплавив малютку неизвестно куда и кому, лишь бы подальше от себя.

Данный поступок можно было бы еще как-то объяснить, если бы девочка появилась не от него, где-то на стороне, от случайно встретившейся женщины, которая взяла бы на себя заботу о ребенке. Однако речь идет о первенце, появившемся у любящих друг друга молодых людей. Трудно себе представить, чтобы влюбленная пара кинула свое первое дитя только потому, что оно появилось на свет *до оформления* брачного союза, ведь *после оформления* документов супруги жили еще много лет, у них появилось двое мальчиков. Несмотря на проявленное здесь бессердечие, более аморальным поступком является, пожалуй, сам факт укрывательства рождения дочери. Далее мы увидим, что укрывательство есть характерная черта Эйнштейна — чего бы она ни касалась. Так, например, традиционно ему приписывается авторство самой сумасбродной доктрины, когда-либо существовавшей в физике. В действительности же, теория относительности не была исключительно его детищем: главную роль при ее создании сыграла Милева Марич.

Но дело даже не в первой жене Эйнштейна. Выше мы уже дали понять, что релятивистское учение появилось подобно *религиозной вере*. Сначала оно медленно в течение нескольких десятилетий конца XIX века выкристаллизовывалось в среде математиков и философов. Затем, в начале XX века идея тотальной относительности овладела физиками. Где-то на исходе второго десятилетия прошлого столетия, эта существенно вульгаризированная идея получила широкое хождение в малообразованной (в научном плане) среде актеров, литераторов и художников таких, как Чарли Чаплин, Бернар Шоу и Сальвадор Дали. Вокруг этих популярных личностей роем кружили экзальтированные дамочки. Они-то, собственно, и стали первыми учредителями теории относительности.

Таким образом, захватывающая воображение масс доктрина, как плод всякого мифотворчества, не имеет конкретного автора. По тем же самым причинам релятивизм не имеет и каких-то отчетливых концептуальных границ, если вообще в данном случае уместно говорить о теоретической концепции. Всякая попытка свести концы с концами здесь приводит к противоречиям. Это происходит потому, что большая группа мыслителей шизотимического типа (в смысле Эрнста Кречмера) с формально-феноменологической эпистемологией порознь и несогласованно вносила в коллективную картину помешательства на почве физики крупницы своих представлений наукообразного характера.

В целом *релятивизм*, как узкоспециализированная теория и широкомасштабное философское мировоззрение, имеет весьма опосредованное отношение к нормальному конструктивному естествознанию, поскольку носит исключительно патологические формы освоения действительности. Эта раковая опухоль паразитировала на ньютоновой физике абсолютного пространства и времени, которая тоже имела весьма опосредованное отношение к природоведению. Об этом нужно говорить отдельно, но уже сейчас читатель должен иметь в виду, что автор «Математических начал натуральной философии» тоже обладал (или, лучше сказать, страдал) шизотимическим восприятием действительности. Именно потому обоих «гениальных мыслителей» ставят на одну доску, что они вывели

рациональную физику своего времени из сферы конструктивной науки в сферу философских спекуляций.

Эйнштейн является ярким представителем ученого, гоняющимся за интеллектуальным наслаждением от всеобщих и универсальных концепций вроде эфемерной теории единого поля. Ученый, склонный верить в хиромантию и телепатию — а существуют свидетельства, что этими неестественными вещами Эйнштейн интересовался, — всегда будет плохим естествоиспытателем. Человек, с точки зрения психологии, представляет собой цельное существо: если он, например, постоянно домогается женщин, глубоко презирая и ненавидя их, то существует огромная вероятность того, что аналогичным образом он будет поступать в отношении истины вообще и науки в частности. Отец-основатель релятивизма был дамским угодником — это хорошо известно всем его биографам, но они упорно не хотят видеть его петушиных притязаний на знание физики.

В начале своего творческого пути Эйнштейн, можно сказать, украл у своей первой жены докторскую диссертацию под названием «К электродинамике движущихся тел», за которую неожиданно получил всеобщее признание. Потом всю оставшуюся жизнь он доказывал себе и окружающим, что достоин этой славы. Так появилась на свет общая теория относительности, после которой он уже перманентно находился в поисках нового объекта для восхищения толпы, жил мечтой о чудной доктрине, обладающей сверхъестественными качествами. Но в глубине души он ненавидел прозаическую истину, которая, как упрямая и своенравная девушка, насмеялась над его интеллектуальной немощью. Вместе с ним в состоянии влюбленности, завораживающего любопытства и неопишуемого восторга впала вся многочисленная толпа его неистовых поклонников, которые в течение нескольких десятилетий с неослабевающим интересом следила за любовным романом между обаятельным, внешне чудаковатым ученым и феерической красавицей доктриной. Дотошные журналисты и ревнивые любовницы то и дело спрашивало его: «Ну, как, ты видел свою Истину? Какая она, верно, хороша собой? Тебе удалось овладеть ею? Не молчи, у тебя с ней наверняка уже что-то было!»

Последователи Эйнштейна, называя физику столетней давности все еще «современной», тщетно ищут «Теорию Всего», начало которой заложил кумир их молодости. Они продолжают тешить себя сладкими фантазиями о путешествии во времени, надеются открыть всеобщую и универсальную формулу мироздания, описывающую структуру таинственного поля, сотканного из какой-то странной смеси гравитационного, электромагнитного и духовно-религиозного субстрата. Чтобы хоть как-то способствовать крушению самой большой утопической иллюзии ушедшего века и приблизить день прихода в науку естествоиспытателей конструктивного склада ума, в данной работе как раз и предпринята атака на гранитный постамент золотого фетиша, оказавшегося на самом деле размалеванной тряпчатой куклой, набитой заплесневелыми опилками. Я намерен убедить читателя в том, что даже эта, ничтожная концепция, основанная на романтическом восприятии реальности, не могла быть детищем человека, вся жизнь которого была построена на лицемерии и обмане.

В дальнейшем нас будут интересовать две вещи: во-первых, какова роль Милевы Марич в деле создания теории относительности; во-вторых, надо понять личность самого Эйнштейна, который вызвал столь нездоровый ажиотаж вокруг себя и релятивистской доктрины. Мы постараемся доказать не столько то, что его первая жена была «родительницей» первой работы по теории относительности, сколько то, что ее муж, Альберт Эйнштейн, не мог быть «отцом-основателем». В 1905 году ему просто некогда было заниматься наукой, он ею тогда и не занимался. Его ограниченные способности, отсутствие элементарного прилежания, математических знаний и пространственного

воображения не позволили бы это сделать. Ниже будет также рассказано о его бесчестном характере и безграничных, но интеллектуально ничем необеспеченных, амбициях.

Любопытно отметить, что авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», процитированной выше, понимают под «драмой» своего божества. Открываем двенадцатую главу, которая так и называется — «Драма», и читаем с самого начала: «Он был идеалистом, идеалистом во всём. И этим самым всем была его первая женитьба [?] Его избранница — сербская студентка из богатой [?] семьи — была хрома, болела костным туберкулезом и была старше его на четыре года. Ее внешние данные были много хуже [?], чем у него. Их брак был мезальянсом [т.е. брак с лицом более низкого социального происхождения] и ничего не доказывал [?] Он был обречен на расставание с самого начала [?] Он был настойчив и упорен в своих идеях и безумно мужественен [?] Потому что семья его держалась ортодоксальных взглядов [?] Это была иудейская семья с традиционными патриархальными [?] взглядами, и женитьба на сербке Милеве Марич была его первым прыжком в Зазеркалье еще и потому, что он был молод и не видел того серого безумия [?], которое пеленой стояло в спокойных глазах его суженой. Но это видел его отец [?] и противился браку до самой смерти. Милева была меланхолична, безумие ее было наследственно. Ее сестра Зорка была душевнобольной. И младший сын Эйнштейна был также поражен этим недугом» [5, с. 146 – 147].

Здесь мы расставили множество вопросительных знаков, которые указывают на спорные места в тексте. Но дело не только в них. Это пафосное извержение передает тот шизофренический тон, который грозит заразить умы молодых людей, живущих уже в ХХI веке. Далее авторы рассматривают вопросы физического вакуума, антигравитации, биомagnetизма, образование планетных систем и т.д., которые волнуют наших физиков. Но, подумайте, разве могут люди при таком нездоровом состоянии ума заниматься естественными науками? Книга «Триумф и драма Альберта Эйнштейна» является прекрасным образцом романтического невежества, которым были заражены практически все физики прошлого столетия, начиная от рядового школьного учителя и кончая директором главного академического института.

Однако в чем же все-таки, по мнению авторов, состоит драма Эйнштейна? Может быть, в несчастном браке? Так и есть. «Милева, — пишут Феофанов и Пилат, — была даже не пустышка, не нуль, она была отрицательной величиной. Она была женщина с тяжелой наследственностью. И младший сын Эйнштейна унаследовал гены матери. Кстати, распространяемые в последнее время слухи о некоем вкладе Милевы в теорию относительности просто абсурдны. Чем же объяснить выбор Эйнштейна? [Этот вопрос у них повис]. А потом незаслуженно рано ушли друзья *Марсель Гроссман* [которого Эйнштейн беспощадно эксплуатировал] и *Пауль Эренфест* [правильно писать: *Эренфест*]. Вторая женитьба тем более была не по любви [?] Он перенес слишком много разочарований [?] Интересны строки письма: "В общей теории относительности я не достиг продвижения: электрическое поле по-прежнему ни с чем не связано. Связь не получается. И ничего у меня не выходит в понимании электронов. Мой ум потерял гибкость или действительно спасительная идея очень далека?"» [5, с. 149].

И что же, в этом виноваты Милева и Эльза? Феофанов и Пилат сильно ошибаются в отношении Эйнштейна. Он строил из себя великого ученого, но таковым никогда не был. Основатель спекулятивного учения убедительно играл свою роль физика-теоретика и был, надо отдать ему должное, талантливым актером, которому поверила часть ученого истеблишмента и миллионы обывателей. В жизни, как уже говорилось, он был неисправимым ловеласом, неверным супругом и черствым отцом. Такое сочетание отрицательных качеств не было случайностью: явление всеобщего помешательства только

и могло происходить на фоне чего-то ужасно фальшивого и подлого. Но почему ему поверили, что в нем было такого, чего не было в других физиках? Ведь Эйнштейн был обыкновенным смертным с не бог весть какими способностями. Живи он в любое другое время, никто бы его не заметил. Работал бы себе рядовым клерком крохотной конторки, каковым он, собственно, и был в начале своего звездного пути, и никто бы его сейчас не вспомнил.

Однако над Европой взошла заря иррационализма, и всё ее внезапно поглупевшее население погрузилось в схоластику и мистику. (О научно-философской атмосфере рубежа XIX–XX веков рассказывается в книге «Психология познания. Удод».) Как только невидимые часы истории возвестили приход эры релятивизма, тотчас человечество из миллиарда вздорных романтиков, выбрало его, ничемного служащего, симпатичного кучерявого паренька, смотрящего на мир с какой-то иронической, почти издевательской ухмылкой, которая, однако, сводила с ума слишком чувствительных женщин. (Рассказывают, будто дочка виконта Холдейна, бывшего министра обороны Великобритании, увидев Эйнштейна на званом ужине, упала в обморок.) Почему выбран именно он, какие дьявольские черты характера и ума могли приковать внимания сотен тысяч газетчиков, ведущих радио- и телепрограмм, художников, режиссеров, литераторов, философов, политиков — словом, людей, далеких от науки, имеющих о ней весьма туманное представление?

Если говорить коротко, ответ будет таким: Эйнштейн лучшим образом отвечал сумасшедшей эпохе, которой, кажется, пришел конец; он точнее всего соответствовал психоделическим сдвигам самых различных слоев населения. Народ выбрал его, как представителя шизоидного (опять же, в смысле Кречмера) типа, но ни в коем случае не как выдающегося ученого, теорию которого толпа никогда не понимала. Доказать это будет нелегко, так как многие обширные места его биографии никому не известны. Близкие люди, некогда окружавшие его, умерли, а его душеприказчики, Элен Дюкас и Отто Натан, на протяжении многих лет тщательно скрывали свидетельства; до сих пор немалая часть документов остается закрытой. Ранее написанные книги вместо реального человека рисовали глянцевого портрет какого-то мифологического героя, религиозного пророка или сверхъестественного существа, давая тем самым превратное представление об Эйнштейне.

Но для релятивистов нет другого пути, кроме как малевать плакатные образы творца теории относительности и на все лады восхвалять его беспримерный подвиг. Разве можно поклоняться сардоническому пересмешнику, наслаждающемуся жизнью веселого селадона. На публичную арену науки Эйнштейн взошел опытным шулером с маской рассеянного мудреца. После его пришествия рациональной физике оставалось жить недолго. Причем родоначальник релятивизма, в сущности, ничего не создал, за него всё делала толпа восторженных фанатиков, он же исполнял почетную роль отправного нуля, от которого ведет счет новая эра физики. Историки науки любят спорить по поводу того, кто — Лоренц или Пуанкаре — был ближе к Эйнштейну. Им и невдомек, что главный релятивист планеты есть только условная метка, порожденная случайными и темными силами экзальтированного сообщества любителей чудесных таинств. Толпа подняла его на щит и понесла к Олимпу славы, даже не догадываясь, что всё его мудрствование есть отражение их собственных сумасбродных фантазий, которые он лишь кодировал в наукообразные символы.

При анализе формул теории относительности, ответственных за самые основы мироздания, дотошные и честные исследователи натываются на сомнительные манипуляции или даже грубую халтуру. Сначала не веришь своим глазам и сетуешь на

свои недостаточные интеллектуальные способности. Невозможно представить, чтобы бесчисленная масса студентов, преподавателей и ученых могла пройти мимо явных ошибок и не заметить вопиющих противоречий. Следовательно, именно ты, отдельно взятый человек, чего-то недопонимаешь, а мировое научное сообщество стоит на правильном пути. Однако в прошлом человечество в целом уже не раз ошибалось, шло ложным путем, и на то были веские причины. Есть почва для них сегодня? Да, есть.

В XX веке в мире возникли условия для существования суеверий, мистики и схоластики. В обществе вызрели силы, которые сошли с пути, по которому некогда шли Коперник, Гюйгенс, Максвелл, Больцман, Дж. Дж. Томсон, развивавшие конструктивные теории, адекватно описывающие реальность. Время рациональных концепций прошло, на арену культурологического строительства заступили люди с религиозно-мистическим и формально-феноменологическим типом мышления, какие господствовали в средневековые времена.

Должно было все это как-то отразиться на конкретных физических теориях? Несомненно! Релятивизм является прямым продуктом нового веяния. Схоластов во все времена хватало, только не всегда они обладали такой полнотой власти. Первая задача честного учителя, ученого, историка, который понял причины гибели науки, заключается в том, чтобы предупредить современников и потомков о надвигающемся Новом Средневековье. Не время сейчас создавать рационально-конструктивную физику — она будет просто высмеяна, ее не воспримет шизотимическое сообщество нынешних ученых. Значит, от нас, людей здравого ума и твердой воли, требуется сосредоточить максимум усилий на критике спекулятивных доктрин, возникших в XX веке. Необходимо всеми доступными средствами разоблачать мошенников, притворяющихся большими учеными.

Год 2005 в Германии и во всем мире был провозглашен годом Эйнштейна. На его открытии тогдашний канцлер ФРГ Герхард Шрёдер сказал: «Благодаря своему образу мышления, Эйнштейн произвел переворот в науке и изменил весь мир. Для молодежи всего мира он стал настоящим идиолом, культовой фигурой из-за своей нравственной неподкупности и отказа от приспособленчества». Человечество еще не знало столь *конформистского*, т.е. наилучшим образом *адаптированного* в обществе, человека, чем Эйнштейн.

Еще при своей жизни за счет мощной PR-кампании немецко-швейцарский и американо-израильский ученый стал самым узнаваемой персоной на планете, оставив позади себе Гитлера, Сталина, Мао-Цзэдуна и ныне популярного Гевара де ла Серна — знаменитого революционера Че. Что он сделал полезного для науки, никто толком до сих пор не знает. Думают, что большую часть времени он сидел за своим письменным столом и напряженно работал. Немногие знают, что львиную долю времени он провел в веселом общении с женщинами и друзьями, не разбирающимися в физике, в беседах с журналистами и общественными деятелями, много путешествовал по миру, катался на собственной яхте по собственному озеру, беззаботно играл на скрипке, курил трубку и занимался еще, бог знает чем, только не наукой.

Тем не менее, сотни научно-исследовательских институтов, академических учреждений и общественно-политических организаций, а также историко-культурных и общественно-политических журналов откликнулись на событие мирового значения — 100-летие выхода в свет первой статьи по теории относительности. Такие известные научно-популярные журналы, как «Scientific American» и т.п., посвятили Эйнштейну целые номера и ни строчки Милеве Марич, которая сообщила фантазиям мужа математическую форму. Она принимала участие в написании всех его статей, вышедших с 1901 по 1908 год.

В юбилейном году прошли сотни лекториев, книжных выставок и фестивалей с распродажей футболок, кружек, календарей и книжных закладок с изображениями великого физика. На фестивале в Гластонбери публика слушала доклады уважаемых профессоров об Эйнштейне и его удивительной теории относительности. Кинофильмы, компьютерные программы, наглядные макеты и лабораторные установки демонстрировали достижения науки, которые стали возможны якобы благодаря открытиям гениального ученого. Танцевальная группа Рэмбарта даже поставила балет под названием «Эйнштейн».

Удивляться здесь нечему. В мире действуют огромные информационные корпорации для обработки мозгов в направлении, которое задается влиятельными политико-идеологическими группами. Стоило в 1919 году «Нью-Йорк Таймс» напечатать несколько броских заголовков, как тут же миллионы обывателей превратились в фанатиков новой теории. Однако, чем шире распространено в народе учение, тем меньше в нем правды. Мировые религии немного содержат истины; релятивизм — одна из форм религиозной веры. Теории, более или менее верно отражающие реальность, известны небольшой группе специалистов.

Философия *скептицизма* состоит в том, чтобы не поддаваться всеобщему восторгу по поводу какого-либо социального феномена. И *скептик* — это не тот, кто всё отрицает и без разбора ничему не верит, а тот, кто всё *критически осмысливает*. Помните, первоначальный смысл греческого слова *скепτικός* — *исследующий* или *рассматривающий*.

-
1. Лоуренс У.Л. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. — М.: Атомиздат, 1966.
 2. Ланцош К. Альберт Эйнштейн и строение космоса. — М.: Наука, 1967.
 3. Бор, Нильс. Альберт Эйнштейн (1879—1955). Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1970. (Scientific American, 1955, 192, #6, 31).
 4. Комаров В. Геометрия Вселенной. «Знание — сила», № 2, 1968.
 5. Феофанов В.А., Пилат Б.В. Триумф и драма Альберта Эйнштейна. — М.: Когелет, 2001.
 6. Сноу Ч.П. Портреты и размышления / Перевод Г. Льва. — М.: "Прогресс", 1985 г., стр. 137-156
 7. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).

2. Начни с Фрейда, чтобы лучше понять Эйнштейна

Фрейд воспел все самое низменное в человеке, а полусумасшедшая часть человечества, свихнувшаяся на сексуальности, подняла его учение на высший академический пьедестал, назвав психоанализ — этот средневековый прием изгнания бесов — самым большим достижением естествознания. Другой вершиной науки она объявила релятивистскую физику Эйнштейна. Оба названных деятеля XX века вошли в культурно-исторический резонанс и дали тот удивительный эпистемологический эффект, который в считанные годы заглушил все маломальские ростки конструктивного знания, культивирующиеся со времен открытия Колумбом Америки и изобретения Гуттенбергом книгопечатания.

Поэтому прежде чем приступать к изучению биографии Альберта Эйнштейна, мы настоятельно рекомендуем внимательно ознакомиться с биографией Зигмунда Фрейда, которая довольно полно представлена на сайте Sceptic-Ratio. Поведение этих двух монстров ученого мира во многом схоже, однако мы располагаем гораздо большей информацией в отношении Фрейда, чем Эйнштейна. Стоящая перед нами задача лежит преимущественно в плоскости психологии. Отец-основатель психоанализа, как и отец-основатель теории относительности, тщательно скрывал все сведения, касающиеся его жизни и неблагоприятных поступков в отношении науки. Тем не менее, первый из них оставил после себя две книги, «Исследование истерии» и «Толкование сновидений», позволившие нам более или менее точно раскрыть основную тайну его учения.

Из тщательного анализа текста названных книг вытекает, что так называемый *метод свободных ассоциаций*, откровенного разговора и интерпретации сновидений или случайных оговорок и поступков Фрейд впервые отработал на подруге своей будущей жены и своей первой возлюбленной, *Берте Паппенхейм*. От неумелого лечения и экспериментов с морфином врач-психотерапевт чуть было не отправил на тот свет бедную девушку. Но впоследствии Фрейд начал внушать окружающим ложную мысль, будто первая пациентка вылечилась с помощью некой *психоаналитической* методики. И сделал это не он, прозорливый психоаналитик (на самом деле, студент-недоучка), и даже не его опытный наставник, Йозеф Брейер, а она сама, несчастная истеричка. По мнению историков современной психологии, «величайшая заслуга» Фрейда, состоит в том, что родоначальник психоанализа своим гениальным умом уловил скрытую сексуальную подоплеку успешного выздоровления душевнобольной. Он обобщил богатую медицинскую практику и подвел мощную теоретическую базу под ее многолетнее лечение, что одновременно послужило прочным фундаментом для развития всей современной психиатрии.

Это, разумеется, не так. У Фрейда в «Исследовании истерии» Берта фигурирует под именем Анна О., а в «Толковании сновидений» она скрывается под именем Ирмы. В работах «Анна О. — первая пациентка Фрейда» и «Правда о Фрейде и психоанализе» показано, что никакого лечения в отношении Анны О. или Ирмы проведено не было. Напротив, врач-дилетант впрыскивал ей в вену наркотик, а затем пытался у нее нужные признания. Фрейдовские мучения закончились привыканием к наркотику и полным расстройством психики Берты. Брейер и другие врачи едва спасли ее от неминуемой гибели. Несмотря на все это «Исследование истерии» и «Толкование сновидений» по сей день считаются главными учебниками по психоанализу. Многие преподаватели психологических факультетов, а тем более студенты и несчастные больные, обратившиеся к врачам-психоаналитикам, даже не подозревают, что имеют дело с откровенным надувательством, вредной психотерапией, придуманной величайшим мошенником XX века. В «Правде о Фрейде и психоанализе» дается расшифровка главного сновидения Ирмы, из которого мы узнаем правду о методе «лечения» его возлюбленной. Очень важной для понимания существа дела является работа «Анна О. — первая пациентка Фрейда», особенно ее заключительная часть. Там показано, какими бессовестными фальсификациями занимался родоначальник психоанализа, чтобы прославиться.

Аналогичный обман имел место не только в сфере психологии, но и в сфере физики. Таковы уж были нравы ушедшего столетия. Механизм обмана больших групп населения функционирует по единому закону. Если вы как следует изучите его действие на одном примере, вам будет проще разобраться в другом. Нужно помнить, что все мошенники в сходных ситуациях ведут себя сходным образом. Законы психологии столь же неумолимы, как и законы физики. Как уже говорилось, Альберт Эйнштейн, как и Зигмунд

Фрейд, скрыл от общественности истинные события своей биографии — это явный признак авантюристического характера. Нечистоплотность в повседневной жизни приводит к недобросовестности в сфере научной деятельности. Честный человек — честен во всем, а склонный к обману не станет терзать себя поисками истины. Скорее всего, он постарается свои легковесные фантазии выдать за итог глубоких раздумий.

Фрейд познакомился с Эйнштейном и его второй женой Эльзой во время рождественских праздников 2 января 1927 года, когда он со своей супругой, детьми и внуками находился в Берлине, но собирался вот-вот отбыть к себе на родину, в Вену. Прославленный врач-психотерапевт к этому времени был уже безнадежно болен раком нёба, от которого он, в конце концов, в 1939 году, и умер. Боль и протез верхней части рта не позволяли ему разговаривать; общению мешала также глухота на правое ухо, поэтому говорил Эйнштейн, а он только слушал. После их личного знакомства они потом долгое время переписывались и совместно участвовали в различных политических акциях. «Эйнштейн читал также, — вспоминал Томас Баки, — книгу Фрейда об анализе снов и глава за главой обсуждал прочитанное. Он был заинтересован и увлечен [книгой]» [1, с. 467].

В письме от 21 апреля 1936 года он писал Фрейду в связи с его 80-летием: «... До недавнего времени я мог лишь в общих чертах постигать спекулятивную мощь цепочки ваших мыслей со всем их огромным влиянием на мировоззрение нынешней эпохи, не будучи в состоянии сформировать определенное мнение о том, какая доля истины в них содержится. Недавно, однако, я имел возможность слышать о нескольких случаях, которые сами по себе не слишком важны, но по моему суждению, исключают любую другую интерпретацию, кроме той, что дает ваша теория вытеснения в подсознание. Я был восхищен, столкнувшись с ними, поскольку всегда испытываешь восторг, когда большая и красивая концепция оказывается совместимой с реальностью».

В ответном послании от 3 мая Фрейд писал: «Должен сообщить вам, что я действительно был очень доволен услышать об изменениях в ваших суждениях — или, по крайней мере, о начале таковых. Я всегда знал, что вы "восхищаетесь" мною только из вежливости и очень слабо верите в любую из моих доктрин, хотя часто задавался вопросом, чем в них тогда восхищаться, если они неверны, то есть если они не содержат в себе серьезной порции истины. Между прочим, разве вы не думаете, что ко мне относились бы гораздо лучше, если бы в моих доктринах содержался больший процент ошибок и безумия? Вы настолько моложе меня, и я все еще надеюсь причислить вас к кругу моих "последователей" к тому времени, когда вы достигнете моего возраста. Поскольку я не буду знать об этом, то ожидаю соответствующего вознаграждения сейчас» [1, с. 467 — 468].

Фрейд завидовал физику, называя его «счастливчиком», так как считал, что тот «жил в намного более легкие времена», «располагал поддержкой длинного ряда предшественников от Ньютона и далее», а вот он «должен был в одиночку прорубать каждый шаг пути через дебри джунглей», оттого он будто бы и «не смог зайти столь далеко» [1, с. 258]. Это, разумеется, ложное представление, они оба «зашли слишком далеко», нанесли примерно одинаково огромный вред естествознанию, хотя в то время истинные масштабы их «достижений» были еще не видны. Добавим также, что у Эйнштейна имелись предшественники, Ньютон не в последнюю очередь (о нем надо говорить отдельно).

Фрейд чувствовал зависть к Эйнштейну еще и потому, что тот якобы работал в редко кому доступной области науки: «... Вы имеете возможность работать в сфере математической физики, а не психологии, где каждый думает, будто ему есть что сказать»

[1, с. 259 — 260]. Эта жалоба также не справедлива, так как толпа невежд болтала о теории относительности с таким же иступленным жаром, как и о психоанализе. Обе теории удивительным образом притягивали шизотимиков — бездарных в научном отношении людей, но мнящих о себе бог знает что. В целом, психоаналитик высоко оценил личные качества физика, назвав его «веселым, уверенным в себе и милым», а также «весьма приятным» человеком. Эти слова можно расценить и как элементарную формулу вежливости и как сознательную установку: ворон ворону глаз не выклюет. Рейнштинштейн рассказывал о посещении как-то Эйнштейном лекции по психоанализу, которая его не слишком заинтересовала. Беседуя с лектором в кафе после его лекции, Эйнштейна «куда больше интересовали прекрасные глаза» двух сестер «редкой красоты и обаяния», которые тоже присутствовали в кафе, чем проблемы психоанализа [2, с. 175].

В публичных беседах с друзьями-врачами Эйнштейн всячески восхищался психотерапевтическими успехами Фрейда, но за глаза, в частности, в разговорах с младшим сыном, говорил о несостоятельности методов психоанализа, их некорректности в научном плане. Однажды в полшутливой форме он сказал ему, что лично предпочитал бы «оставаться во тьме того, что не проанализировано». Эти слова как нельзя лучше характеризуют жизненную позицию мошенника, которой неуклонно придерживался Эйнштейн. Его секретарша Элен Дюкас и управляющий по дому Отто Натан тоже прекрасно усвоили жизненное кредо своего шефа и сделали все, чтобы скрыть на долгие годы от объективного анализа илистое дно заболоченной биографии знаменитого физика.

В тридцатой главе под названием «О тех, кому Эйнштейн предлагал присудить Нобелевскую премию» Абрахам Пайс привел аргументацию Эйнштейна, почему он был против присуждения Фрейду этой престижной награды. «При всем моем восхищении гениальными достижениями Фрейда, — писал Эйнштейн в феврале 1928 г., — я не могу участвовать в этом деле [т.е. в кампании по присуждению Фрейду "Нобеля", организованной Генрихом Менгом и Стефаном Цвейгом]. В отношении степени истинности учения Фрейда я и сам не могу прийти к определенному мнению, не говоря уже о том, чтобы выносить суждение, которое может повлиять на других» [3, с. 485].

Эйнштейн и Фрейд участвовали во многих политических акциях, в частности, связанных с образованием государства Израиль, и можно было ожидать, что между ними не существовало неприязненных отношений. Однако это не так. Эйнштейн хорошо чувствовал, чего стоят фантазии Фрейда, касательно толкования снов, и прочее его теоретизирование на почве бессознательной психики, поэтому он не мог согласиться поставить его имя на одну доску со своим. Но больной шизофренией сын Эйнштейна, напротив, проявил огромный интерес к психоанализу. Фрейда он считал одним из «величайших гениев человечества»; у себя над кроватью он повесил его портрет.

Вопреки отговору отца он серьезно занялся психиатрией, для чего в 1929 году поступил в Цюрихский университет на медицинское отделение, где когда-то училась его мать, Милева Марич. Однако заинтересовался он психологической тематикой намного раньше, когда ему было примерно лет пятнадцать. Уже тогда он выступал перед своими сверстниками с докладами по теории Зигмунда Фрейда. «Однажды во время похода, — вспоминал потом один из этих сверстников, — Эдуард начал рассказывать нам о природе шизофрении. Подозревал ли он уже тогда, что ему угрожает именно эта опасность? Если так, то это ужасно» [2, с. 304].

По словам старшего сына, Ганса Альберта, Эйнштейн советовался по поводу болезни Эдуарда с самим Зигмундом Фрейдом. Известно, что когда Эдуарда начал одолевать душевный недуг, он вполне серьезно попросил отца проанализировать его по методике

Фрейда, сын которого, Оливер, кстати, тоже болел шизофренией. Отец быстро согласился, но только предупредил, чтобы тот детально посвятил его в секреты психоанализа. Сначала сын искренне поверил отцу, но потом, по его издевательской шутке: мол, во время психотерапевтического сеанса он не будет «хихикать», сын догадался, что отец над ним смеялся, как это он часто делал. Эдуард прошел курс психотерапии у профессиональных врачей, но результаты анализа ничего не дали: болезнь продолжала развиваться по своим внутренним законам бешеным темпом.

Эйнштейн подшучивал также и над своим самым близким другом, Мишелем Бессо, который в 20-х годах тоже прошел курс психотерапевтического лечения в связи с потерей веры в свои профессиональные способности. Он с завистью смотрел на Эйнштейна и недоумевал, почему его друг во всех отношениях равный и даже уступающий в интеллектуальных способностях, добился такого успеха. Проблема состоит, по-видимому, в потере уверенности, которую Бессо хотел наверстать. Впрочем, подвергнуть себя, хотя бы раз в жизни, психоанализу было делом обычным, настолько велика была мода на фрейдизм, как панацею от всех жизненных невзгод. Особенно популярным он сделался после Второй мировой войны, когда, например, все актеры Голливуда имели своего личного врача-психоаналитика.

Сыну Эйнштейна, Эдуарду, не суждено было стать врачом-психиатром, так как он сам сделался пациентом врачей-психиатров. Болезнь была спровоцирована, как считал отец и близкие ему люди, неразделенной любовью. В университете он влюбился в студентку старшего курса медицинского факультета, которая была к тому же, похоже, замужем. Отец, наблюдая издали за мучениями сына, в письмах пытался успокоить его: «Увлечаться противоположным полом приятно и полезно, но для мужчины это не должно быть одним из главных в жизни занятий» [2, с. 305]. Он советовал ему срочно найти себе занятие; «даже для такого гения как Шопенгауэр», говорил отец, безделье было губительным. По поводу душевного недуга, он успокаивал Эдуарда таким аргументом: «... Если ты сумеешь справиться со своим состоянием, у тебя будет возможность стать хорошим врачом-души» [2, с. 305].

Брайен в этом месте почти в слово в слово вторит Картеру и Хайфилду, только добавляет: «Он [Эйнштейн], однако не давал Эдуарду совет отказываться от женщин, предлагая вместо этого связаться скорее с женщиной-игрушкой, нежели с коварной "хитрушкой"» [1, с. 319]. Этот достаточно циничный совет мог оскорбить высокие чувства влюбленного и страдающего от этого сына. Но подобные рекомендации отец давал и старшему сыну. Когда у того были проблемы на амурной почве, отец посчитал, что ему попросту надо найти опытную в сексуальном отношении женщину и тогда все проблемы на ниве любви автоматически снимутся. Однако нас дальше будет интересовать не старший сын, Ганс Альберт, судьба которого сложилась вполне благополучно, а младший, личность которого есть несколько искаженное отражение личности самого Альберта Эйнштейна.

Эдуард родился в 1910 году, а умер в 1965 году в Цюрихской психиатрической больнице. Большую часть своей жизни он, брошенный отцом и родными, провел в психиатрических лечебницах. Шизофрения приняла у него тяжелую форму, так что он постоянно нуждался в присмотре; стоило ему отойти от дома или лечебницы на несколько шагов в сторону, как он тут же терял ориентацию и назад без посторонней помощи уже не в силах был добраться. Внешне Эдуард был похож на мать, но психологически, по характеру он ближе был к отцу, о чем Эйнштейн писал в 1926 году в письме к своей первой жене Милеве Марич. Картер и Хайфилд пишут, что «искру Божью» из двух сыновей «унаследовал от Эйнштейна именно Эдуард» [2, с. 299]. Однако шизофрению он все же, похоже, «подхватил» от матери, так как младшая сестра Милевы, Зорка тоже страдала этой

болезнью. В роду Эйнштейна до рождения Эдуарда шизофреников, кажется, не было (к теме отношений отца и младшего сына мы вернемся в пятой главе).

У Эйнштейна был помощник Хопф, интересовавшийся психоанализом гораздо в большей степени, чем он сам. Осенью 1910 года Хопф устроил встречу своего патрона с Карлом Юнгом. «За первой встречей, — пишет Дэнис Брайен, — состоялось еще несколько, обычно — во время званных обедов. Юнг "испытал трудности в прослеживании хода его мыслей", но был под впечатлением "простоты и цельности его блестящих мыслительных способностей"» [1, с. 128]. Впоследствии Юнг в письме к своему другу встречи с Эйнштейном прокомментировал довольно своеобразно: «Пока ты имеешь дело с физической стороной мира, можешь запросто сказать все что угодно, если оно является более или менее доказуемым, не опасаясь быть обвиненным в ненаучности; но если ты касаешься психологической проблемы, то мелкие людишки, которых немало и в науке, начинают сходить с ума» [1, с. 129]. Может быть, в разряд «мелких людишек» был зачислен и Эйнштейн, в те годы еще малоизвестный физик. Впрочем, и молодого психиатра, который немногим был старше физика, тоже тогда мало кто знал. Другое дело Зигмунд Фрейд, который, как говорится, Эйнштейну в отцы годился.

Для основателя современной физики, как и для основателей современной психиатрии, главной персоной наиважнейших личных и научных событий была женщина, в которую никому неизвестный студент поначалу без памяти влюбился. Аналогично случаю с Бертой Паппенхейм или Сабини Шпильрейн, трудные и запутанные обстоятельства жизни несчастной женщины, Милевы Марич, позволили «величайшему ученому мира» беззастенчиво обманывать общественность. Такое сродство, а главное, одна и та же эпоха величайших социальных катаклизмов, объединяет феномены Юнга, Фрейда и Эйнштейна в одну психологическую группу, в которую попало немало других авантюристов XX века, включая Сталина и Гитлера. Разумеется, во всех этих случаях нашлись многочисленные восторженные приверженцы спекулятивных учений, что порождает сходство не только на психологическом уровне, но и социальном. Подобные явления происходили в науке, искусстве, политике — в общем, во всей многообразной сфере духовных проявлений, характерных для эпохи непомерного возвеличивания лидеров, чего уже нет в наше время.

Последователи Эйнштейна объявили релятивистские выдумки последним достижением физики. Краснобаи-популяризаторы рисовали обывателям картины путешествия во времени и удивительного переноса космического путешественника из одного физического мира в другой посредством сообщающихся черных дыр. Теперь, говорили эти вруны, вы можете забыть о классической физике, насчитывающей более двух тысяч лет, как о чём-то безнадежно устаревшем. С появлением теории относительности перед нами открылись совершенно немыслимые перспективы. Ясно, что все эти романтические разговоры по тональности сильно напоминают утопические картины «светлого будущего человечества», разрисованные большевиками, или национал патриотические сказки, рассказанные идеологами Третьего рейха. Если приверженцы сталинской и гитлеровской идеологий когда-то уничтожали «неполноценных» людей физически, то приверженцы фрейдистской и релятивистской идеологий всё ещё продолжают уничтожать «неполноценных» ученых морально.

Вот уже прошло сто лет, как свершилась «Великая научная революция». Политические фантазии коммунистов и фашистов давно развенчаны, однако релятивистские предрассудки до сих пор не выветрились из голов академического бомонда. Причем эти мифы крепче всего сидят в мозгах правящей верхушки, сосредоточенной в главнейших институтах науки, например, в ФИАНе, в элитных учебных заведениях (МГУ и МФТИ). Студенты московских вузов мыслят более спекулятивно по сравнению со своими

сверстниками из вузов Сибири и Дальнего Востока, в которых нередко занимаются по антирелятивистским учебникам. Особенно невменяемыми выглядят отличники учебы, приученные мыслить исключительно формальным способом по лекалу своих уважаемых учителей — В.Л. Гинзбурга, В.П. Визгина, А.В. Кессениха и других ископаемых. Научившись у В.А. Рубакова и ему подобных ловкачей манипуляциям в сфере математики, они, очевидно, думают, что в этих фокусах заключен весь смысл физики.

Релятивисты не в состоянии мыслить конструктивно. К этому добавьте бесчисленные препоны, которые они чинят конструктивистам, пытающимся строить вихревые и прочие пространственно-механические модели мировой среды и элементарных возбуждений. Стараниями неумных апологетов учения Эйнштейна развитие классической физики сдерживается уже в течение века. Кто знает, возможно, с ним произойдет то же самое, что однажды уже случилось с учением Аристотеля, то есть пройдет еще тысяча лет, прежде чем все мы освободимся от схоластической физики. От такой печальной перспективы никто не застрахован, ведь сегодняшние схоласты требуют от всякой будущей теории, затрагивающей электромагнитные явления, полного согласия с постулатами теории относительности. Как долго будет существовать это гибельное для науки табу, не знает никто.

Некоторые релятивисты готовы согласиться с утверждением, что в основе зарождения теории относительности лежала неважная философия. В частности, они признают недостатки позитивизма Маха, Авенариуса и Пуанкаре, сыгравшего основополагающую роль в момент становления релятивистской догмы. «Однако, — говорят они, — какое нам дело до философских воззрений столетней давности. Важно, что Эйнштейн дал миру толчок для развития сначала специальной, потом общей теории относительности, а теперь уже и всей современной космогонии. Разве можно сомневаться в истинности нынешней картины мира, этого великолепнейшего творения человеческого разума (релятивисты любят выражаться высоким стилем)?»

«Можно и нужно!», — отвечаем мы. Цель данной работы как раз и состоит в том, чтобы рассказать нынешней молодежи о той большой беде, которая случилась с физикой в начале XX века. Без конструктивной критики романтических утопий наука не в состоянии развиваться нормально. Классическая механика не ограничивается всемирным законом тяготения. Мы абсолютно не понимаем, например, по каким законам двигаются тела в кольце Сатурна. Надо уточнять и дальше развивать динамику, не смешивая ее с электродинамикой, как это делают искатели единого поля. Если нынешние исследователи поймут ошибки зарождения релятивизма, то можно надеяться, что они сами или их последователи осознают ложность развития физической науки в целом. Приступая к изучению этого затяжного кризиса, связанного с именем Альберта Эйнштейна, мы начинаем не с личности отца-основателя, а с личности его первой жены, которая, подобно Берте Паппенгейм, послужила той скрытой причиной, вдохновившей на «великий подвиг» главного виновника преступления в сфере науки.

Личность и учения Зигмунда Фрейда сыграли заметную роль в семье Эйнштейнов. Это отмечают и авторы книги «Триумф и драма Альберта Эйнштейна», которая цитировалась в предыдущем разделе. «Ему было трудно с Фрейдом, — пишут Феофанов и Пилат. — Фрейд обладал могучим [?], может быть, слегка мрачноватым [?] чувством юмора, а уж уверенности в своей правоте у него было никак не меньше, чем у Эйнштейна, он тоже был из породы уверенных [?] И еще Зигмунд Фрейд, будучи уже очень старым человеком, позволял себе иронизировать в глаза гестаповцам [в 1927 году Фрейд плохо слышал и не мог говорить из-за рака нёба, так что он вряд ли мог "иронизировать в глаза гестаповцам"] Он вообще был ироничен [?] А Эйнштейн? Юмор его был мягок и добродушен [?], и он

чем-то походил на бургера [?], но иронии не переносил. Ирония вызывает боль [?], а он не любил боли [кто ее любит?]]» [4, с. 149].

Здесь и ниже я поставил вопросительные знаки возле фраз, вызывающих у меня сомнения. Далее наши эрудированные авторы сообщили известный исторический факт, рассказанный Абрахамом Пайсом, что Эйнштейн в 1928 году не поддержал кандидатуру Зигмунда Фрейда на присуждение тому Нобелевской премии. В этом Феофанов и Пилат усмотрели величайшую «драму». «С друзьями так не поступают, — пишут они с нескрываемым чувством обиды. — Эйнштейн был в зените славы и не мог не понимать, что означает для Нобелевского комитета его рекомендация. А отказ фактически отлучал Фрейда от премии. Он отказал... Но что могло вызвать такую реакцию мягкого и доброжелательного [?] Эйнштейна? Нам остается только гадать. Скорее всего, в этом был виноват ироничный язык [?] Фрейда, чем-то похожего на Мефистофеля [?]. Слишком сильно несло от него Адом [?], и Эйнштейн чувствовал этот запах [?]. И еще он был проницателен [?] как Мефистофель или как Ламброзо и не всегда скрывал свои находки [?]. Он мог сказать Эйнштейну нечто неприятное все равно в каком плане — в сексуальном или в житейском [?]. И Эйнштейн тотчас же замкнулся [?], забрался в свою раковину [?]... » [4, с. 150 — 151].

Паранойя продолжается, но если бред Феофанова и Пилата, а также книгу Гарднера «Теория относительности для миллионов» и еще две-три подобных книжки прочтут неподготовленные ко лжи школьники и студенты, то они, пожалуй, примут Эйнштейна за совершенно-мудрого небожителя, превосходящего китайского мандарина по имени Баоси (о нем говорилось в предыдущем подразделе). Мощь этого оболванивания мне довелось испытать на собственной шкуре.

Учась в школе, я покупал и читал все книжки по теории относительности и ее творце. Больших трудов мне стоило отделаться от гипноза, который наводили на меня Гарднер, Лоуренс и другие баснописцы эпохи моей юности. Однако они никогда не говорили о Фрейде, так как понимали, что этот человек не относится к рационально мыслящим ученым. Теперешние же совратители молодых умов, не стеснясь, апеллируют к опыту этого авантюриста. Больше того, они открыто связывают релятивизм с мистицизмом. Эйнштейн тоже занимался спекуляциями, но не в столь откровенной мистической форме, как это представили Феофанов и Пилат. Он умел вполне разумно писать и его релятивистская концепция местами содержит логически осмысленные вещи.

Однако психоанализ вошел в повседневную жизнь родоначальника релятивизма не случайно. Шизофренические флюиды в виде формально-феноменологических доктрин и непомерно раздутых легенд о сверхъестественной гениальности творцов сумасбродных теорий концентрируются там, где присутствует огромное количество шизотимиков. Эйнштейн, гораздо в большей степени, чем Фрейд, был погружен в атмосферу невменяемости. До тех пор, пока золотая статуя гения возвышается над страной, именуемой «Физикой», тысячи ученых будут мнить себя самыми счастливыми людьми планеты, каковыми считают себя жители нищенской Северной Кореи, питающиеся супом, сваренным из придорожной лебеды.

Механизмы генезиса и экспансии релятивизма ничем особенным не отличаются от аналогичных процессов зарождения и распространения, скажем, фашизма и коммунизма. Вожди, вроде Гитлера или Сталина, не оставили бы столь кровавого следа в истории, если бы не их приспешники, которые практически полностью слились с личиной этих злодеев. Мультипликация усилий происходит за счет выстраивания авторитарной вертикали власти: при Гитлере и Сталине эта вертикаль более жесткая, так что от нее зависит жизнь

миллионов граждан. В мире науки все смягчено: от учений Фрейда и Эйнштейна люди, естественно, не гибнут на полях сражений, в тюрьмах и лагерях, однако их научная карьера все же во многом определяется симпатиями и антипатиями ортодоксальных фрейдистов и релятивистов. Сегодня, спустя много лет после Гитлера и Сталина, Фрейда и Эйнштейна ситуация в стране и мире радикальным образом изменилась.

С мифотворчеством Фрейда мы, к счастью, разобрались, хотя в отношении фрейдизма насочиняли столько небылиц из области трансцендентного естествознания, что нам всем не выкарабкаться из этой ямы еще в течение многих десятилетий. Теперь предстоит разобраться с Эйнштейном. Вы, конечно, догадываетесь, что для вселенского возвышения того или иного индивидуума требуются совершенно иные качества ума, чем его способности, связанные с научным предвидением. На примере Фрейда уже было выяснено, что толпе, состоящей из многих миллионов феофановых и пилатов, нужно чем-то угодить, им надо понравиться, без игры, обольщения и обмана этого многоголового Левиафана здесь не обойтись. В ответ на невинную шалость своего славного отпрыска коллективное бессознательное Левиафана сочинит красивую легенду, раструбит по всему миру небылицу, какой у Божественного Эйнштейна был всезнающий и быстрый ум.

Первое, с чем сталкивается читатель, который решил разобраться в релятивистских истоках, это все же достаточно привлекательная форма и искусственно созданная «чистота помыслов» богочеловека. Харизматический образ Эйнштейна проглядывает на многих его фотографиях. Я сам, признаться, долго находился под гипнотическим взором его глаз. Мотивы тех, кто в недавнем прошлом вывешивал его портреты в кабинетах и спальнях, мне понятен. Самая большая психологическая тайна скрыта в магнетизме его души. Аналогичным притягательным ореолом обладали и наши прославленные психоаналитики — Зигмунд Фрейд и Карл Юнг. Поэтому читатель должен отдавать себе отчет в том, что многие выводы предпринятого нами исследования строятся не на основе каких-то письменных документов, а в первую очередь на основе психологической модели плутовской личности Эйнштейна. Именно поэтому мы требуем от читателя определенной психологической подготовки, которую он может приобрести, изучив жульническую личность Фрейда.

Отношения между Эйнштейном и Фрейдом были пропитаны фальшью. Их частная переписка заполнена пустыми комплиментами и ничего не значащими рассуждениями на мнимо важные темы. Лишь не очень умным людям может показаться, что они решали какие-то глобальные проблемы человечества. Чтобы это мое обвинение не выглядело голословным, хочу более подробно рассмотреть их совместный проект под названием «Зачем воевать?» Этот небольшой труд представляет собой два открытых письма Эйнштейна и Фрейда, отличающиеся своей искусственностью и претенциозностью. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к тексту, сообщим некоторую предварительную информацию.

Во время Первой мировой войны Альберт Эйнштейн и Георг Николаи опубликовали «Обращение к европейцам» и создали «Союз нового отечества», посредством которых пытались приковать внимание мировой общественности на губительность войны — чем бы ее ни оправдывали политики. Тогда к их антимилитаристским акциям присоединился Ромен Роллан, но в целом усилия трех интеллектуалов оказались напрасными и абсолютно не повлияли на ход истории (об этом более подробно рассказывается в четвертой главе). И вот перед растущей угрозой Второй мировой войны Лига Наций, предшественница ООН, обратилась к Альберту Эйнштейну, как наиболее авторитетному ученому мира, с просьбой написать работу на актуальную тему. Он, естественно, выбрал

ту, которую от него ждали больше всего, — защиту мира от угрозы войны. Для ее раскрытия физик-теоретик призвал себе в помощники врача-психотерапевта.

«Дорогой профессор Фрейд! — пишет Эйнштейн своему визави. — Предложение Лиги Наций и ее Международного института интеллектуальной кооперации в Париже, состоящее в том, чтобы я пригласил человека, по моему выбору, для искреннего обмена мнениями по любой из проблем, которая меня интересует, дает мне прекрасную возможность обсудить с Вами вопрос, на мой взгляд, наиболее неотложный среди всех других, стоящих перед лицом цивилизации. Эта проблема формулируется так: *существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?*» [5].

Предложение Эйнштейна выглядит провокационно. Фрейд оказался в трудном положении, что чувствуется и по его ответу: «Дорогой г-н Эйнштейн! ... вопрос, который Вы адресовали мне... оказался для меня сюрпризом. Кроме того, я был буквально ошеломлен мыслью о *моей* (чуть было не написал — *нашей*) некомпетентности; для ответа мне надо было бы стать чем-то вроде практического политика, сравнившись в образовании с государственным мужем... Формулируя в своем письме постановку задачи, Вы отбираете ветер у моих парусов!» [5].

Выражение «нашей некомпетентности» здесь, конечно, подходит больше, так как Эйнштейн в своем приглашении к «искреннему обмену мнениями» признался: «Что касается меня, то привычная объектность моих мыслей не позволяет мне проникнуть в темные пространства человеческой воли и чувств. Поэтому в исследовании предложенного вопроса я могу сделать не более чем *попытку постановки задачи*, для того чтобы создать почву для применения Ваших обширных знаний о людских инстинктах в борьбе с этой проблемой. Существуют психологические барьеры, о существовании которых люди, не посвященные в науку о мышлении, лишь смутно подозревают. Взаимодействие и капризы ментальных хитросплетений делают их неспособными измерить глубину собственной некомпетентности; убежден, однако, что Вы способны предложить методы из области *воспитания и образования*, т. е. лежащие более или менее вне сферы политики, которые позволят преодолеть это препятствие» [5].

Как видим, Эйнштейн не только навязал Фрейду малоинтересную для него тему, он еще указал малознакомый психоаналитикам путь ее решения. Однако сам отец-основатель теории относительности не стал искать ответ в мутных водах «воспитания и образования», а напомнил неизбежную связку: «закон и сила неизбежно идут рука об руку». Отсюда вывод: «путь международной безопасности влечет за собой безусловное поражение в правах любой нации, ограничивая определенным образом ее свободу действий и суверенитет, и безусловно ясно, что нет иного пути, способного привести к безопасности в обсуждаемом смысле» [5].

Фрейд начал свое движение в том же русле: «термин власть я буду замещать и совмещать с более употребительным словом — *насилие*. Право и насилие для нас сегодня представляются противоположностями. Легко показать, однако, что одно развилось из другого; рассматривая вопрос с самого начала, достаточно легко прийти к решению проблемы» [5].

Тема власти и насилия настолько избита для философов XIX—XX столетия, что искать здесь какое-то новое решение, дело совершенно безнадежное. Разве могли два дилетанта в этой области тягаться с бесконечным списком титанов философской мысли, которые сделали проблему власти и насилия предметом скрупулезного исследования. Эйнштейн не был, конечно, оригинален, когда написал: «жажда ненависти и разрушения находится в

самом человеке». Как с этим бороться, Эйнштейн не знает, но надеется, что Фрейд окажет «огромную услугу всем нам» и прольет «свет истины», который «озарит путь для новых и плодотворных способов действий».

Отец-основатель психоанализа стал рассуждать в привычной для него манере: «Конфликт интересов между людьми в принципе решается посредством *насилия*... то же самое происходит и в мире *животных*... Наиболее эффективно такое завершение конфликта, при котором противник полностью выведен из строя — другими словами, убит. Эта процедура имеет два преимущества: враг не может возобновить военные действия и, во-вторых, его судьба является сдерживающим примером для остальных. Кроме того, кровопролитие удовлетворяет некоторую *инстинктивную страсть*... Однако есть аргументы и против убийства: возможность использования врага как *раба* — если дух его будет сломлен, ему можно оставить жизнь» [5].

Такова схема решения в примитивных обществах. Что могло бы предложить цивилизованное гражданское общество? Фрейд предлагает заменить «индивидуальное насилие» на «общественное». «Союз большинства должен быть прочным и стабильным, — продолжает психоаналитик. — Если это основное условие будет нарушено каким-либо *выскачкой*, то до тех пор, пока *выскачка* не будет *поставлен на место*, положение вещей не будет меняться. Другой человек, замороженный превосходством его власти, пойдет по его стопам, вверяя себя вере в насилие, — и цикл повторится бесконечно. Противопоставить этому порочному кругу борьбы за власть можно только постоянный союз людей, который должен быть очень хорошо организован... *Распознавание возмутителей спокойствия* среди членов группы, связанной чувствами единства и братской солидарности, лежит в основе реальной силы и эффективности общины. В этом состоит то, что представляется мне ядром решения проблемы: по мере превращения произвола насилия в силу великого объединения людей, основанного на обществе чувств, формируется общность чувств, скрепляющих членов общины сетью связей. Далее мне остается лишь шлифовать это утверждение» [5].

Вряд ли есть смысл рассматривать нам здесь «шлифованные» детали такого решения, поскольку уже ясно, что перед нами типичная *утопия*, воплощение которой в жизнь приведет к еще более страшной несправедливости. Уместно напомнить, что сталинский и гитлеровский режимы только и занимались «распознаванием возмутителей спокойствия» и «ставили на место» немногочисленных «выскачек». *Общественное* насилие намного ужаснее *индивидуального* — не зная этого, значит, ничего не понимать в жизни общества.

Никакого универсального рецепта, подходящего на все времена и для всех народов, не существует. Чтобы успешно решать политические конфликты, надо уметь снимать *конкретные* противоречия, о которых витающие в облаках философы ничего не знают. Поэтому реальных политиков всегда будут раздражать умозрительные схемы предотвращения конфликтов заведомо утопического характера. Однако меня возмущает в обсуждаемых письмах даже не само ложное решение трудной проблемы войны и мира, а та выпяченная форма фанфаронства, проявленная двумя знаменитостями на глазах у почтенной публики. Истинно мудрый человек воздержался бы от публичного высказывания по вопросу, в котором он ничего не смыслит. Эйнштейн и Фрейд, возомнив себя небожителями, по сути, взялись не за свое дело. Более того, они затеяли неприличную игру, лишенную гуманистического духа. Их открытые письма — это дешевая PR-акция, рекламирующая лишь самих авторов. Не видеть этого могут только наивные люди, ставящие оторванные от жизни авторитеты выше здравого смысла.

Тема пацифизма звучала на протяжении всей жизни Эйнштейна. В период Первой мировой войны большим пацифистом считался знаменитый французский писатель Ромен Роллан, которого война застала в Швейцарии. В марте 1915 года между ним и Эйнштейном завязалась переписка. В одном из писем по поводу милитаристских настроенных своих коллег Эйнштейн высказался так: «В воюющих странах даже ученые ведут себя так, словно у них восемь месяцев назад удалили головной мозг». Роллан подготовил антимилитаристский сборник «Над схваткой», после выхода которого Эйнштейн написал ему: «Из газет я узнал о смелости, с которой Вы выступили, чтобы устранить то тяжелое, что разделяет сейчас немецкий и французский народы. Это заставляет меня выразить Вам чувства моего горячего уважения. Пусть Ваш пример пробудит других людей от ослепления, которое охватило столько умов». В сентябре они встретились, после чего в дневнике Роллана появилась запись, касающаяся Эйнштейна: «Необычайно вольны его суждения о Германии, в которой он живет. Не всякий немец обладает такой свободой суждений. Другой человек страдал бы, чувствуя себя духовно изолированным в этот страшный год. Он — нет. Он смеется» [6].

Эйнштейн действительно время от времени возмущался поступками своих коллег, в частности, химиком-технологом Фрицем Габером, который разработал технологию производства отравляющих газов и был инициатором их применения в Первой мировой войне. Вместе с тем хорошо известно, что сам Эйнштейн помогал разрабатывать гироскопы для ориентировки подводных лодок и даже пытался сконструировать военный самолет (то, что из него не получился авиационный конструктор, это другой вопрос). С 1943 года и до конца Второй мировой войны Эйнштейн консультировал Бюро артиллерии ВМФ США по вопросам «взрывчатых веществ большой мощности».

В своих письмах самый известный «пацифист» часто писал друзьям, что война совершенно не волнует его, не мешает ему жить и спокойно работать. Однажды, имея в виду воюющую Европу и работающих в ней ученых, Эйнштейн цинично заметил: «Отчего бы обслуживающему персоналу ни пожить в свое удовольствие в сумасшедшем доме». Когда организацию «Союз нового отечества» закрыли за распространение антипатриотических идей, Эйнштейн не стал особенно горевать. Сколько бы не упраскивал его Георг Николаи возобновить политическую борьбу за мир, он всякий раз отказывал ему.

Почитатели Эйнштейна, например, Роберт Шульман, объясняют подобные поступки нежеланием «великого гуманиста» ходить строем. На самом же деле такое поведение Эйнштейна вызвано его крайней *беспринципностью*. Эта черта характера особенно была заметна в тех случаях, когда нужно было сделать нравственный выбор. Если Эйнштейну казалось, что его поступки останутся в тайне или, по крайней мере, будут находиться вне сферы внимания широкой публики, он легко шел на сделку со своей совестью. Отсюда, между прочим, его интимные отношения с женщинами всегда носили предательский характер. Ведь о его непрерывных изменах практически никто не знал (Эта тема раскрывается в четвертой главе «Любовницы Эйнштейна»).

Беспринципность накладывает свой ужасный отпечаток и на научную деятельность. Разумеется, любой исследователь способен напряженно и честно работать. В минуты творческого вдохновения человеку не приходит в голову мысль кого-то надуть. Но когда беспринципный ученый, как, например, Эйнштейн и Фрейд, находится вне творческого процесса, когда ему требуется выбрать результат исследовательской работы, проведенной другими учеными, здесь он уже не способен на честную и объективную оценку.

В течение века релятивисты и психоаналитики каждодневно слышат критику в свой адрес, однако они делают вид, будто она их не касается. С самого начала Эйнштейн и Фрейд обзывали своих оппонентов антисемитами и тупицами, которые упорно не желают признать одобренные всем миром законы бытия. Эти революционеры от науки умели заткнуть рот всякому, кто поднимал голову против них. Никогда еще в истории науки, включая период господства Святой Инквизиции, наука не находилась в столь катастрофическом положении, как сейчас.

Все, что творилось вокруг Эйнштейна и Фрейда на протяжении XX века, иначе как коллективным помешательством не назовешь. Основная черта шизотимика — скрытность. Тайна сокрытия дочери Эйнштейна — одно из доказательств наличия шизотимической психики у того, кто это сделал. Тайна «Толкований сновидений» и тайная фальсификация сочинений Йозефа Брейера тоже свидетельствует о шизофренической сущности фрейдистского феномена. Темная толпа всегда хочет увидеть сверхъестественное и она увидела его. Толпа мечтала о кристально честных супергероях, и миру явились Фрейд и Эйнштейн. Хотите чудо-психологию — получите психоанализ; хотите чудо-физику — получите теорию относительности. Чего еще изволите, шизоиды несчастные?

-
1. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
 2. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).
 3. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В.И. и О.И. Марцарских / Под ред. А.А. Логунова. — М.: «Наука», 1989 (Abraham PAIS «'Subtle is the Load...' The Science and the Live of Albert Einstein». — Oxford — N. Y. — Toronto — Melbourne: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1982).
 4. Феофанов В.А., Пилат Б.В. Триумф и драма Альберта Эйнштейна. — М.: Когелет, 2001.
 5. Эйнштейн и Фрейд. Зачем воевать? / Перевод и публикация А.Л. Самсонова — глав. ред. журнала «Экология и жизнь», 2005 / Why War? «Open letters» between Einstein & Freud. The New Commonwealth, №6, 1934.
 6. Сноу Ч.П. Портреты и размышления / Перевод Г. Льва. — М.: "Прогресс", 1985 г., стр. 137-156.

3. Милева Марич как подруга и жена Эйнштейна

До 1987 года личность первой жены Эйнштейна, Милевы Марич, никого особенно не интересовала. Но после того, как выяснилось, что она принимала самое деятельное участие в написании всех основных работ мужа, интерес к ней резко возрос. «По словам эйнштейноведов Роберта Шульмана и Юргина Ренна, — пишут Картер и Хайфилд, — Милеве были "в высшей мере присущи уверенность в себе и независимость, дисциплинированное отношение к занятиям и здоровое отсутствие излишнего почтения к авторитетам"» [1, с. 59].

Это был человек крайне целеустремленный и волевой, ищущий свой путь в естествознании. «Ее биограф Дорд Кршич рисует себе такую картину: муж и жена при свете старинной лампы вместе работают до глубокой ночи. Он полагает, что Милева занималась научной работой вместе с Эйнштейном "спокойно, скромно и незаметно для

глаз людских". Широко известно, что Эйнштейн говорил друзьям: "Математическую часть работы за меня делает жена"» [1, с. 151].

На мой взгляд, существовала асимметрия в их совместном интеллектуальном труде. Еще в гимназии Марич «блистала по математике и физике»; на выпускных экзаменах по этим двум предметам «ни у кого не было лучших отметок, чем у нее» [1, с. 52]. По окончании гимназии она выбрала высшее учебное заведение для продолжения учебы, где готовили будущих преподавателей этих дисциплин, хотя в то время женщины не могли так свободно, как сегодня, посвящать себя точным наукам и вынуждены были подыскивать для себя другие занятия.

Известно, что Милева прекрасно умела производить алгебраические вычисления и неплохо ориентировалась в аналитической механике. По этим предметам она затем давала частные уроки. Две ее ученицы, Майя Шукан и Гертруда Каппелер, оставили о ней самые теплые и трогательные воспоминания, как об очень «мягкой в обращении, корректной, очень добросовестной, но требовательной преподавательнице» [1, с. 302], «приветливой и симпатичной даме», которая «терпеливо и необычайно четко излагала основы алгебры и математики вообще»; «благодаря ее помощи все сложное становилось простым» [1, с. 303].

Но в студенческие годы ей не давалась начертательная и проекционная геометрия, где требовались навыки работы с наглядными представлениями, она испытывала страх перед этими предметами и имела по ним низкие оценки. Помимо физико-математических дисциплин ее привлекала еще одна очень популярная тогда область знаний — психиатрия, так что сначала она поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, на котором впоследствии будет учиться ее сын Эдуард. Проучившись там первый семестр, она все же решает бросить его и перейти на физико-математический факультет Цюрихского Политехникума.

Это было швейцарское высшее техническое заведение международного класса, готовящее инженеров-электриков, то есть наиболее востребованных технических специалистов того времени (сейчас оно называется Eidgenössische Technische Hochschule — ETH). Однако диплом об окончании этого довольно престижного образовательного учреждения позволял преподавать в средней школе, на что, собственно, и рассчитывала Милева Марич, выбрав профессию учительницы. Тогда она была единственной девушкой-студенткой и пятой за всю историю Политехникума (первая появилась в 1871 году и прибыла, между прочим, из Москвы). Не забудем также, что «Милева стала одной из первых девочек в Австро-Венгерской империи, которая сидела в школьном классе вместе с мальчиками-сверстниками» (Kristic). Это, конечно, о многом говорит.

Имя Милевы Марич после 1920 года не произносилось в присутствии Эйнштейна, дабы его не раздражать; про нее забыли почти так же надежно, как и про его первую дочь Лизерль. Информация о жене либо отсутствовала, либо носила сильно искаженный характер. Однако не может человек, проживший с Эйнштейном душа в душу свыше 15 лет не оставить никаких следов и они отыскивались. Придворные биографы, упоминали о ней в нескольких словах чаще негативного содержания, хотя всякому здравомыслящему человеку было понятно, что здесь скрывается какая-то тайна. Но чем ближе к нашему времени, тем больше и больше правдивой информации появляется о Милеве.

В 1930 году по просьбе самого Альберта Эйнштейна Рудольф Кайзер (муж Ильзы Эйнштейн, дочери второй жены Эйнштейна, Эльзы Левенталь) под псевдонимом Антон Рейзер издал хвалебно-угодливую и во многом лживую биографию «гениального

ученого», в которой имя Милевы Марич упоминается всего один раз в связи с первым браком героя. Не лучше по своей «правдивости» биографии, написанные Бэнешем Хофманом при участии Элан Дюкас [3], Б.Г. Кузнецовым [4] и т.д. Маргарет Маурер цитирует выдержки еще из двух биографий, Филиппа Франка [5] и Карла Зелига [6]. Франк написал: «Если он [Эйнштейн] хотел сообщить ей, как коллеге, волновавшие его идеи, ее реакция была настолько скудна и слаба, что он часто совершенно не понимал, интересовалась ли она этим или нет» [5, с. 44]. По его словам, она была «свободомыслящим человеком с прогрессивными убеждениями», [9, с. 95], но «не обладала в сколько-нибудь сильной степени способностью войти в близкий и доставляющий удовольствие контакт с окружением. ... В характере Милевы присутствовало нечто тупое, резкое и непреклонно суровое», [9, с. 96].

Франк явно сгустил краски: неприветливость в моменты первого знакомства у нее, очевидно, была, но ничего «тупого» и «резкого» не было, особенно, в молодые годы. Может быть, в зрелом возрасте, когда Эйнштейн стал ей изменять, у нее в характере появилось что-то «непреклонно суровое», но в студенческие годы она отличалась застенчивостью, скромностью и непритязательностью. Ее биографы (Трбухович-Гжурич, Маурер и др.) отмечают, что она была доброжелательна, мила и вполне привлекательна, как женщина. Если она сумела влюбить в себя такого павлина, каким был в молодости Альберт, с этим, пожалуй, можно согласиться. О высоте градуса их чувств говорят десятки писем, которыми они обменивались.

Аналогично читаем у Зелига: «Без Эйнштейна, вероятно, она никогда бы не приобрела выпускное свидетельство. Ее туповатая медлительность часто делали ее учебу и жизнь безрадостной. Милева казалась окружающим мрачной, неразговорчивой и неприветливой» [6, с. 52-53]. «Движимая жаждой знаний, — пишет Зелиг, — она приехала в Швейцарию, чтобы поступить в Федеральное высшее политехническое училище и получить специальность учительницы. Она была достаточно способным человеком, но математическим дарованием не обладала» [6, с. 45]. Последние слова, сказанные здесь, несправедливы в отношении Милевы. Она, конечно, звезд с неба не хватала, но если сравнивать ее математические способности со способностями Альберта, то последний окажется в проигрыше. Из всех старых выпущенных до 1987 года биографий более или менее адекватное понимание роли Милевы представил Петр Мичелмор. В 1968 году он написал: «Милева помогала ему [Альберту] в решении определенных математических задач, хотя во время творческой работы никто не помогал ему в выдвижении новых идей» [10, с. 54].

Откуда взялись такие дискриминационные оценки, сказать несложно: при отсутствии достоверных фактов о Милеве все названные биографы исходили из ложных представлений о ее личности. Точнее даже так: они брали за основу ту личность, которая рисовалась в родственном кругу Эйнштейна после его развода с первой женой. Особенно сильно Милеву ненавидел и презирал, прежде всего, сам Альберт, затем его мать, Полина, и, наконец, вторая жена, Эльза. Они исказили портрет бескорыстной помощницы «гения» до полной противоположности при молчаливом согласии ее сына, Ганса Альберта, и других родственников.

Впрочем, кроме Эйнштейна, все остальные, включая Ганса Альберта, практически не знали правды. В этом смысле создавшаяся ситуация с теорией относительности схожа с ситуацией, возникшей с психоанализом Зигмунда Фрейда: он тоже помалкивал относительно источника идей, которым на первом этапе служила Берта Паппенхейм. И Карл Юнг ничего не рассказал о Сабине Шпильрейн. С психологической точки зрения ситуация здесь вполне прозрачна. В нашем случае она означает следующее: именно

потому, что Милева сыграла ведущую роль в генерации первых «эйнштейновских» идей, в дальнейшем эта ее роль демонстративно принижалась почитателями отца-основателя новой религии. Далее мы расскажем более подробно о семье и жизни Милевы Марич (это сербское произношение фамилии, по-венгерски фамилия звучит Марити).

Отец Милевы, Милош Марич (Milos Maric, 1846—1922), происходил из очень порядочной, но небогатой семьи крестьянина. Семья была не в состоянии дать ему хорошее образование, возможно, поэтому он страстно желал, чтобы его дети получили достойное образование. «Как руководитель сербской читальни в городе, — пишут Картер и Хайфилд, — он с удовольствием встречался с молодежью и делился с ней своими воспоминаниями о военной службе. В этих случаях он, по словам одного из слушателей, держался по отношению к аудитории несколько снисходительно, по-отечески» [1, с. 50]. Но в повседневной жизни он был честолобив, достаточно строг, горд, более того, надменен. У Ганса Альберта, напротив, сохранились о его дедушке впечатления как человеке добром, спокойном и ни минуты не сидящем без дела.

В военную школу Милош Марич попал в 16 лет и следующие 13 лет провел в казармах и полевых учениях. Службу в армии он рассматривал как ступеньку в дальнейшей карьере. Благодаря своим незаурядным лингвистическим способностям, отец быстро продвинулся по военной службе. В январе 1876 года он получил должность служащего окружного суда Рума (Ruma), а в мае 1894 года пошел на повышение и возглавил надзирающую службу Верховного суда в Аграме (Agram, сейчас Загреб). В 1868 году он женился на богатой невесте, Марии Ружич (Marija Ruzic, 1846—1935), родственники которой занимали высокое общественное положение в городе Нови Сад (Novi Sad). С помощью Марии и ее семейных связей Милош сделался богатым землевладельцем. Набожное сербское семейство будущей жены Милоша считало, что жена должна рожать детей и трудиться по хозяйству, поэтому Мария ничему другому не училась.

Сначала у Марии родилось два ребенка, которые, однако, умерли в раннем детстве. Следующий ребенок, родившийся 19 декабря 1875 года, выжил, хотя и получил родовую травму — вывих левого бедра, повлекший хромоту на всю жизнь. Это и была Милева, у которой в 1883 году появилась сестренка по имени Зорка. Впоследствии у нее обнаружилось какое-то серьезное психическое расстройство. Ее точное заболевание нам не известно, но впервые болезнь дала о себе знать вскоре после попытки ее изнасилования группой солдат в Хорватии. В 1885 году у Милевы появился братик, которого назвали в честь отца, Милош.

Милош-старший души ни чаял в Милоше-младшем, мечтая, чтобы тот стал настоящим мужчиной. Брат получил медицинское образование и пошел служить армейским врачом в австрийскую армию. Осенью 1916 года он «оказался военнопленным в России» [11, с. 154]. Однако в 1917 году ему каким-то образом удалось «дезертировать» из австрийской армии, что явилось настоящим ударом для отца. Семь лет сын скрывался и отмалчивался, как вдруг объявился. В надежде, что брат приедет домой, Милева примчалась в Новый Сад. Но, увы, к всеобщему удивлению и разочарованию, брат так и не появился в доме. По сути, испугавшись гнева отца и презрения родственников, он дезертировал вторично. Потом отец скажет, что сын умер для него, как умерли два младенца, родившиеся до него.

В 76-летнем возрасте Милош-старший скончался от апоплексического удара. На смертном одре он признался, что жизнь его была неудачной: два младенца умерли, Зорка сошла с ума, а Милош-младший его просто опозорил. И только дочка Милева, большая умница, была его гордостью. Он любил ее больше жизни и, конечно же, не пожалел на ее обучение ни денег, ни своего влияния в высшем обществе.

Милева родилась за неделю до Рождества Христова, в Воеводине — «крае разбойников и повстанцев», как потом говорил Эйнштейн, который в те времена принадлежал Венгрии, а сейчас Сербии. С самого раннего детства она проявила поразительные способности к математике и языкам. Помимо этого, девочка увлекалась живописью и музыкой. Одна престарелая учительница сказала отцу: «Эту девочку надо беречь. Она — необыкновенный ребенок» [1, с. 51]. Родные ласково называли ее Митцой (Mitza). Этим прозвищем пользовался и Альберт в период их сильной взаимной любви.

В то время ни в Германии, ни на территории Австро-Венгрии девочки редко учились в гимназиях, а тем более в высших учебных заведениях. Но у Милевы обнаружились выдающиеся интеллектуальные способности. Поэтому отец настоял, чтобы она получила достойное образование. Она окончила начальную народную школу (Volksschule), где училась в период с 1882 по 1886 год. Затем в 1886/87 учебном году закончила первый класс средней школы для девочек в Новом Саду. Ее одноклассница Елизавета Барако, вспоминает, что за высокие оценки и прилежание Милеву прозвали «наша святая» [1, с. 51]. Последующие классы она училась в гимназии Sremska Mitrovica, расположенной в окрестностях Рума. Это частное учреждение было оснащено химическими и физическими лабораториями, что позволило Милеве приобрести навыки экспериментатора. В гимназии, которую она закончила в 1890 году, она всегда получала только самые хорошие отметки, особенно, по математике и физике. Немало времени она уделяла изучению иностранных языков, особенно налегала на немецкий и французский [1], [7].

Все это время ее родители проживали в Руме; в середине мая 1894 года семья переезжает в Аграм (Загреб). «Как высокоодаренная и успешная ученица, — пишет Маргарет Маурер, — она добилась того, чтобы ее допустили в Королевскую высшую гимназию города Аграма [позднее, Zagreber Knabengymnasium] на правах частной ученицы; она — единственная девушка, которая могла брать уроки по физике (этот предмет изучали только мальчики)» [7]. Понятно, что такое юридическое исключение мог получить для нее отец, который работал в Верховном суде города. Но его возможности были не безграничны. Чтобы продолжить свое образование, Милева вынуждена была выехать за пределы Габсбургской монархии в свободный город Цюрих — первый немецкоязычный город, в котором с 1867 года разрешено было учиться в университете девушкам.

В Цюрих Милева приехала самостоятельно в ноябре 1894 года. Этот город, пропитанный духом либерализма, стал для нее родным (здесь в 1948 году она умрет). По желанию учиться и жажде знаний девушке из Сербии не было равных, в этом отношении она явно выделялась из среды своих сверстниц. С самого раннего детства она показала себя умной, волевой и самостоятельной личностью, решившей посвятить себя интеллектуальной работе. Отец не мог нарадоваться успехам дочери. Он понимал, что его любимица далеко пойдет, никогда не наделает никаких глупостей, поэтому предоставил ей полную свободу действий в реализации своих интеллектуальных способностей.

В Цюрихе Марич начала самостоятельно изучать медицину, планируя стать врачом-психиатром — наиболее модной на тот период профессией. В Цюрихском университете на отделении, где впоследствии будет учиться Карл Юнг, она проучилась один летний семестр. Потом Милева поняла, что профессия врача — это не для нее. В конце октября, когда формировалась очередная группа в Цюрихский Политехникум, решительная 21-летняя девушка, прекрасно разбирающаяся в вопросах физики и математики, успешно сдает экзамены и попадает в группу мальчиков-первокурсников, куда со второго раза поступил учиться 17-летний Альберт Эйнштейн. Первую попытку он сделал ровно год назад, в октябре 1895 года, но не прошел испытательные экзамены. После провала он поступил в кантональную школу, дипломом которой давал право поступать в

Политехникум без экзаменов. После годичного подготовительного курса его гарантировано зачислили на первый курс.

Первый курс Милева Марич закончила вполне успешно, хотя могла бы учиться значительно лучше. Этому есть объяснение: она была «разочарована стандартом обучения по физике» (строка из письма), принятым в Политехникуме. Ей было скучно изучать предметы, связанные с будущей технической специальностью, предназначенной для парней. Милева ожидала большего, мечтала узнать о самой передовой науке, чего, к сожалению, в Цюрихском Политехникуме она не нашла. Жаждающая знаний девушка начала самостоятельно много читать научной литературы, не входящей в программу обучения. Этим своим энтузиазмом она заразила друга, Альберта, который привязался к ней. Чтобы не отстать от нее и как-то завоевать ее внимание, он тоже пытается приобщиться к чтению статей, рассказывающих о последних достижениях физики. Альберт делал это в основном по необходимости, чтобы понравиться своей подруге. До этого проблемы передовой науки и последние открытия в физике его не сильно интересовали. Милева же делала всё по зову сердца, из чисто научного любопытства. Она добывала знания ради самих знаний, а не ради того, чтобы выглядеть в глазах друга достойно.

В качестве доказательства приведем строки из августовского письма 1899 года; в нем Альберт писал Милеве: «Наряду с этим я изучил также прекрасные места из Гельмгольца по поводу атмосферных движений — от страха перед Вами и, между прочим, к собственному удовольствию. Сразу же добавлю, что я хотел бы вместе с Вами просматривать всю историю [физики]... Когда я читал первый раз Гельмгольца, то ничего не мог понять, я не мог поверить, как не могу до сих пор, что Вы не сидите со мной рядом. Совместно работать с Вами я нахожу прекрасным и полезным, работа идет намного спокойнее и кажется мне менее скучной» [2, doc. 50].

Через год Альберт пишет ей: «К исследованию эффекта Томсона, я убежден, нужно подходить иначе... Если бы мы только могли начать сразу же завтра!» [2, doc. 74]. И чуть раньше: «Как мог я только жить раньше, ты моё маленькое всё. Без тебя мне не хватает уверенности в себе, страсти к работе, и жизнь не в радость — короче, без тебя мне и жизнь не жизнь» [2, doc. 72]. Эйнштейн только с ней начал знакомиться с классическими произведениями Гельмгольца, Томсона, Больцмана, Друде, Герца, Кирхгофа, Маха, Оствальда, Планка (эти имена фигурируют в письмах) и обсуждать физические проблемы со своей возлюбленной. Она была его единственной отдушиной, когда он после окончания Политехникума в течение почти двух лет оставался безработным.

Целеустремленная студентка для получения знаний с передового фронта науки 5 октября 1897 года забирает документы из Цюрихского Политехникума и решает ехать в Германию, в старейший (основан в 1386 году) Гейдельбергский университет, где она слышала об удивительных экспериментах с канальными лучами и фотоэлектрическим эффектом, которые проводил будущий лауреат Нобелевской премии (1905) и ярый противник теории относительности, Филипп Ленард. Не отсюда ли проистекает интерес Эйнштейна к явлению фотоэлектричества, за исследование которого в ноябре 1922 году он получит Нобелевскую премию за истекший 1921 год? 20 октября 1897 года Милева поделилась впечатлениями о содержании прослушанной накануне лекции «хорошего профессора Ленарда», посвященной вопросу теплого движения молекул. Она была поражена большой скоростью движения молекул (400 м/с) и малости пути свободного пробега (1/100 от толщины волоса), о чём с удивлением и поделилась со своим другом Альбертом [2, doc. 36].

Тема теплого движения молекул, тесно связанная с так называемым броуновским движением, была актуальна для Эйнштейна, поскольку послужила темой одной из его статей 1905 года, а также темой его диссертационной работы. Популяризаторы «эйнштейновских достижений» не любят вспоминать еще пять совершенно ошибочных работ, опубликованных в *Annalen der Physik* в период с 1901 по 1904 год по тепловой кинетике молекул (но об этом позже). Кроме того, нужно не забыть упомянуть, что Милева в Гейдельберге прослушала курс электродинамики — главная тема другой работы Эйнштейна 1905 года, «К электродинамике движущихся тел» (и об этом мы детально поговорим позже). Осенью 1897 года она посещает математические лекции профессора Лео Кёнигсбергера по эллиптическим функциям и профессора Карла Кёлера по теории чисел, а также изучает аналитическую механику, избранные главы интегрально-дифференциального исчисления [7].

Надо пояснить, что в ту далекую эпоху студенты более свободно переходили из одного учебного заведения в другое, чем сейчас. Профессора не сопротивлялись этому перемещению, когда видели, что студент хорошо учится и действительно хочет узнать что-то новое, чего нет в данном институте или университете. Это правило распространялось на парней; для девушек всё было намного сложнее. Свои молодые силы Марич потратила не только на освоение физических и математических предметов, но и на преодоление жесточайшего сопротивления, связанного с тогдашними предрассудками: считалось, что из женщины не может получиться первоклассный ученый. Это тогда, а что сейчас? Нынешние женоненавистники снова кричат, что Марич приложила не достаточно сил, чтобы стать физиком. Возле мужа, твердят они, первая жена «гениального физика» всегда была только домохозяйкой.

Итак, зимний семестр (тогда год делился на летний и зимний семестры, а не на весенний и осенний, как сейчас) второго года обучения Милева Марич начала в Германии, о чём сообщает Эйнштейну в октябрьском письме 1897 года [2, doc. 36]. Она жадно слушает лекции немецких профессоров, которые по содержанию, ей показались намного интереснее лекций, читаемых в Политехникуме. По письмам видно, что ее захватил открывшийся перед ней мир науки. Старательная студентка так поглощена учебой и исследованиями, что даже забывает отвечать на письма Альберта. Между тем в своем письме от 16 февраля 1898 года он явно показывает, что заскучал, называет ее «маленькой беглянкой» и просит «поскорее вернуться» [2, doc. 39]. Проучившись в Гейдельберге зимний семестр, Милева в апреле 1898 года возвращается назад в Цюрих, но не потому, что ее позвал обольстительный сокурсник, а потому, что в прославленном университете Германии с 1891 года женщины имели право посещать лекции любых профессоров на правах вольнослушательниц, но им не выдавали диплом. Милева посещала все положенные лекции и практические занятия, однако невозможность получения аттестата заставило ее вернуться назад в Швейцарию. Ее возврат в Цюрих по времени почему-то совпал с началом, когда Эйнштейн по собственным заявлениям [8] начал заниматься специальной теорией относительности (об этом подробнее ниже).

Вояж Милевы в цитадель передовой науки, почитатели Эйнштейна не любят комментировать и часто, вообще, забывают о нём сообщить. Зато они охотно рассказывают, как "студентка-дурнушка" разглядела в симпатичном парне будущего гения и мертвой хваткой вцепилась в него. Лакейские биографы всячески подчеркивают хромату и внешнюю непривлекательность Милевы и отсюда делают вывод, будто не он, а она влачила за ним. Этот вздор проистекает от непонимания психологии того и другого. Умная, гордая и вполне привлекательная девушка могла бы найти себе партию получше, но почему бы не ответить на ухаживания симпатичного молодого человека, который был явно неравнодушен к ней. Отношения между ними развивались медленно: Милева

присматривалась к Альберту, долго взвешивала, но после поездки в Германию пошла на сближение. Разумеется, в Гейдельбергском учебном заведении она ощущала себя более одиноко и неудобно, чем в Цюрихском, но это не было причиной ее возврата.

«Предположение о том, что Милева боялась не устоять против чар Эйнштейна, — пишут Картер и Хайфилд, — кажется поспешным. Первое из ее сохранившихся писем к нему написано вскоре после отъезда; очевидно, что Эйнштейн вызывает у нее определенный романтический интерес, но в письме нет и следа той страсти, которой отмечены ее более поздние письма. Письмо Милевы было ответом на четырехстраничное письмо Эйнштейна, ныне утраченное. В ее словах чувствуется кокетливая самоуверенность, но никак не любовное смятение. Альберт велел ей не писать, пока ей не станет скучно, и Милева отвечала: "Я всё ждала и ждала скуки, но так и не дождалась, и не знаю, что с этим делать". Тон ее письма насмешливый. Рассказывая о своем однокурснике, который бросил учебу, по-видимому, из-за неразделенной любви, она замечает, что "так ему и надо", какой смысл влюбляться в наше-то время?» [1, с. 57-58].

Весной 1899 года, их отношения перерастают в настоящую любовь. В письмах он называет ее Долли (Doxerl — маленькая куколка), она его — Джонни. «В августе следующего года, — пишут Картер и Хайфилд, — она стала его "милой малышкой" или "милой возлюбленной малюткой". Но воображение Эйнштейна этим не ограничилось. В разные периоды он называл Милеву своей маленькой колдуньей, своим лягушонком, своим котенком, своим уличным мальчишкой, своим ангелом, своей правой рукой, своим бессменным ребенком, своей маленькой чернушкой и придумал множество вариаций упомянутых имен. Она же была более постоянной, именую его "Джонни". Это прозвище впервые появляется в том же письме, где в первый раз фигурирует обращение на "ты". Вот оно самое короткое и нежное из ее писем.

"Мой милый Джонни,

Потому что ты мне так дорог и ты так далек от меня, что я не могу тебя поцеловать, я пишу тебе, чтобы спросить, нравлюсь ли я тебе так же, как ты нравишься мне? Ответь мне немедленно.

Целую тебя тысячу раз. Твоя Долли".

Ответ на это письмо, если он и существовал, не сохранился» [1, с. 62].

Судя по словам «целую тебя туда, куда ты мне позволишь», любовные отношения между ними были далеки от пуританских и вполне отвечали наступившему фрейдистскому веку. Альберт много написал прочувствованных слов вроде: «приятные воспоминания о том, как счастлива ты была в наш последний день, проведенный вместе, не покидают меня, так что позволь мне поцеловать твой маленький ротик, чтобы не дать уйти этому счастью». Можно подумать, что, находясь вдали от Милевы, Альберт только и думал о ней. Но в это верится с трудом, поскольку он постоянно забывал поздравить ее с днем рождения. Это очень эйнштейновская черта характера: написать любвеобильное письмо и тут же выбросить из головы образ своей возлюбленной.

Родители Милевы смотрят на их любовь вполне благосклонно, так как понимают, что их дочке пришла пора, выходить замуж. Родители Альберта, напротив, взирают на открывающуюся перспективу с ужасом. Невеста безобразна, хромоножка, на четыре года старше сына; она — сущий «книжный червь» (так называла ее будущая свекровь), да еще сербка. Ни о какой женитьбе, считают они, не может быть и речи. Очень несладко

приходилось Милеве, немало слез пролила она в подушку, к счастью, вместе с предателем-другом у нее появилась преданная ей подруга.

В 1899 году Милева познакомилась с Элен Кауфлер (Helene Kaufler), студенткой из Вены, учившейся на историческом факультете Цюрихского университета, в котором три года назад училась и Милева. Элен получила диплом историка в 1900 году, т.е. когда Милева закончила Политехникум, но без диплома. Вскоре после окончания университета Элен вышла замуж за инженера Миливоже Савича (Milivoje Savic). Он, как и Милева, родом из Сербии, она же, как и Эйнштейн, еврейка. Элен стала самой близкой подругой Милевы, так что их переписка является одним из важнейших источников информации о жизни первой жены Эйнштейна. Подруги доверяли друг другу самое дорогое, что было у них: личные и семейные тайны, воспитание и содержание детей, а также денежные средства, в которых обе нередко нуждались. Не только внутренне, но и внешне они были похожи: обе прихрамывали, обе не отличались большой красотой, обе имели невысокий рост (153 см) и обе родились в 1875 году. Елена умерла в Белграде из-за пневмонии, в разгар войны (в 1943 г.) после смерти своего мужа, который скончался у себя на родине на три года раньше ее. В Белграде у них осталась дочь.

Уже в начале нового века отношения между Милевой и Альбертом перезрели, но чем крепче становилась между ними любовь, тем большее сопротивление они испытывали со стороны семейки Эйнштейнов. В мае 1901 года она пишет Альберту: «Мой Бог, как прекрасен будет мир, когда ты увидишь меня своей маленькой женой». Она мечтает о создании семьи, рождении детей, образование и наука, естественно, отодвинулись на второй план. Все ее мысли заняты решением проблемы по преодолению заслона, возведенного родителями Альберта. «Может быть, появление ребенка заставит предрассудочную мамашу сдаться и согласиться на женитьбу сына, — думала Милева. — Ждать волевых действий от слабохарактерного Альберта не приходится: поперек желания матери он никогда не пойдет». И решительная сербка, в конце концов, рискнула.

Зачатие Лизерль (Lieserl) произошло в начале мая 1901 года на озере Комо, что на севере Италии, где они провели три-четыре чудесных дня на отдыхе после долгой разлуки. Назад в Швейцарию они двигались сначала по воде на лодке, потом на допотопной лошадиной повозке, откуда им открывался живописный горный ландшафт. Весна, на душе праздник, кажется, всё будет хорошо, они вместе будут жить весело и счастливо до скончания века. Милева писала Элен: «Какое счастье иметь снова своего возлюбленного пусть на короткое время; я видела, что он был тоже счастлив!»

Теперь вся надежда на Альберта, он должен собрать волю в кулак и уговорить мать жениться на ней. В конце мая Эйнштейн написал Милеве: «Как же восхитительно всё было в последний раз, когда мне позволили прижаться к твоему дорогому маленькому человечку, который движется по пути, сотворенному природой». В следующем письме звучат вопросы: «Как там мальчик? Как поживают наш маленький сынишка и твоя докторская диссертация?» [11, с. 67].

Альберт ждал мальчика, а она надеялась на защиту докторской диссертации. Увы, ожидания не оправдались: «возлюбленный», по сути дела, предал Милеву. Как только забрезжила перспектива стать отцом, он начал избегать ее, выдумывая всяческие отговорки. Его сладкоречивые письма — это сплошной обман. Очень точно подметили Картер и Хайфилд, когда написали: «Читая любовные письма Эйнштейна, начинаешь сомневаться, можно ли их действительно так называть. Скорее это письма человека, который изо всех сил старался быть влюбленным, но давалось ему это с большим трудом» [1, с. 97]. То же самое можно сказать в отношении эпистолярного наследия Фрейда. В

любовных письмах к Марте не было ничего настоящего. Он их верстал по письмам-прототипам, написанным когда-то Берте, своей предыдущей возлюбленной.

Из-за полугодового отсутствия в Цюрихе, когда Милева по собственной инициативе ездила набираться передовых научных знаний в Гейдельбергский университет, у нее в Политехникуме образовалась огромная экзаменационная задолженность. Учебные программы не совпадали, поэтому Милеве пришлось самостоятельно изучать большинство предметов и сдавать их с другой группой. Летом 1900 года она уехала на ферму к отцу в Каче и целыми днями штудировала учебники. Когда лакейские биографы сравнивают экзаменационные оценки Милевы и Альберта, они забывают упомянуть, что все предметы она изучала самостоятельно по учебникам.

Например, геометрию «она прорабатывала по учебнику Фидлера, которому Эйнштейн дал уничижительное прозвище "скрипач" (игра слов, основанная на значении фамилии профессора), и этот предмет особенно повергал ее в отчаянье. Она жаждала узнать, какие вопросы чаще всего задают на экзамене, и очень просит прислать ей конспект лекций. Она определенно боится экзамена. Пишет, что мысль о возвращении в Цюрих вызывает у нее смятение чувств, и спрашивает Альберта: "Неужели тебе меня не жаль?"» [1, с. 68].

Эйнштейн не имел собственных конспектов и ничем помочь не мог. Вся его поддержка сводилась к шутивным фразам, мол, «хватит глотать книжную пыль», «забывать себе голову этой нудной теорией», не переживай, студенты, с которыми ты будешь сдавать экзамены, намного слабее тебя, а Долли «знает, чего она хочет, и уже много раз доказывала это», демонстрируя «сверхъестественное самообладание» и «здравомыслие».

Он понимал, что ей придется намного тяжелее, чем ему и другим парням, так как преподаватели не простят девушке-студентке, возмнившей о себе бог знает что, долгое отсутствие. Так оно и случилось: только по физике Милева получила ту же оценку, что и Альберт — 5,5 (высшая — 6). По геометрии, которую она изучала по плохому учебнику Фидлера, она получила 4,75. В общем, ее отметки оказались ниже, чем у других студентов ее группы, однако, повторяем, они не отражали ее реальные интеллектуальные способности Милевы.

Из-за низких оценок диплом ей не выдали, поэтому она решила сдавать экзамены на следующий год. Однако в 1901 году ситуация на период сдачи выпускных экзаменов оказалась еще сложнее. Мало того, что Милева выпала из общего учебного процесса и по итогам 1900 года в глазах преподавателей зарекомендовала себя неблагополучной студенткой, теперь она была еще и беременна. Эйнштейн ни в чем не помог своей возлюбленной. Картер и Хайфилд об этом тяжелом для нее времени пишут так: «Милева попыталась пересдать выпускные университетские экзамены в конце июля 1901 года. Повидимому, в ее ситуации на успех рассчитывать не приходилось. Беременность стала для нее серьезным психологическим испытанием и, кроме того, судя по ее письму к Эйнштейну, написанному в самый разгар подготовки, Милеву все время отвлекали мысли о нем, она скучала и не могла сосредоточиться. Она писала ему, что много работает, что ей нужно изучать труды и лекции Вебера, но тут же прибавляла, что "ни одной минуты не проходит" без того, чтобы она не думала о встрече с ним, о том, что "увидит его не в мечтах, а воочию, и осыплет поцелуями, которых так жаждет ее сердце"» [1, с. 106].

Альберт обещал жениться, но его мать сделала всё, чтобы свадьба не состоялась. По этой причине Милева сильно нервничала и в итоге получила такие же низкие экзаменационные оценки, как и в прошлом году, не позволившие ей получить сертификат преподавателя. Основной конфликт у нее был с профессором Вебером, который еще в 1895 году направил

Альберта учиться в кантональную школу Аарау. Он считал, что влюбленной парочке хватит и одного диплома учителя. С его помощью мужчина вполне в состоянии прокормить себя и свою подругу.

Я не стану сейчас рассказывать о конфликте между Милевой и матерью Альберта — это длинная история. Нет смысла в данный момент касаться также и другого большого вопроса. Дело в том, что еще во время сдачи Милевой экзаменов Альберт писал ей об электродинамике движущихся тел — тема знаменитой статьи 1905 года. Ясно, что его подруге тогда было не до обсуждения посторонних проблем. Между тем в споре о соавторстве или авторстве теории относительности молчание Милевы по этому вопросу фигурирует главным аргументом в пользу единоличного авторства Эйнштейна. Пока наметим пунктиром путь, на который позже еще вернемся.

Итак, Милева в отчаянье; беременность всё более и более заметна; она собирает вещи и уезжает рожать в Новый Сад. 27 Января 1902 года у нее рождается девочка. Отец Милевы, написал Альберту письмо, в котором сообщил, что роды прошли тяжело. 4 Февраля тот отправил ответное письмо Милеве как всегда игривого содержания: «Кричит ли она уже надлежащим образом? На кого она больше похожа?» и т.д. Мать Альберта по-прежнему против брака и не желает видеть свою внучку.

Вскоре малютка заболела скарлатиной. Болезнь протекала тяжело и дала осложнения на внутренние органы: сердце, печень и почки. Мичелл Закхейм (Michelle Zackheim) вместе с Марией Докманович (Marija Dokmanovic) провела трехлетние исследования по линии Лизерль и ее матери. Результаты своего поиска она изложила в книге «Дочь Эйнштейна» (издана в 1998 году). Автор считает, что Лизерль прожила 21 месяц и скончалась где-то в середине сентября 1903 года. Это — наиболее вероятная дата, установленная главным образом по письму Альберта, в котором была загадочная фраза: «Я очень сожалею, что случилось с Лизерль. Скарлатина часто оставляет после себя длинный след». Закхейм установила также, что существует немалая вероятность того, что дочь Милевы имела синдром Дауна.

Таким образом, все радужные мечты о счастливом браке с любимым человеком, о многодетной семье и, главное, о карьере ученого-преподавателя, кажется, окончательно рухнули. Но вот 10 октября 1902 года в Милане на 55-том году жизни умирает отец Альберта, который на смертном одре, видимо, дал благословение сыну на брак с Милевой. Кроме того, перед Альбертом открылась перспектива получения постоянного места работы в Бернском патентном бюро, которое выхлопотал ему отец Марселя Гроссмана, влиятельный и богатый промышленник, директор завода по выпуску сельхозмашин. Бракосочетание Милевы и Альберта проходило в Бернском муниципалитете 6 января 1903 года, т.е. накануне Нового года по грегорианскому календарю, по которому отмечает этот праздник все православные, в том числе, и Милева. 29 Октября 1903 года молодая чета въезжает в квартиру, находящуюся на Kramgasse-49, где сейчас располагается Музей Эйнштейна.

«Теперь я добропорядочный женатый человек, — пишет Эйнштейн своему другу Мишелю Бессо вскоре после свадьбы, — веду с женой очень приятную и уютную жизнь. Она умеет позаботиться обо всем, прекрасно готовит и все время в хорошем настроении» [1, с. 132]. Милева тоже довольна, любит всем сердцем своего супруга и делится с подругой Элен Савич-Кауфлер своими радостными чувствами: «Сейчас я к нему, к моему сокровищу привязана еще больше (если это вообще возможно), чем когда мы жили в Цюрихе. Он мой единственный друг и товарищ, мне не нужно другого общества, и часы, когда он со мной рядом, это счастливейшее время в моей жизни» [1, с. 133].

После окончания Политехникума он просит оставить его ассистентом, но ему отказали — единственному из выпускников, все так или иначе благополучно устроились. За него просила сама Милева. По этому поводу она даже повздорила со своим руководителем дипломной работы (Diplomarbeit) и докторской диссертации (Doktorarbeit) профессором Вебером, к которому хотел пойти ассистентом Альберт. Об этом весной 1901 года Милева написала своей подруге Элен [2, doc. 109]. Просился он ассистентом и к профессору Гурвицу. В эти же весенние месяцы Альберт пытается получить работу у Оствальда в Лейпциге и у Камерлинг-Оннеса в Лейдене; тоже безрезультатно.

Лишь с 19 мая по 15 июля 1901 года он отыскивал временную работу в технической школе Винтертура в качестве преподавателя математики. Другая временная работа ему перепала в Шахфаузене, где он учительствовал с сентября 1901 года по январь 1902 год. В декабре 1901 года он отсылает заявление с просьбой принять его в штат Бернского патентного бюро. 21 Февраля 1902 года он приезжает в Берн, но приступает к работе в Патентном бюро только 23 июля. Альберта взяли с испытательным сроком на самую низкооплачиваемую должность эксперта третьего класса. Его испытательный срок длился дольше, чем у других — до 16 сентября 1904 года. После этого унижения он, наконец, заключил с руководством патентной конторы долгожданный контракт.

Автор сайта [12] особо подчеркивает тот удивительный факт, что, несмотря на безуспешное окончание Политехникума, Милева всё-таки стала кандидатом в доктора философии, а Альберт — нет. В докторантуру при Цюрихском университете ее устроил профессор Фридрих Вебер, который на выпускном экзамене поставил ей невысокую оценку по своему предмету. Тем не менее, он взял Милеву для дальнейшей научной работы, а Альберта отверг как бесперспективного в научном плане молодого человека. В знак протеста против такого решения своего научного руководителя Милева отказалась работать с ним. Потом у нее родилась дочь и началась черная полоса в отношениях с Альбертом.

О трудностях в их любовных взаимоотношениях мы еще поговорим, а пока для понимания их творческих взаимоотношений приведем важные слова, взятые из [12]: «Как ни странно, в то время как Милева была принята в Цюрихский университет в качестве кандидата Ph. D [в доктора философии], Альберт не был принят. В Цюрихе, в течение семестра 1901 года она помогала в лабораторной работе профессору Фридриху Веберу. Альберт тоже хотел стать помощником [точнее, ассистентом] Вебера, но Милева не смогла убедить его [Вебера] принять молодого Эйнштейна. Говорилось, будто этому препятствует то, что она и Альберт не смогут работать вместе в физической лаборатории. Милева решила прекратить работать [с Вебером] на [кандидатском] этапе».

Уолкер доказывает, что «специальная теория относительности берет начало в качестве тезиса [докторской диссертации] Милевы, написанного и представленного на рассмотрение профессору Веберу, ее руководителю в швейцарском Политехникуме. Вебер отверг статью!» [13]. Он умер в 1912 году и, видимо, не смог оценить тот огромный общественный резонанс, который вызвала отвергнутая им статья. Однако сейчас мы можем уверенно сказать, что работа «К электродинамике движущихся тел» за подписью «Эйнштейн-Марити» была своеобразным ударом возмездия по консервативной позиции Вебера. Таким образом, авторы статьи 1905 года отомстили профессору за свои унижения.

1. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).

2. The Collected Papers of Albert Einstein (CPAE). Volume 1. The Early Years, 1879-1902, Princeton University Press 1987.
3. Хофман Б., Дюкас Э. Альберт Эйнштейн. Творец и бунтарь. — М.: Прогресс, 1983. (Banesh Hoffmann/Helen Dukas: Einstein. Schopfer und Rebell. Die Biographie, Frankfurt/M. 1978, amerikanisches Original New York, Viking Press, 1972).
4. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. Издание пятой, переработанное и дополненное. / Под редакцией М.Г. Идлиса. — М.: Наука, 1980.
5. Frank, Phillipp: Einstein. Sein Leben und seine Zeit. Mit einem Vorwort von Albert Einstein, Wiesbaden (Friedr. Vieweg & Sohn) 1979 (Copyright der amerikanischen Ausgabe 1979; eine fruhere englische Ausgabe: Einstein, His Life and Times, New York 1947, sowie London 1948).
6. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М., 1966. (Carl Seelig: Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie, Zurich-Stuttgart-Wien (Europa Verlag) 1954).
7. Maurer, Margarete. Weil nicht sein kann, was nicht sein darf... "Die Eltern" Oder "Der Vater" Der Relativitatstheorie? (Aus: PCnews, Nr. 48, Jg. 11, Heft 3, Wien, Juni 1996, S. 20-27).
8. Shankland, R.S.: Conversations with Albert Einstein, in: American Journal of Physics, Vol. 31, 1963, S. 47-57.
9. Bernstein, Jeremy: Einstein When Young, in: New Yorker, 6 July 1987, S. 77-80, zitiert nach Pyenson 1989, S. 133.
10. Micheltmore, Peter: Albert Einstein. Genie des Jahrhunderts, Hannover (Fackeltrager-Verlag) 1968 (amerikanisches Original: Einstein - Profile of the Man 1962).
11. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
12. Mileva Einstein-Maric (WebSite assembled by Neil S. Eshleman).
13. Walker, E. H. Letter, Physics Today, February 1991, pp. 122-123.

4. Любовницы Эйнштейна

Эйнштейн не был ангелом, витающим в облаках, или каким-нибудь иным бесполом существом, как это представлялось многим до 1987 года. Во все времена его половая жизнь была чрезвычайно активной и без знания этой составляющей биография «гения» XX века была бы далеко неполной. Энергия либидо дала знать о себе в период половой зрелости Эйнштейна, т.е. лет в 15-16, а уже в 17-18 стало ясно, что у него, как и у Фрейда, наблюдалась необычно повышенная сексуальность, которая отнимала большую часть его времени.

Когда Милева была еще беременной Лизерль, Альберт находился где угодно, только не рядом с ней. Зимние каникулы, т.е. примерно за месяц до рождения дочери, он проводил вместе с мамашей и сестрой в Меттменштеттене близ Цюриха, в пансионате «Парадиз». Оттуда он написал Милеве: «Как жаль, что тебя там не было. Но мы с тобой окажемся в нашем общем раю очень скоро» [1, с. 115]. Уже говорилось, что елейным фразам Альберта доверять нельзя. Тому, кто представляет, что это был за фрукт, мучительные для беременной невесты уклонения от встречи не были неожиданностью. Если кто-то подумал, что причиной его отсутствия было очередное увлечение какой-нибудь хорошенькой девушкой, которую тот вдаль от своей «желанной» развлекал игрой на скрипке и сочинением стихов, то он попал в самую точку.

Много лет спустя Милева узнала, что ее «ненаглядный» на этом курорте завел знакомство с некой Анной Майер-Шмид (Meyer-Schmid, тогда просто Шмид), которой посвятил пылкие поэтические строки о нежной любви. С юных лет и до самой старости он начинал покорение женских сердец с лирического посвящения. В мае 1909 года Анна узнала из местной газеты о получении Альбертом профессорской должности. Она набралась храбрости и поздравила его с этим назначением.

Альберт был тронут ее вниманием. Его ответное послание касалось воспоминаний о том счастливом времени, когда они весело коротали время в пансионате «Парадиз». «Эйнштейн пишет, что "безмерно рад" ее открытке и вспоминает о "нескольких чудесных неделях", проведенных в ее обществе. "Я от всей души желаю вам счастье и удачи, и думаю, что вы бывшая когда-то такой пленительной и счастливой девушкой, стали не менее счастливой и прекрасной женщиной". Эйнштейн уверяет Анну, что он сам ничуть не изменился, остался таким же "простосердечным малым"; изменилось только время, прошла их юность, "волшебная пора, когда человеку кажется, что на небесах не умолкают виолончели"» [1, с. 165].

Следующее послание от Анны случайно перехватила Милева. Она уже в том, в 1909 году, имела репутацию ревнивицы, однако письмо от Анны было даже для нее, выдавшей виды женщины, очень неожиданным и дерзким. Милева пожаловалась мужу Анны, господину Майеру, причем в той характерной для нее манере, при которой Альберт выглядел случайной жертвой «неуместного женского оболыщения».

Как мы уже знаем, первая супруга всегда защищала и пыталась выставить своего мужа в самом выгодном для него свете. У Майера, должно было сложиться такое впечатление, будто сам Эйнштейн, благородный муж и добропорядочный семьянин, возмущен фривольным поступком Анны. «Однако через две недели Эйнштейн написал Майеру, что Милева действовала исключительно по собственной инициативе, никак не с его ведома. По его словам, Анну абсолютно не в чем упрекнуть, Милева была просто ослеплена ревностью» [1, с. 166].

Любовная связь Альберта с Анной во времена первой беременности Милевы имела долгую историю. В 1951 году, уже после смерти и Анны, и Милевы, Альберт писал дочке Анны, Эрике, отцом которой, по слухам, являлся Эйнштейн, о «патологической» ревности Милевы как о черте характера «типичной для столь уродливой женщины». Он также писал ей, будто «женился на ней из чувства долга».

Предательство Эйнштейна в отношении беременной Милевы Марич, когда он сошелся с Анной Шмид, не было, конечно, какой-то случайностью. Более того, если мы хотим что-то понять в жизни и творчестве отца-основателя релятивистского учения, мы должны его отношение к женщинам поставить на первое место, так как именно оно контролировала всё его поведение в семье и обществе.

До Милевы, не считая двух-трех легких увлечений, у Альберта была другая большая любовь — Мари Винтелер (Marie Winteler), которой он слал любовные письма примерно такого же содержания, что и Милеве. Приведем одно из них. «Большое, громадное спасибо за твое очаровательное письмо, — пишет Эйнштейн Мари, — оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала

необходима мне для счастья... Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир» [1, с. 37].

Она отвечала ему теми же сладострастными словами: «Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство почиет на мне с тех пор, как твоя обожаемая душа избрала себе обителью мою душу... Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя». Вот строки из другого письма 19-летней Мари к 17-летнему Альберту: «Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма» [1, с. 41]. Подобными признаниями в любви были наполнены не только письма от Мари и Милевы, но и письма от доброй сотни других женщин.

Только в мае 1897 года Альберт сможет окончательно порвать с Мари, чтобы отдать свое сердце Милеве, но Мари продолжала любить его до конца своих дней. Правда, последние годы своей жизни она, подобно Зорке и Эдуарду, провела под присмотром психиатров, а начались их отношения так. Мари и Альберт познакомились в доме профессора Йоста Винтелера, преподавателя древнегреческого языка и истории. Время от времени профессор брал к себе в дом на «полный пансион» одного или двух учащихся. 26 Октября 1895 году по просьбе Вебера Йост решил взять к себе Альберта, пока тот будет учиться в кантональной школе Аарау (Aarau), которая находилась примерно в 30 километрах от Цюриха. Помимо Мари у Йоста Винтелера был сын Пауль, за которого в марте 1910 года вышла замуж Майя Эйнштейн, сестра Альберта, и дочь Анна, на которой женился лучший друг Альберта, Мишель Бессо.

После расставания Мари написала, что «они очень любили друг друга, но их любовь была чистой». С дочкой учителя, в доме которого Альберт жил и слушал уроки в школе, иначе и не могло быть. Она сильно переживала, когда Альберт бросил ее и влюбился в Милеву. Любил ли он Мари, как она его? Трудно сказать. Можно лишь сказать, что он всегда умело пользовался любовью женщин. Например, познакомившись с Милевой, он по-прежнему отсылал свое грязное белье на стирку к Мари, которая, между прочим, как и мать Альберта, неплохо играла на пианино. В доме Винтелеров Мари часто аккомпанировала Альберту, когда тот играл на скрипке. В то же самое время он с наслаждением играл и для некой Юлии Ниггли (Julia Niggli), которая однажды спросила его, как ей поступить в отношении зрелого мужчины, сделавшего ей предложение.

«До чего же странная девичья душа! — отвечал ей умудренный собственным жизненным опытом 20-летний Альберт. — Неужели вы действительно верите, что сможете обрести безмятежное счастье через другого человека, даже если этот человек один единственный любимый мужчина? Я близко знаком с этим животным по личному опыту, ибо я один из них. Я точно знаю, что от них нельзя многого ожидать. Сегодня мы грустны, завтра веселы, послезавтра холодны, затем опять раздражительны и усталые от жизни — да я чуть не забыл о неверности и неблагодарности, и эгоизме — о том, что нам присуще в значительно большей степени, чем милым девушкам» [6].

Нечто похожее он как-то написал своему другу Мишелю Бессо: «В сравнении с этими бабами любой из нас — король, потому что мы стоим на своих ногах, не ожидая чего-то извне, а эти вечно ждут, что кто-то придет, чтобы удовлетворить все их потребности». Одной женщине, жалующейся на неверность мужа, он давал такие разъяснения: «Вы, наверно, знаете, что большинство мужчин, как и большинство женщин, не являются моногамными по своей природе. И чем больше препятствий для удовлетворения этих желаний ставится на пути, тем с большей энергией люди их преодолевают. Заставлять человека соблюдать верность — это тягостно для всех участвующих в принуждении» [6].

Вот еще несколько афористичных суждений Эйнштейна, которые часто цитируются жёлтой прессой: «Суть (хотя её почти не обсуждают) заключается в том, что верхняя половина планирует и думает, в то время как нижняя определяет нашу судьбу»; «Хотя влюбляться — это не самое глупое, что делают люди, тем не менее, гравитация за это ответственности не несёт»; «Я испытал, насколько изменчивы отношения между людьми и научился изолировать себя от жары и холода, чтобы обеспечивать себе температурный баланс»; «Только при рождении и когда мы умираем, нам разрешается вести себя честно» [6]. В последнем случае подразумевается, что на протяжении всей остальной жизни людям разрешается дурачить друг друга, что и делал «гениальный физик».

В отношении Альберта Брайен как-то уж очень скупое написал: «На протяжении всей своей взрослой жизни он окружал себя женщинами» [2, с. 66]. Этим признанием трудно удивить искушенного читателя. Еще до рассекречивания в 2006 году писем к любовницам многие исследователи, интересующиеся жизнью Эйнштейна, знали о его донжуанских наклонностях. Пол Картер и Роджер Хайфилд очень подробно рассказали о его амурных похождениях. «Его склонность к флирту, — замечают эти авторы, — стала частью семейного фольклора, и внучка Эвелина отзывается о нем как о "дамском угоднике и настоящем повесе"». Но при всей своей любви к дамскому обществу он порой выказывал такое презрение к интеллекту женщин и к самой женственности, что его впору было считать женоненавистником» [1, с. 13]. К этому следует только добавить, что Эвелин (Evelyn) была не внучкой Альберта, а его дочкой.

Дело было так. Сын Альберта Эйнштейна, Ганс Альберт в 1927 году женился на Фриде Кнехт (Frieda Knecht). Вскоре у Эйнштейна появятся два внука. Один из них в 1938 году умер от дифтерии. Это произошло спустя месяц, как Фрида и Ганс Альберт переехали в США, где с 1933 года проживал Эйнштейн вместе со своей второй женой Эльзой Лёвенталь, ее двумя дочерьми и секретаршей Элен Дюкас. В 1942 году Фрида и Ганс Альберт приняли в свою семью девочку по имени Эвелин, предположительно родившуюся в 1941 году, которая по документально неподтвержденным данным приходится внебрачной дочерью Альберта Эйнштейна.

В 1958 году Фрида умерла и Ганс Альберт женился вторично на Элизабет Робоз (Elizabeth Roboz). После смерти мужа в 1973 году все права наследования перешли к ней. Первый внук Милевы, Бернхард Сизар (Bernhard Caesar) женился на Оде Ашэр (Aude Ascher), у которой родилось пятеро детей. Старший из них, Томас, работает сейчас анестезиологом в Калифорнии. Именно к нему в 1995 году Эвелин Эйнштейн, которая приходится ему тётей, предъявила иск на право владения письмами.

Будучи ребенком, Эвелин хорошо запомнила своего «дедушку», как он весело забавлялся с ней, но позднее до нее дошли слухи о непосредственном его отцовстве. Откуда она взялась, ей никто не объяснил. Став взрослой, она потребовала свою долю в наследстве известного на весь мир папаши. В частности, она претендовала на владение примерно четырьмя сотнями писем, частично проданными почти за миллион долларов с аукциона 1996 года. Примерно за год до этого Эвелин пыталась сделать ДНК-экспертизу, чтобы оформить на себя документы как на внебрачную дочь Альберта Эйнштейна. Однако остальные родственники знаменитой фамилии воспротивились этому. Они объявили ее самозванкой и отказали в тесте на ДНК-идентификацию. Никто не хочет бросать тень на ее деда-отца, да и кто захочет делиться наследством.

Когда калифорнийский анестезиолог выставил письма своих знаменитых предков на аукцион Кристи, руководство этой фирмы не на шутку встревожилось. Любовная переписка периода 1901 – 1948 гг. была столь откровенна, что эксперты по торгам

побоялись ответственности за компрометацию самого уважаемого ученого прошлого столетия. Чтобы сохранить доброе имя Альберта Эйнштейна, руководство дома Кристи впервые за всю историю своего существования попросило снять лот с торгов. Но любовь к деньгам, по-видимому, перевесила любовь к деду, Томас отказался аннулировать свое предложение и, таким образом, бесценная информация была продана с молотка.

Вряд ли можно сомневаться в существовании прямого родства между Эвелин и Альбертом Эйнштейном, который по понятным причинам скрывал существование второй дочери, как это он уже делал в отношении первой своей дочери, Лизерль. Родоначальник теории относительности был чрезвычайно суров к своим детям и одновременно щепетилен в отношении своей моральной репутации. Это не мешало ему находиться в краткосрочных и затянувшихся любовных связях с окружающими его женщинами. Однако, подобно Фрейдю, Эйнштейн требовал от окружающих хранить на этот счет молчание, так что в течение почти всего XX века мировая общественность ничего не знала о его амурных похождениях и представляла отца-основателя релятивистского учения аскетическим ученым, думающим день и ночь о науке.

Как-то раз Дэнис Брайен спросил известного специалиста по биографии Эйнштейна Роберта Шульмана: «Меня по-настоящему удивляет, что Эйнштейн с разрывом всего в несколько лет писал очень похожие любовные письма Мари и Милеве, как будто был одинаково влюблен в них. Вы не согласны с этим?» Шульман отвечает: «Да. Я думаю, что обе женщины ему определенно нравились... Он любил находиться в компании женщин, и женщины привлекали его сексуально...». Добавим к сказанному, что речь должна идти скорее не о годах, а о месяцах. Последние два письма от Мари Альберт получил в ноябре 1896 года, а первое от Милевы — уже 20 октября 1897 года.

Много темных историй рассказывали про Эйнштейна. Например, ходили слухи, что в 1912 году Мари вышла замуж за нелюбимого ею мужчину и родила мальчика, который, однако, был похож на Альберта. Известно также, что Мари и Альберт встречались в соответствующее зачатие ребенка время. Вот еще история. Во время проживания Альберта и Милевы в Праге (1911 год) у их служанки Фанни родился ребенок, отец которого остался неизвестным. Служанка Герта Вальдова (Herta Waldow), которая жила в доме Эйнштейна с 1927 по 1932 год, однажды со значительным видом заявила: «Он любил красивых женщин, и они, обожая его, отвечали ему взаимностью» [1], [6].

Эта служанка «была постоянной свидетельницей того, сколь мало тревожился Эйнштейн о соблюдении приличий. Например, он имел привычку выходить из ванны, не запахивая халата. И такую нескромность он проявлял не только в стенах собственного дома. Так, однажды он загорал, прикрыв плечи халатом, когда к нему подошла одна из его кузин, и он вскочил, чтобы с ней поздороваться; халат упал, открыв ее взору наготу. Молодая женщина покраснела, но Эйнштейн отнюдь не смутился. "Сколько лет вы замужем?" — спросил он. "Десять", — последовал ответ. "И сколько же у вас детей?" — "Трое". — "И вы до сих пор краснеете?" — насмешливо спросил он» [1, с. 271 – 272].

Кто была эта кузина, нам не известно. Но, что ею не была младшая сестра Эльзы, Паула (Paula), это совершенно ясно, так как у последней не было детей. Однако с Паулой, которая выглядела намного свежее и обаятельней Эльзы, Эйнштейн тоже успел пофлиртовать. Об этом мы узнаем из письма к Эльзе, в котором в отношении Паулы он писал следующее: «Я сам не понимаю, как она могла мне когда-то нравиться. На самом деле все очень просто разъясняется. Она была молодая девушка, и она меня провоцировала. Тогда этого было достаточно. Сейчас осталось приятное воспоминание о недолгом капризе, об игре фантазии» [1, с. 195].

Этим слухам, мне кажется, вполне можно доверять, по крайней мере, в принципе. Янош Плещ (Janos Plesch) в письме к сыну как-то поделился редким откровением: «Эйнштейн любил женщин, и чем грязнее, чем примитивнее они были, чем больше от них пахло потом, тем больше они ему нравились» [1, с. 271]. «Его интерес к женщинам не был чересчур избирательным, — пишет Плещ, — но здоровое дитя природы привлекало его больше, чем утонченная светская дама». В связи с этим он привел пример, когда далеко немолодой Эйнштейн, чрезвычайно возбудился, увидев молоденькую девушку, месившую тесто. Обсуждая с Плещем некую даму, которая якобы изводила «великого художника» Эйнштейн сказал ему: «Вы знаете, эту тварь я бы спокойно убил своими руками. Накинул бы ей петлю на шею и затягивал бы, пока у нее язык не вывалился» [1, с. 274]. При этом он выразительно продемонстрировал, как бы он это исполнил.

В разъяснительном документе 1919 года, составленном в связи с расторжением брака, Альберт признавался, что изменял Милеве и рукоприкладствовал. Потом он писал ей: «С течением времени ты убедишься, что нет лучше экс-мужа, чем я, ибо я верен, быть может, не в той форме в какой себе представляют это юные девушки, но тем не менее, верен и честен». Трудно понять, какой смысл здесь Альберт вкладывает в слова «верен и честен», так как верным и честным по отношению к женщинам он не был никогда. На этот счет у него имелась даже своя нехитрая философия. В рамках этой философии он говорил, что институт брака придумал «какой-то боров, лишенный воображения» [1, с. 275]. Альберт искренне считал, что «брак противоречит человеческой природе», и отзывался о нём как о «рабстве в цивилизованной одежде».

«Эйнштейн, — пишет Брайен, обычно сдержанный на подробности интимного свойства, — из-за своих внебрачных интересов заработал себе в кругу тех немногих, кто знал о них, репутацию волокиты» [2, с. 294]. Действительно, в предыдущей главе рассказывалось о несчастной Милеве, которую Альберт выставлял на посмешище, как крайне ревнивую жену. Однако Эльза, его вторая супруга, испытывала не меньшие приступы ревности, поскольку во все времена — и в молодые, и в зрелые годы — для этого существовали самые веские основания. Его больше не интересовала наука, которой он занялся, чтобы завоевать сердце Милевы. Эльзе, абсолютно ничего не смыслящей в физике, в 1921 году он откровенно написал: «Очень скоро я устану от теории относительности. Даже такая страсть улетучивается, когда ей уделяешь слишком много внимания» [6].

Альберт в одном из писем к Эльзе, когда Милева уже не жила с ним, но еще официально состояла в браке, однажды сострил: «Отсутствие Милевы мне так приятно. Как ты видишь, я тоже получаю удовольствие от брака». В то время будущая вторая жена еще не догадывалась, что ее ждет участь первой. Милева, естественно, пыталась отбить Альберта у Эльзы. Она написала своей сопернице: «Надобно тебе знать, что ты бесстыдная потаскуха, а посему желаю тебе всего самого наихудшего. Не надейся, что твоя судьба, сложится лучше, чем моя». Эльза на эту грубость пожаловалась Альберту. Тот в декабре 1913 года ответил ей следующим образом: «Моя дорогая! На самом деле, нет никаких причин, чтобы ты испытывала головную боль из-за моей жены. Еще раз заверяю тебя, что этой проблемы не существует. У нас с ней давно разные спальни, и я рассматриваю свою жену в качестве служанки, которую я не могу уволить». И в другом месте: «Нелегко получить развод, если не имеешь никаких доказательств вины другой стороны» [6].

Однажды Эльза нашла в вещах мужа «очень элегантный и очень открытый женский купальник», принадлежавший одной его «хорошей знакомой», от чего «дошла до белого каления». Что можно сказать на эти бесконечные сцены ревности? Женщин липли к знаменитому профессору как железные опилки к магниту. Они сотнями окружали его, он не только не противился этому, а, напротив, «охотно отвлекался на их внимание...

Эйнштейн провоцировал у Эльзы такие же приступы ревности, за которые когда-то порицал Милеву. Она по несколько дней почти не разговаривала с мужем, ограничиваясь самыми необходимыми словами, и ходила с натянутой ледяной улыбкой... Теория относительности вызвала сенсацию во всем мире, ореол славы сделал обаяние Эйнштейна неодолимо притягательным. Куда бы он ни пошел, он оказывался в центре внимания, преимущественно женского. У женщин вдруг возникала необъяснимая страсть к науке, предмету, обычно нагоняющему на них сон. Каждая из дам просила, чтобы Эйнштейн изложил свою теорию лично ей, благо при этом она могла слушать его голос и видеть обращенный на нее взгляд» [1, с. 268].

Избыточность сексуальной потенции в роду Эйнштейнов — факт хорошо известный. Из генеалогического древа мы знаем, что в его роду часто совершались браки между родственниками. В частности, Герман Эйнштейн и Полина Кох, т.е. отец и мать Альберта, приходились друг другу как двоюродные брат и сестра. Дядя Альберта, Якоб Эйнштейн, женился на Иде Эйнштейн. Вторая жена Альберта Эйнштейна, Эльза Лёвенталь, приходилась ему кузиной, а сама Эльза появилась от брака между двоюродным братом, Рудольфом Эйнштейном, и двоюродной сестрой, Фанни Кох. Причем — что особенно удивило нынешних биографов — первоначально Альберт планировал жениться не на своей кузине, Эльзе, а на ее старшей дочери, Ильзе, к которой он испытывал непреодолимую сексуальную тягу.

Перекрестное «оплодотворение» было принято и в роду Фрейдов. Мы знаем, что сестра Зигмунда, Анна, родилась не от отца, Якоба Фрейда, а от его сына, Филиппа Фрейда, с которым переспала мать Зигмунда, Амалия Натансон. Когда Зигмунд достиг возраста половой зрелости, отец Якоб, спавший долгое время с няней Зигмунда, попытался «скрестить» его с дочкой своего второго сына от первого брака, Полиной. Со своей супругой Мартой Фрейд делил одну постель недолго, примерно до весны 1893 года. После этого свои ненасытные сексуальные желания он удовлетворял с сестрой Марты, Минной Бернайс (или, Бернэс), которая постоянно жила в их доме. Чтобы войти в свою спальню, Минна должна была пересечь спальню Зигмунда, который спал один. В работах «Покрывающие воспоминания» и «Толкование сновидений» Фрейд через «сновидения» (сны служили ему особым литературным приемом и не более того) описал свои переживания, оставшиеся от сцены его насилия над Полиной. (Об этом читайте в «Правде о Фрейде и психоанализе», а также в «Добавлении к моим книгам и статьям о Фрейде, сделанном на исходе 2006 года».)

Чем объяснить столь частое сожительство между родственниками? Принято считать — большим *жизнелюбием*. Этим лукавым словом обозначают жгучее желание совокупляться. Человек уже не смотрит, кто перед ним; ему хочется поскорее избавиться от мучающей его вожделенной страсти. В результате такого реактивного процесса игнорируются не только родственные связи, на второй план уходят также красота, здоровье, национальность, прочие табу, которые в другом случае явились бы непреодолимой преградой. Так, родители Эйнштейна очень не хотели, чтобы он женился на славянке. Увы, несмотря на их строжайший запрет, длительное присутствие Милевы рядом с Альбертом и определенная настойчивость с ее стороны сделали свое дело.

Этим же объясняется и сам выбор невесты. Почему она, маленькая, невзрачная хромоножка, как описывают ее недруги, стала его женой? Казалось бы, здоровый и симпатичный парень мог бы подыскать для себя вариант получше. Так бы оно и случилось, если бы в Политехникуме училось несколько девушек. Но Милева была одна, а потому ленивый и любвеобильный Альберт взял себе в жены ту, которая находилась в непосредственной близости от него. Аналогичный случай произошел с Мари в доме

Винтелера. Так поступал он всегда: его очередная любовь приходила к нему из самого ближнего круга. Он не искал любовниц где-то вдали; они сами напрашивались к нему на «научную» беседу.

Эйнштейн не умел драться, чего бы это ни касалось — жизни, любви или науки. Он даже не стал бороться за собственную жизнь, когда отказался от операции на брюшной полости, которая могла быть вполне успешной. Он плыл по течению жизни, иронизируя и смеясь над нею. Однажды он сказал: «Я люблю кататься на яхте, потому что это спорт, который требует наименьших затрат энергии». В самом деле, Альберт предпочитал изнурительному спорту легкую прогулку на паруснике. Такая философия очень импонировала женщинам и мужчинам, поверхностно относящимся к науке.

Эйнштейна никогда не занимала истина как таковая, его всегда завораживала красота природы, которая никогда не проникает вглубь вещей и остаётся лишь некой субъективной иллюзией. Эту эстетическую позицию в науке усвоили миллионы поклонников его игривого взгляда на мир. Эстетствующие физики, рассуждающие о науке с бокалом шампанского в руке, погубили ее. Они насочиняли невероятные теории, похожие на фантастические сказки, принимая поэтическое легкомыслие своего кумира за необыкновенную научную прозорливость.

Эйнштейн жил в мире всеобщей любви. Однако любовь и предательство тесно переплетаются. Вместе они связаны с моральными качествами человека, в данном конкретном случае, отсутствием таковых. Переспать с женой своего друга для Альберта было делом обычным. Светские ловеласы нисколько не осуждали его за это. Однако нужно было обладать изрядной долей цинизма, чтобы потом с рогатым обманутым как ни в чем не бывало мирно обсуждать научные темы. В целом, отношение Эйнштейна к женщинам можно назвать как неуважительное, нередко как просто свинское. Этому имеется множество свидетельств, но самыми некрасивыми из них были предательства в отношении друзей. Некоторые биографы, преклоняясь перед мифологизированным образом Эйнштейна, не смогли разглядеть всей глубины его цинизма.

Например, Брайен, говоря об этой его скверной черте характера, между прочим, замечает: «В кругу друзей, главным образом врачей и коллег-физиков, он был оживлен, общителен и остроумен. Эйнштейн также поддерживал самые теплые отношения с их женами, по крайней мере, с некоторыми. Пожалуй, одними из самых теплых они были у него с Хеди Борн, дамой из театральных кругов и женой физика Макса Борна, который испытывал к Эйнштейну привязанность и, как правило, разделял его политические и общественные взгляды. Что касается супруги Макса, то она питала убеждение, будучи, возможно, единственной в своем роде, что потрясающее умение жить, присущее Эйнштейну, даже превосходит его научные достижения» [2, с. 261].

Похоже на то, что эта особа действительно разглядела в характере физика наиважнейшую его черту — умение жить, т.е. получать от жизни максимум удовольствий, затратив при этом минимум усилий. Карл Зелиг в своей биографической книге об Эйнштейне раскрыл его «формулу успеха» [3, с. 52]:

$$A = X + Y + Z,$$

где A — успех, X — работа, Y — игра, Z — умение держать язык за зубами. В другом месте Брайен пишет: «Интерес Эйнштейна к другим женщинам не ограничивался Хеди Борн, хотя в случае с нею дело вряд ли зашло дальше флирта» [2, с. 243]. Плохо же он знает возможности своего героя, раз так говорит. Эйнштейн не будет упорствовать, но

стоит ему остаться наедине с женщиной, как она тут же оказывалась в его объятиях. Он обладал удивительным обаянием, никто не мог устоять против его чар. У него не было других отношений с женщинами кроме сексуальных.

К тому же в то время Борн переключился с теории относительности на квантовую механику. Эйнштейн «сказал Хеди Борн, что ему ненавистна новая идея ее мужа» [2, с. 242]. Отношения между ним и Борном испортились примерно в середине 20-х годов и были далеки от тех уважительных, какими они были во времена написания Борном книги «Эйнштейновская теория относительности», т.е. до 1920 г., когда он много сделал для развития и популяризации теории относительности. Один этот факт мог подтолкнуть Альберта на то, чтобы доставить Максимум неприятностей.

В своих поздних воспоминаниях об Эйнштейне и создании теории относительности, Борн резко выступил против того широко распространенного мнения, будто данная теория целиком является детищем этого человека. Мы можем догадаться, что послужило причиной такого позднего прозрения. И хотя в Борне отчасти говорила обида и он многого не знал из интимной жизни Эйнштейна, ему все же удалось нарисовать вполне объективную картину тех дней, когда создавалась теория относительности, но об этом мы поговорим в другом месте.

В главе 28 «Дела семейные» Брайен рассказывает, как донимали Эйнштейна дочки-самозванки. В такие моменты его близкое окружение испытывало сильное волнение, поскольку отлично осознавало, что претендентка в принципе могла быть настоящей. После разоблачения одной фальшивой дочки Эйнштейн написал такие стихи: «И слышать было б мне приятно, // Что я налево яйцом брякнул, // Когда б не боль других людей» [2, с. 460]. Относительно пошлости используемых здесь поэтических образов Роберт Шульман дал следующее разъяснение: «Вульгарный язык используется в Южной Германии повсюду. И "яйца" по всей Германии означают семенники мужчины. Вероятно, он усвоил эту манеру речи скорее от однокашников в Мюнхене, чем от родителей, потому что они были вполне благопристойными и ассимилированными евреями, которые не стали бы выражаться подобным образом» [2, с. 462].

Такая готовность оправдать в богоподобной личности всё, даже самое низменное, не может удивить читателя, поскольку он должен иметь в виду то мощное социальное давление культовых законов, которое определяет поведение отдельных служителей этого культа. Между тем свободные от религиозного наваждения люди вполне в силах адекватно оценить поэтическое творчество Эйнштейна. Испытайте свои возможности, например, на следующем стихотворении на эту же тему: «Мои друзья меня дурачат: // Я прижил дочь на стороне. // Да, в жизни было все иначе, // Жены и дел хватало мне. // Но я приятно удивлен: // Я был умен и так силен, // Чтобы с двойною жизнью справиться. // Пусть думают [что угодно]. Мне это нравится» [1, с. 123]. Вам по вкусу это произведение?

Время от времени то там то сям объявляются «дети капитана Шмидта». Так, некий житель Тель-Авива, 82-летний Йозеф Бен-Кохав в 2004 году объявил себя сыном Альберта Эйнштейна. «Моя мать, — говорит Йозеф, — забеременела от гениального физика в результате искусственного оплодотворения. Мама обратилась с просьбой ко всем еврейским мужчинам, о том, что она хочет родить сына от еврея с высоким IQ. Об этом мне перед смертью по секрету поведала одна из моих родственниц. Я свободно говорю на десяти мировых языках, изучение каждого нового иностранного языка не является для меня проблемой, а в детстве я так же, как и отец, увлекался физикой и математикой, однако меня это не заинтересовало» [7]. Подобные сообщения являются, конечно, из области юмора.

Но нередко с новостных лент международных агентств поступает отнюдь не комическая информация. Так, например, в 2004 году прошло сообщение о том, что на лондонский аукцион выставлено 15 рукописей и 33 письма Эйнштейна, написанных в период с 1933 по 1954 год. Владелец этих бумаг, математик Эрнст Габор Штраус, работавший у Эйнштейна в Принстоне, хотел получить за них как минимум 800 тысяч *фунтов* (для сравнения: собрание писем Эйнштейна, адресованные Милеве Марич, в 1996 году были проданы с аукциона всего за 900 тысяч *долларов*).

В сообщении [7] говорится, что «ученый из Плимутского университета Дэвид Макмиллан считает, что Эйнштейн, не обладавший сам математическим даром, эксплуатировал соответствующие таланты молодого Штрауса на заре его карьеры... Так, например, есть целая серия писем, в которой молодой Штраус пытается убедить своего "патрона" в его неправоте, и в итоге добивается своего». Такая информация может в гораздо большей степени повлиять на наши представления о «человеке XX столетия» по версии журнала «Time», чем обнаружение сотен новых писем к его любовницам.

Дмитрий Марьянов, за которым одно время была замужем Марго Эйнштейн-Лёвенталь, видимо, лучше других был осведомлен о любовных похождениях Альберта в период между концом 20-х и началом 30-х годов. Однако о его личностных воспоминаниях нам известно лишь по нескольким фрагментам, приведенным в книге Картера и Хайфилда. В частности, его фамилия фигурирует в следующем отрывке, где они пишут, как светские львицы объявили настоящую охоту на «эксцентричного типа со включенными волосами, дерзким обаянием и чувством юмора, который переходил в сарказм» [1, с. 248].

«Многие из них были очень красивы, — пишет Марьянов, — и почти все они жаждали общения более близкого, чем то, на которое, в соответствии с условностями, претендовали в самом начале знакомства. Некоторые, чтобы добиться встречи с ним, прибегали к стратегическим уловкам, достойным штабных генералов, другие действовали с ошеломляющей прямолинейностью» [1, с. 269]. Далее он приводит примеры женских хитростей, которые я пересказывать уже не стану.

Самой удачной книгой по интимной жизни Эйнштейна считается книга Пола Картера и Роджера Хайфилда «Личные жизни Альберта Эйнштейна» («The Private Lives of Albert Einstein») [1], выпущенная в свет в 1993 году и переведенная на русский язык в 1998 году. Даже скупой на похвалы Брайен называет эту книгу наиболее полным исследованием. В ней рассказывается о любовных похождениях прославленного физика с Маргарет Ленбах (Margarete Lenbach), «красавицей блондинкой родом из Австрии, которая навевалась в дом, расположенный в Капуте, почти каждую неделю», с Эстеллой Каценеленбоген (Estella Katzenellenbogen), «другой богатой и элегантной женщиной, владевшей большим цветочным магазином», с Тони Мендель (Toni Mendel), «богатой и элегантной вдовой» [2, с. 294 — 296].

Несколько слов о последней персоне. Тони Мендель увозила Альберта на своем роскошном лимузине прямо на глазах у Эльзы. Однажды несчастная жена спрятала от мужа деньги, чтобы он не смог шиковать в ресторане с любовницей. Однако ее усилия были напрасны. Тони увезла Альберта сначала в театр, потом на свою виллу, откуда он вернулся уже под утро. Подобные унижения Эльза переносила более стойко, чем в свое время Милева. Она уезжала в Берлин из их загородного дома в Капуте, якобы за покупками, тем самым, предоставляя Альберту так необходимую ему свободу.

Сильной соперницей Эльзы была 23-летняя австрийка Бетти Нейманн (Betty Neumann), племянница одного из его друзей. Альберт устроил ее секретаршей к себе в Берлинский

университет, так что Эльза была не в состоянии контролировать их сексуальные отношения. Тогда жена взбунтовалась и выставила мужу ультиматум. Если Альберт не может обходиться без этой молодой особы, то она разрешает ему встречаться с ней для удовлетворения его «кобелиного инстинкта» два раз в неделю в обмен на то, что у него не будет других женщин. Любовные отношения с Бетти продолжались в течение года.

Эйнштейноведы, прекрасно осведомлены о любовных похождениях их объекта исследования, были шокированы, когда увидели в восьмом томе собрания документов, вышедшего в 1998 году, письмо Ильзы, старшей дочери Эльзы, написанное в мае 1918 года своему другу, Георгию Николаи (Georg Nicolai). Все знали, что Эйнштейн в течение пяти лет, с 1914 по 1919 год, хотел развестись с Милевой, чтобы жениться на своей кузине. После того, как он ей написал: «Обещаю тебе, что когда я получу Нобелевскую премию, то отдам тебе все деньги. Ты должна согласиться на развод, в противном случае ты вообще ничего не получишь» [6], она согласилась. Однако никто до рассекречивания и публикации письма к Николаи не подозревал о любовной связи Альберта с Ильзой.

Ходили сплетни, будто Альберт одновременно жил со всеми тремя членами семьи Лёвенталь, т.е. он спал не только в постели Эльзы и Ильзы, но также и Марго, младшей дочери Эльзы. Нам точно известно, что 42-летняя мать, не возражала, чтобы ее 39-летний возлюбленный жил с ее 20-летней дочерью. А раз так, то не было бы большим грехом, если бы мать позволила ему спать и с ее младшей, 18-летней, дочерью. Эльза не спала в одной комнате с Альбертом, так как он не мог вынести ее храпа — так он, во всяком случае, объяснял. Ильза умерла рано — в 1934 году, Эльза — в 1936 году, когда Эйнштейну еще нужна была женщина. Он не женился в третий раз, но, подобно Фрейду, окружил себя «гаремом» (помимо трех женщин Лёвенталь, в доме проживали сестра, Майя Эйнштейн и любовница-секретарша, Элен Дюкас, у которой не было постороннего мужчины).

Марго вышла замуж очень поздно, в 31 год, за Дмитрия Марьянова, русского журналиста с весьма сомнительной репутацией. После скорого развода с ним она осталась в доме Альберта. Вот тогда-то, возможно, у нее с Альбертом установились не только отеческие отношения. Марго умерла в 1986 году и хранила обширную переписку Альберта. 10 Июля 2006 года истек 20-летний срок секретности хранившихся у нее 3500 документов, включая 1400 писем 1912 – 1955 гг., часть которых была опубликована в 10 томе **CPAE (Collected Papers of Albert Einstein)** Марго пользовалась у него максимальным доверием в интимных вопросах.

Например, он рассказывал ей, как в 1931 году берлинская подруга Марго и одновременно любовница Альберта, Этель Михановски (Ethel Michanowski), которая была моложе его на полтора десятка лет и значилась в письмах под буквой М., преследовала его повсюду. «Это правда, что М. последовала за мной и в Великобританию, ее преследования уже вышли из-под контроля», — жаловался он Марго. Этель была любовницей Альберта с конца 20-х годов, а к началу 30-х она ему порядком поднадоела. Среди шести названных любовниц больше всего ему нравилась некая Л., которую знала Марго, но не знаем мы. Эйнштейн написал своей падчерице: «Среди всех этих дам единственная, к кому я привязан, это Л., она абсолютно простодушна и приятна».

Такая откровенность не характерна для отношений отца с дочерью, пусть даже не родной. Она обычно возникает с женщиной, с которой мужчина был когда-то сексуально близок, а расставшись, сохранил с ней доверительные отношения в вопросах секса. Марго постоянно сопровождала Эйнштейна в заграничных турне и присутствовала на званых обедах. Впрочем, Альберт часто удовлетворял свое сексуальное желание, посещая

профессиональных проституток. Об этом нам поведали его дружки по этому занятию — небезызвестный Янош Плещ и Отто Штерн (Otto Stern). Таким образом, мы не располагаем никакими письменными доказательствами в отношении *сексуальной* связи между Альбертом и дочерьми Эльзы. Есть лишь письмо, проясняющее отношения Альберта к Ильзе, которые можно охарактеризовать, как только *любовные*.

Послание Ильзы к Георгу начиналось с просьбы: «Пожалуйста, как прочтешь, уничтожь это письмо». Если мы его читаем — значит, по каким-то причинам адресат его не уничтожил. Впоследствии родственники и душеприказчики Эйнштейна под всяческими предлогами хотели запретить его публикацию. Но у них ничего не вышло, так как письмо написано Георгу, он и является его распорядителем. В нем Ильза рассказывает своему самому близкому на тот момент другу, как однажды Альберт признался ей в любви и просил ее выйти за него замуж. Отчим обещал падчерице порвать свои прежние любовные отношения с ее матерью. Эльза как будто бы даже была готова отойти в сторону, чтобы не мешать счастливому браку дочери. Однако вариант женитьбы на Эльзе Эйнштейн всё-таки оставлял как запасной на случай категорического отказа Ильзы.

В частности, писала Ильза: «Сам Альберт отказывается принять окончательное решение. Он готов жениться либо на мне, либо на маме. Я знаю, что он очень любит меня, и никто не будет так любить меня как он. Об этом он говорил мне вчера». Альберт сказал ей, что не может контролировать свои сексуальные порывы, когда она находится рядом с ним. Ильза признавалась Георгу: «Если только есть истинные чувства дружбы и товарищества, то именно их я испытываю по отношению к Альберту. Однако я никогда не испытывала даже намека на физическое влечение к нему».

Ильза писала, что если она будет продолжать жить с ним под одной крышей, то ему не важно выйдет она за него замуж за него или нет, так как в любом случае она останется абсолютно независимой и будет дорога ему в той же степени, что и её мать. Ильза не может ответить ему взаимностью, так как «любит Альберта как отца и только». Ей, «простой и глупой двадцатилетней девочке», тяжело отказывать уважаемому взрослому родственнику, но она не переживет сексуальной связи с ним. В конце письма Ильза просит у Георга поддержки: «Помоги мне!» [5, doc. 545]. Эти события случились весной 1918 года. Какие отношения в семье Эйнштейн-Лёвенталь сложились позже, никто не знает. Но, очевидно, что Ильза, в конце концов, отказала Альберту и он вынужден был жениться на ее матери.

Аморальность этого поступка состоит еще и в том, что биолог и врач из Берлинского университета, Георг Фридрих Николай, был близким другом Альберта. С ним его познакомила Эльза, которая вращалась в богемных кругах художников и литераторов. Георг же, известный на весь Берлин сердцеед, был ее другом до момента, когда она сошлась с Альбертом. Потом Георг переключился на Ильзу, а Эльзу оставил Альберту. Внешне всё выглядело вполне пристойно и даже в высшей степени морально. Все знали, что Георга и Альберта объединяли общие пацифистские чувства, которые начали просыпаться в обществе в период Первой мировой войны. Здесь будет уместно напомнить следующий исторический факт.

В 1914 году Макс Планк и еще 92 интеллектуала подписали воззвание к немецкой нации, пропитанное милитаристским духом. Подписанты, обуреваемые патриотическим чувством, граничащим с национальной ненавистью, одобрили вторжение Германии в нейтральную Бельгию. В их манифесте «отвергались обвинения в злодеяниях, учиненных в Бельгии, враг характеризовался как "русские орды, объединившиеся с монголами и неграми для развязывания войны против белой расы", и содержалось предупреждение, что

без германской военной силы "немецкая культура будет стерта с лица земли"». В общем, обычный набор лозунгов для такого рода воззваний. Некий анонимный автор писал, «что самым счастливым днем его жизни станет тот, когда английский флот затонет, а Лондон сравняют с землей» [2, с. 148].

За милитаризм и воинствующий немецкий патриотизм приходится тяжело расплачиваться. В 1916 году погиб старший сын Планка, Карл, а в 1945 погиб его второй сын, Эрвин. В последнюю войну его дом разбомбили, его обширная библиотека сгорела, сам он едва спасся, благодаря американцам, которые во время наступления советских войск перевезли его из усадьбы Рогец на Эльбе, где он прятался, в Геттинген, где и умер в октябре 1947 года на 90-ом году своей жизни.

Николаи составил «Обращение к европейцам», в котором выражалась озабоченность судьбами мировой культуры, содержался призыв покончить с войной и создать объединенную Европу. Почитатели Эйнштейна считали, что «Обращение» написал отец-основатель теории относительности. Но Роберт Шульман, директор издательского проекта по публикации творческого наследия Эйнштейна, уверен, что автором манифеста был Николаи. Именно он обратился примерно к ста видным интеллектуалам с просьбой подписать сочиненный им миролюбивый манифест. Поскольку милитаристские настроения в обществе тогда преобладали, его призыв не имел того успеха, какой пришелся на воинствующий манифест Макса Планка. Из всех, к кому обратился Георг, его подписал Альберт и еще трое знакомых. После этого Георг и Альберт объявили о создании «Союза нового отечества» — небольшой политической партии, ставившей своей целью борьбу за мир.

Любовь, наука и политика часто переплетаются между собой. Это я говорю к тому, что хочу рассказать еще об одной любопытной истории. В 1998 году стала известна любовная связь Альберта Эйнштейна с Маргаритой Конёнковой, женой советского скульптора Сергея Конёнкова. Супруги Конёнковы жили в Соединенных Штатах с 1920 года, но познакомились с Альбертом только в 1935 году (Эльза была еще жива), когда Сергей начал ваять бюст прославленного физика. Бюст Эйнштейну понравился; сегодня он выставлен в Институте специальных исследований (Institute for Advanced Study). Роман Альберта и Маргариты (они придумали для него названия «Almar» — слово составлено из начальных букв их имен) длился десять лет, до 1945 года, когда Эйнштейну исполнилось 66 лет, а Конёнковой — 51.

После смерти Маргариты в ее доме были найдены часы, подаренные Альбертом, одно стихотворение, сочиненное им, и девять любовных писем, написанных между ноябрем 1945 и июлем 1946 года, после отъезда Конёнковых из Америки в Советский Союз (ответные письма Маргариты не сохранились). Перечисленные артефакты были выставлены на лондонский аукцион Сотби 26 июня 1998 года. Павел Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930 – 1950 годы», изданной в 1995 году, сообщает, что любовная связь Альберта и Маргариты — не более, чем спецоперация НКВД. Скорее всего, так оно и было: скульптор взялся за лепку бюста по заданию компетентных органов, только любовь между Альбертом и «русской шпионкой» получилась всё-таки вполне искренней, о чём свидетельствуют сохранившиеся письма, проданные с аукциона.

Они называли друг друга ласковыми именами, принятыми между влюбленными, Принстонский институт, где работал Альберт, — «гнездышком». Например, письмо от 8 ноября 1945 года он закончил так: «Напиши мне поскорей, если найдется время, целую, Ваш Эйнштейн» [8]. Не было никаких признаков, что Альберт догадывался о спецзадании

своей возлюбленной, в то время как «Центр» в Москве остался доволен ее работой. В частности, она сумела свести Эйнштейна с тогдашним вице-консулом Павлом Михайловым, работавшим в Нью-Йорке. В августе 1945 года Маргарита написала мужу Сергею: «Я всё же не говорила с Эйнштейном о консуле, и я не уверена, что он согласится встретиться с ним. Но, так или иначе, я попытаюсь» [8].

Эйнштейн встречался с Михайловым несколько раз и несколько раз упоминал его в своих письмах. В частности, 27 ноября 1945 года, имея в виду Михайлова, он написал Маргарите: «Между нами, кажется, возникла искренняя симпатия». Но уже в письме от 8 февраля 1946 года он сообщил, что «Михайлов не пришел, чтобы со мной увидеться; надеюсь, что я не попал под табу; никто ничего не знает» [8]. Поскольку физик не имел отношения к атомному проекту, вице-консула интересовали больше его политические взгляды.

Павел Судоплатов пишет, что через Маргариту и Альберта можно было бы влиять на Роберта Оппенгеймера (Robert Oppenheimer) и других «секретных» физиков. Но Роберт Шульман уличает Судоплатова в некорректности его информации, так как автор якобы *ложно* обвинил некоторых видных физиков в передаче секретной информации советским органам. По словам Шульмана, Эйнштейн мог быть только козырем в советской пропаганде [8]. Мне же кажется, что правда на стороне Судоплатова, поскольку, во-первых, как говорится, ответственному за спецоперации намного видней и, во-вторых, секрет атомной бомбы был всё-таки выкраден советской разведкой. Канал Эйнштейн – Конёнкова являлся маленькой частью большого и разветвленного плана похищения атомного секрета.

Последней любовной связью Эйнштейна была связь с Джоанной Фантовой, начавшаяся после связи с Конёнковой, где-то в конце 40-х годов. Особо активными их отношения стали в самые последние годы жизни ученого. Недавно в архиве Принстонского университета был обнаружен дневник Джоанны на 62 страницах, который датируется с 1953 по 1955 год, когда Эйнштейн умер в возрасте 76 лет. Фантова была младше своего возлюбленного на 22 года и умерла в 1981 году на 80-ом году жизни. Немецкий текст ее дневника, состоящий примерно из двухсот отдельных записей, повествует не столько о любви, сколько о том, как Эйнштейн боролся со своей старостью. Например, он часто притворялся больным, чтобы не встречаться с надоедливыми визитерами. Таким образом, Эйнштейн во все периоды жизни вплоть до самой смерти оставался достаточно любвеобильным.

Как и в случае с Фрейдом, всякая активная деятельность Эйнштейна была связана с любовью к женщине, а женщины влюблялись в чудаковатого ученого, исповедующего столь же необычное учение, как и он сам. В этой связи уместно вспомнить историю возникновения христианства. О какой двухтысячелетней вере могла идти речь, если бы Иисуса не любили женщины. Именно они, по словам специалиста по этой части, Эрнеста Ренана, являлись проводниками его вероучения. Мария Магдалина, подруга и почитательница учения Христа, первая возвестила миру о воскрешении возлюбленного и вознесла его на небо.

Нам уже не раз приходилось говорить, что психоанализ распространился по миру благодаря женщинам. Разносчиками релятивистского вируса тоже стали прежде всего они. Дело в том, что понятие четвертого измерения было уже модным в конце XIX века среди спиритов. О нем говорил, в частности, известный русский мистик Успенский. Всеми этими эзотерическими и астральными штучками всегда больше интересовались женщины, чем мужчины. Теорию относительности они восприняли как естественное

продолжение сверхъестественного учения, а Эйнштейна как пророка и мага. В онаученных «Евангелиях», рассказывающих о нем, часто вырисовывается портрет святоши, кабинетного ученого, скромного труженика интеллектуального фронта. Но он никогда не был таким. В его характере было нечто демоническое, дьявольское, что-то от Мефистофеля. Как древнегреческий оракул, он говорил загадками, оригинальничал, а на самом деле просто дурачился.

«Ганс Альберт считал, что его отец был склонен к актерству, т.е. нуждался в публике... Эйнштейну нравилось внимание общества к его особе, он любил, чтобы его слушали, и резко отзывался о собственной популярности скорее всего потому, что стыдился тайного тщеславия» [1, с. 259]. И в другом месте: «Эйнштейн всю жизнь любил театральные эффекты» [1, с. 204]. Это не могло не нравиться фанатичным поклонникам, которые роем кружили возле него после окончания лекций. Он позволял им гладить себя, касаться прядей волос и целовать. Ему было всегда приятно видеть блеск сотен влюбленных в него глаз, ощущать жар женских тел и выслушивать бесконечные комплименты в свой адрес.

Социально-психологические законы везде одинаковы, касаются ли они длительных исторических периодов, как в случае с христианством, или сравнительно коротких, как в случае с релятивизмом. Если смотреть в корень вещей и не поддаваться массовому обману, как это происходит в религиозной сфере, то необходимо признать, что все релятивистские фантазии придумывались ради того, чтобы восхитить женщину. Так было в момент зарождения теории относительности, так продолжалось, по крайней мере, до ее кульминационного пика популярности, приходящегося на момент смерти Эйнштейна.

Уход Учителя в небытие и тайное захоронение его праха в неизвестном никому месте было настоящим ударом для всех жителей земли. Вместе с тем я отлично помню радостную и светлую эпоху, наступившую вскоре после вознесения Эйнштейна на небо. Тогда у нас в стране пришло всеобщее увлечение теорией относительности. Это счастливое время туристических походов и пения под гитару у костра, когда все мы находились в состоянии влюбленности — кто в меньшей степени, кто в большей. Ночи напролет мальчишки и девчонки всматривались в звездное небо и тут же сочиняли вдохновенные стихи и сумасбродные теории.

В то романтическое время поэзия и наука были неотделимы друг от друга, физика и лирика слились в едином экстазе. Плох был тот теоретик, который не мог пропеть стихи под аккомпанемент гитары, и плох был тот поэт, который ничего не знал об Эйнштейне и его удивительной теории. В 60-х годах XX века почти каждый сотрудник научно-исследовательского института — от лаборанта до директора — был туристом-альпинистом, умел немного брэнчать на гитаре и примерно также «брэнчать» на релятивистские темы.

Для сегодняшнего молодого релятивиста, зарывшегося в сухие математические выкладки, это покажется странным, хотя для тех, кто знаком с биографией Фрейда и, особенно, Юнга, такая мотивация не вызовет удивления. Юнг писал свой главный труд «Метаморфозы и символы либидо» в состоянии творческого упоения, слившись в едином сексуальном порыве с Сабиной Николаевной Шпильрейн. Прочтите на эту тему мою работу «Коллективное бессознательное Шпильрейн, Юнга и Фрейда», опубликованную на этом сайте.

С Эйнштейном происходило нечто похожее. Он воспылал горячей страстью к гордой сербской девушке-интеллектуалке и на пути завоевания ее сердца создал теорию относительности. Всё, что было рационального в этой концепции, в частности,

доказательство инвариантности уравнений Максвелла относительно преобразований Лоренца, мне кажется, шло от Милевы, которая, очень возможно, была знакома с идеями Лоренца и Пуанкаре, работавшими в этом же направлении; всё спекулятивно-романтическое, например, замедление времени, вероятно, шло от Альберта.

Этот мой вывод не основывается на каком-то единичном факте, например, на строчке из мартовского письма Эйнштейна к своему другу Конраду Габихту: «... тебя может заинтересовать кинематическая часть», поскольку именно над ней Альберт больше всего потрудился. Существует масса причин, дающая целое когнитивно-психологическое поле реально существовавших отношений между Милевой и Альбертом. Одна из причин заключается в том, что Эйнштейн не владел в должной мере рационально-конструктивной математикой и физикой, но любил помечтать о науке в самой фантастической ее форме. Впоследствии эта легкая свобода творчества приобрела тяжеловесную систему символов, в которой утонули сухари-теоретики.

Эйнштейн же был совсем не таким, как его представляют университетские профессора. Он действительно являл собой языческое божество, каким изобразили его Феофанов и Пилат в цитируемой выше книге [4]. «Новое Знание», о котором писали авторы, — плод его мистической медитации и бесконечного числа анонимов, каждый из которых вписал свою вдохновенную строчку в научную Библию XX века. Кто-то увяз в математических лабиринтах новой религии, кто-то, превзойдя Учителя, стал фантазировать о параллельных пространствах и обитаемых антимирах. Сегодня уже нет какого-то общего взгляда на Вселенную; есть единая спекулятивно-романтическая форма ее описания. И хотя релятивистское вероучение складывалось на протяжении многих десятилетий, сказочную форму оно приобрело за счет *сублимированного либидо* Эйнштейна. Но в этой главе мне хотелось сосредоточиться именно на его *несублимированной* сексуальной энергии. Как удачно это получилось, судить вам, дорогой читатель.

-
1. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).
 2. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
 3. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М.: Атомиздат, 1966.
 4. Феофанов В.А., Пилат Б.В. Триумф и драма Альберта Эйнштейна. — М.: Когелет, 2001.
 5. The Collected Papers of Albert Einstein, Volume 8: The Berlin Years: Correspondence, 1914-1918. Princeton University Press 1998.
 6. Overbye, D. Einstein in Love: A Scientific Romance. New York: Viking, 2000. Peter A. Bucky. Private Albert Einstein. Anrews and McMeel, Kansas City, 1992. Alebert Einstein - Mileva Maric. The Love Letters. Princeton University Press, 1992. Albrecht Fulsing. Albert Einstein: A Biography. New York: Viking, 1997.
 7. www.mignews.com/
 8. Beth Gardiner, Associated Press. Letters suggest Einstein affair with spy (<http://www.s-t.com/daily/06-98/06-02-98/a08wn046.htm>).

5. Эйнштейн в детские и молодые годы

Отец Альберта, Герман Эйнштейн, 1847 года рождения, и мать, Полина (или, Паулина) Кох, 1858 года рождения, сочетались браком 8 августа 1876 года. Альберт Эйнштейн

родился 14 марта 1879 года за полчаса до полудня в городе Ульм, на улице Банхофштрассе-135, где в то время проживали его родители. Об этом говорит запись за №224 в регистрационной книге, хранящейся в Ульме Вюртембергского королевства (Германия). Рассказывают, будто Полина, впервые увидев младенца, воскликнула: «О, Боже, какого же уродца я произвела на свет!» Это была ее реакция на удивительно приплюснутый череп мальчика. Через год семья Эйнштейнов переехала в Мюнхен. 18 Ноября 1881 года родилась сестра Альберта, Майя. Других детей у четы Эйнштейнов не появилось.

Все биографы едины во мнении, что Альберт развивался с большим торможением. До трех лет он вообще не говорил. Родителям казалось, что он никогда и не заговорит. В семь лет он еще продолжал шевелить губами, повторяя за родителями заученные наизусть фразы. В детстве он не играл со своими сверстниками в шумные коллективные игры, предпочитая часами строить карточные домики или заниматься нечто похожим. Без видимых причин он мог внезапно впасть в ярость. Известен случай, когда он запустил в голову Майи кегельный шар, чтобы отобрать у нее намазанную фосфором и потому светящуюся в темноте игрушку (возможно, это был компас). Некоторые считают, что головные боли, сопровождающие ее всю жизнь, а также паралич, сковавший ее движения за 7 лет до смерти, возникли от этого удара. Мне верится в это с трудом.

По собственным воспоминаниям Эйнштейна, компас дал ему отец, когда ему было года 4 или 5. «То, что эта стрелка вела себя так определенно, никак не подходила к тому роду явлений, которые могли найти себе место в моем неосознанном мире понятий (действие через соприкосновение). Я помню еще и сейчас — или мне кажется, что я помню, — что этот случай произвел на меня глубокое впечатление. За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое. Человек так не реагирует на то, что он видит с малых лет. Ему не кажется удивительным падение тел, ветер и дождь, он не удивляется луне и тому, что она не падает, не удивляется различию между живым и неживым» [8, т. 4, с. 261 – 262].

Относительно этих слов и их продолжения известный советский физик В. А. Фок заметил: «трудно сказать, относятся ли эти взгляды к тому периоду жизни Эйнштейна, о котором идёт речь в данном месте его автобиографии, или же они выработались под конец жизни и дали лишь ретроспективное освещение его творчеству. На вторую возможность указывают некоторые слова Эйнштейна в начале его труда» [9]. К данному замечанию нужно еще добавить, что любой мальчишка, в том числе, и когда-то я сам, когда мне попал в руки компас, испытывал похожие чувства, описанные Эйнштейном. Только это еще не признак гениальных задатков, как об этом часто пишут придворные биографы.

Мать Альберта, властная и деспотичная женщина, была музыкально одаренным человеком и хорошо играла на пианино. Когда Альберту исполнилось 5 лет, она пригласила в дом учительницу музыки, чтобы та научила мальчика игре на скрипке. Эти уроки он возненавидел и однажды в гневе бросился на свою учительницу со стульчиком в руках. Тем не менее, уроки музыки продолжались еще в течение 7-8 лет, так что к концу обучения Альберт научился более или менее сносно играть на альте.

В родительском доме Альберт знакомится с основами иудаизма. Дальнейшее изучение Торы и Талмуда за пределами дома оказалось делом совершенно невозможным, так как в Мюнхене, где он жил с родителями, поблизости не было иудейской школы. Родители не были слишком религиозными людьми, поэтому мальчик в течение пяти лет воспитывался в традиционной немецкой школе, пропитанной протестантским духом. В начальную школу Альберт поступил в 1886 году, в 1888 году — в гимназию Луитпольда (Luitpold).

По словам Карла Зелига, классный руководитель однажды сказал ему: «Мне хотелось бы, чтобы Вы покинули нашу школу!» Эйнштейн возразил: "Но ведь я ни в чем не провинился!" "Да, это верно, — продолжал учитель, — но одного Вашего присутствия в классе достаточно, чтобы полностью подорвать уважение к учителям". А учитель немецкого языка сказал ему: "Из Вас, Эйнштейн, никогда ничего путного не выйдет"» [3]. Эти фразы свидетельствуют, что Альберт в детские и молодые годы раздражал учителей, был трудным ребенком, не удобным для обучения и воспитания.

Лакейские биографы любят пересказывать байку, как с 1889 по 1894 год Альберт общался с 21-летним студентом-медиком Максом Тэлмеем (Max Talmey). Тот давал читать юноше «Критику чистого разума» Канта, «Популярные книги по физике» Бернштейна, «Силу и материю» Бюхнера, а также учебники по аналитической геометрии и алгебре, содержание которых мальчик впитывал как губка. В 1932 году, когда Эйнштейн был всемирно известным физиком, бывший студент-медик о способностях 11-летнего Альберта льстиво писал: «...Полет его математического гения был настолько высок, что я больше не мог за ним поспевать».

Вряд ли можно доверять подобным свидетельствам. Если маленький «вундеркинд» даже и держал в руках книги Канта, то это еще не значит, что он усвоил «Критику чистого разума». Известно, что как раз в это время он много места уделял изучению Торы и сильно увлекся чтением других религиозных текстов, в частности, заучивал, а потом пел религиозные гимны. В своей «Творческой автобиографии» 1949 года Эйнштейн писал: «я, хотя и был сыном совсем нерелигиозных (еврейских) родителей, пришёл к *глубокой религиозности*, которая, однако, уже в возрасте 12 лет резко оборвалась» [8, т. 4, с. 259].

Далее он продолжил: «В возрасте 12 лет я пережил еще одно чудо [первым чудом был компас] совсем другого рода: источником его была книжечка по евклидовой геометрии на плоскости, которая попала в руки в начале учебного года. Там были утверждения, например, о пересечении трех высот треугольника в одной точке, которые хотя и не были сами по себе очевидны, но могли быть доказаны с уверенностью, исключавшей как будто всякие сомнения. Эта ясность и уверенность произвела на меня неопишное впечатление» [8, т. 4, с. 262].

Здесь остается справедливым ранее процитированное замечание В.А. Фока. Кроме того, доказательная сила математики, я надеюсь, всегда производит «неопишное впечатление» на мальчиков и девочек, когда они впервые сталкиваются с ней.

Весьма мифологизированным является следующий эпизод из жизни маленького «гения». Так как его отношения с учителями и одноклассниками мюнхенской школы в конце испортились, он ранней весной 1895 года каким-то уж самым необыкновенным образом совершил марш-бросок из Мюнхена в Милан (на тот момент в Павию), куда переселились его родители, безжалостно оставив свое чадо доучиваться в ненавистной ему школе. Событие рисуют так, чтобы у читателя возник образ юного Моисея, спускающегося с Синайских гор, несущего народу Израиля новое учение. Один американский журналист рассказывал, как голодный и оборванный мальчик *пешком* преодолевает заснеженный высокогорный Сен-Готтардский перевал, чтобы, спустившись с Альпийских гор, объявить родителям о начале нового этапа своей жизни — о твердом решении продолжить учебу в прославленном Политехникуме города Цюриха.

Действительно, регулярного сообщения между Германией и Италией, на границе которой возвышаются Альпы, тогда не существовало, так что Альберт добирался, где своим ходом, а где гужевым транспортом. Но до Альп, я думаю, он ехал всё-таки поездом.

Неужели его постоянный попечитель, дядюшка Цезарь, не снабдил племянника необходимой суммой денег и ж/д билетом? Роберт Шульман в передаче PBS от 9 сентября 1997 года о трудностях путешествия ничего не рассказывал, но восхищался, как юный Эйнштейн, не предупредив своих родителей, появился в доме в Павии и с порога заявил им: «Смотрите, что заставило меня покинуть Германию, не волнуйтесь, я пришел не для того, чтобы стать задницей [I'm not going to become a bum]. У меня есть план, вот что я собираюсь сделать...» [10]. Из передачи PBS видно, как Шульман потрясен той степенью самостоятельности, которая была проявлена «15-летним подростком».

Биограф и помощник Эйнштейна, Абрахам Пайс, целиком опираясь на документы, описывает этот эпизод следующим образом: «Дела Германа, поначалу удачные, шли все хуже. Синьор Гарроне, представитель итальянской фирмы, предлагал перевести фабрику в Италию, где перспективы были гораздо радужнее. Якоб [Эйнштейн, брат Германа и его компаньон] был полностью с ним согласен, его энтузиазм заразил Германа. В июне 1894 г. фабрика в Зедлинге была ликвидирована, дом продан и семейство переехало в Милан. Уехали все, кроме Альберта, который остался, чтобы закончить гимназию. Новая фабрика открылась в Павии. В 1895 г. Герман с семьей переехал из Милана в Павию, где они поселились на Виа Фосколо, 11.

Одиночество угнетало Альберта, он нервничал. Без родных было тоскливо, гимназию он не любил. Ему исполнилось 16 лет, и перед ним маячила военная служба [*Прим. автора.* По закону только мальчики до 17 лет могли уезжать из Германии и не возвращаться для прохождения службы в армии. Отвращение Эйнштейна к армии проявилось еще в детстве, когда он с родителями смотрел военный парад. Его напугали движения, которые люди совершали, казалось, помимо своей воли. Родителям пришлось обещать ему, что он никогда не станет военным.]

Не посоветовавшись с родителями, Альберт решил присоединиться к ним. Взяв у семейного врача справку о нервном истощении, он получил освобождение от занятий в гимназии и ранней весной 1895 г. отправился в Павию. Родителям, которых его внезапный приезд огорчил, пообещал, что самостоятельно подготовится к вступительным экзаменам в Цюрихский политехникум и, кроме того, сообщил им о своем желании отказаться от германского гражданства. Новая, более свободная жизнь и независимость в учебе превратили тихого мальчика в общительного молодого человека. Природа Италии и ее искусство произвели на него большое впечатление.

В октябре 1895 г. Альберт отправился в Цюрих сдавать экзамены в политехникум. Он не поступил, хотя успешно сдал математику и естественные науки. [*Прим. автора.* Он сдавал экзамены по истории, немецкому и французскому языкам, биологии, математике, начертательной геометрии, химии, физике, черчению; писал сочинение.]» [4, с. 48]. Здесь я хотел бы прервать не только цитирование Пайса, но и дальнейшее свое повествование, связанное с Политехникумом, ради того чтобы сравнить психологический облик младшего сына с отцом, Альбертом, когда ему было столько же лет, сколько сыну.

В отличие от отца, который очень поздно заговорил и зарекомендовал себя посредственным ребенком, Эдуард, напротив, отличался необыкновенными способностями как раз в отношении языка. Очевидно, это передалось ему от матери. Милева Марич, как и ее отец, Милош Марич, легко усваивала языки. Хотя и Альберт Эйнштейн освоился не только со своим родным немецким, но также итальянским, французским и английским языками, на которых говорил свободно. Правда, Зелиг [3] отмечал, что при поездке в 1921 году в Лондон Эйнштейна сопровождал профессор Эрвин Фрейдлих-Финлей в качестве переводчика. Ваксман тоже написал, что, несмотря на

многолетнее проживание в США, Эйнштейн испытывал определенные затруднения с английским языком [11]. А Ромен Роллан в 1915 году в уже цитированном нами дневнике отметил: «По-французски говорит с трудом, перемешивая свою речь немецкими словами» [13].

Известно, что речь и язык, вообще говоря, вещи разные: можно неплохо читать иностранный текст, но не уметь говорить на иностранном языке, и наоборот. Сестра Альберта, Майя, проявила большие лингвистические способности. Свою докторскую диссертацию она защищала по филологии, однако говорила она на европейских языках не важно. Способные к языкам люди, как правило, не особенно способны к пространственно-механическому мышлению, но зато обладают хорошей памятью.

Жена старшего сына Альберта, Элизабет Робоз, вспоминает: «В раннем детстве он [Эдуард] был своего рода гением, сходу запоминая все прочитанное. Он играл на фортепиано, причем красиво ["неистово", согласно словам отца], и в совершенстве владел английским языком, который изучил в старших классах средней школы» [2, с. 320]. Эдуард рано начал сочинять стихи и афоризмы, ядовитость которых, однако, была вполне сопоставима с язвительностью шуток отца. Альберт Эйнштейн тоже неплохо рифмовал слова и умел ядовито злословить, чем мог обидеть собеседника так, что тот, бедняга, запоминал «шуточки» знаменитого физика на всю оставшуюся жизнь. Эдуард «был странноватый, иногда задумчивый, с мягкими манерами мальчик, внешне вполне уравновешенный. Среди сверстников он выделялся своим необыкновенным интеллектом и умением быстро и остроумно парировать любые реплики» [1, с. 299].

Альберт и Эдуард находились как бы в противофазе: сын начал хорошо, а кончил плохо; у отца все было наоборот. Брайен пишет: «Одноклассники оценивали Альберта как слабака и посмешище, потому что он не проявлял никакого интереса к спорту. Преподаватели считали своего воспитанника тугодумом из-за его неспособности заучивать наизусть и из-за странного поведения. Он никогда не давал мгновенных ответов на вопрос, как это делали другие ученики, но всегда колебался. А после завершения ответа Альберт тихо шевелил губами, повторяя произнесенные слова» [2, с. 15].

Однако позже Альберт отыгрался за издевательства над его инфантильностью. «Возможно, в качестве компенсации за годы покорного молчания, — пишет Брайен, — Эйнштейн теперь [речь идет о 1895/6 гг.] часто высказывал свои мысли вслух, даже если они могли провоцировать окружение» [2, с. 28]. Картер и Хайфилд об этом же времени пишут следующее: «Уверенность Эйнштейна в собственных интеллектуальных возможностях все возрастала» [1, с. 39]. Эдуард же, напротив, с возрастом почувствовал крайнюю неуверенность; его мозг медленно угасал. С самого раннего детства Эдуард жадно читал книги, потом это желание постепенно пропало. У Альберта, наоборот, интерес к чтению литературы проявился в основном при знакомстве с Милевой. Но даже в этот период он не проявлял какого-то повышенного внимания к учебе.

Что касается непредсказуемости и реактивности психики, она у них в детстве была сопоставима. Брайен о детских годах отца сообщил следующее: «В тех редких случаях, когда Альберт сталкивался с детьми, своего возраста, он был тих, замкнут и углублен в себя — эдакий зритель и наблюдатель», «который никогда не ввязывался в ссоры». Однако его младшая сестра, Майя, знала «совсем другого Альберта: маленького озорника с бешеным темпераментом, — и именно она принимала на себя главный удар его свирепости». Ее бедная голова испытала от брата удары садовой лопаткой и шаром для игры в кегли. Такое происходило тогда, когда она не успевала распознать «зарождение вспышек гнева у брата — в этот момент его лицо становилось желтым» [2, с. 14].

На Альберта часто накатывались припадки ярости; в эти моменты его лицо становилось серовато-желтым, а кончик носа белел. Он имел взрывной характер, но в обычном состоянии он вел себя неестественно спокойно и даже заторможено. В детские и юношеские годы Альберт был легко возбудимым и эмоциональным человеком, который в качестве психологической защиты избрал для себя злобный сарказм и упрямство, доходившие часто до грубости, истерических реакций и нервных срывов. В 12 лет он неожиданно для родителей впал в какой-то «религиозный экстаз», перестал есть свинину, распевал религиозные гимны, но через год все прошло. В общем, «молодой Эйнштейн действительно страдал от душевного разлада» [1, с. 30].

Когда Альберт появился неожиданно в Павии, «Майя была изумлена переменой, происшедшей в брате за шесть месяцев. Нервный, самоуглубленный мечтатель превратился в любезного, дружелюбного и общительного молодого человека с едким чувством юмора» [2, с. 22]. Вступительные экзамены в Цюрихский Политехникум он успешно провалил, сдав лишь математику и физику, но получив по химии, биологии и французскому языку «неуд». По совету принимавшего у него экзамены Генриха-Фридриха Вебера, сыгравшего в последствии важную роль в его студенческой жизни, осенью 1895 года он поступает в платную школу в кантоне Аарау. Директором школы был Йост Винтеллер, в доме которого поселился юный Альберт. Окончание этой школы давала возможность поступления в Политехникум без вступительных экзаменов; дополнительной гарантией служила почти родительская забота «папаши» Винтеллера.

«Эйнштейна отправили туда в специальную школу [расположенную в кантоне Аарау], так как в обычной школе он не обнаруживал успехов», — делает важное уточнение Джон Уилер [12]. Альберт поступил в младший, т.е. не выпускной, четвертый класс, только для того, чтобы в течение года подтянуться по современным европейским языкам. Так как он посещал не все занятия, у него было масса свободного времени, которое он проводил очень весело. Дядюшка Цезарь высылал ему 100 франков в месяц, половина суммы уходила хозяину дома, а половиной он распоряжался сам. Для сравнения: кружка пива в то время стоила 20 сантимов, так что карманных денег ему хватало вполне. В доме Винтеллера стоял рояль, имелась также скрипка. Они пускались в ход, когда Альберт музицировал с детьми «папаши» Винтеллера. В Аарау Альберт Эйнштейн познакомился с Гансом Биландом, умевшим играть на контрабасе; дуэтом они часто исполняли произведения Моцарта в школьной столовой.

«В такие моменты Альберт менялся настолько радикально, что Биланд считал его человеком с раздвоенной личностью, умело скрывающим свои глубинные эмоции — который раскрывались посредством музыки, — за внешностью, усыпанной шипами... Однако как только музыка заканчивалась, Эйнштейн вновь облакался в свой защитный панцирь. Согласно Биланду, "его отношение к миру сочеталось смесью смеющегося философа и остроумного насмешника, издевающегося над всяким тщеславием и позой"; это был юноша, который "испытывал отвращение к любому проявлению сентиментальности, а голова его оставалась холодной даже в слегка истеричной атмосфере"» [2, с. 28]. Но не все окружавшие тогда Эйнштейна свидетели считали его виртуозным скрипачом, многие называли его «неуклюжим любителем» и «весьма посредственным» музыкантом.

Этот период знаменателен еще и тем, что 16-летний «гений», с его собственных слов, задался «великим вопросом»: как будет выглядеть мир, если двигаться со скоростью света? Данный эпизод является неотъемлемой частью официальной биографии Эйнштейна. По-моему, это обычный вопрос, который задает себе любой мальчишка, чуть-чуть увлекающийся физикой. Но всё радикально меняется, если дело касается

богоподобного ученого. Друг сестры Майи, вспоминал, что этот вопрос возник у Альберта не в Аарау, а в Павии, когда он вместе с ним катался на велосипеде. Как бы там ни было ведущий вышеупомянутой передачи PBS Ф. Маррай Абрахам (F. Murray Abraham) заметил, что это был первый мысленный эксперимент Эйнштейна, который привел его к теории относительности.

Ведущий попытался реконструировать ход мыслей великого Эйнштейна: «Он создавал обманчиво простые сценарии, чтобы впоследствии исследовать самые сложные явления. Пускай свет является волной, рассуждал Эйнштейн, тогда независимо от того, как быстро он движется, должна существовать возможность поймать максимум или минимум волны. После этого Эйнштейн задается вопросом, что он будет видеть? Свет остановится? Время остановится? Он будет постоянно перемещаться на одном и том же волновом максимуме, представляющем собой замороженное мгновение? В 16 лет Эйнштейн не мог найти ответы на свои вопросы» [10]. Так могут рассуждать только журналисты — полные дилетанты по части научного творчества.

Детские впечатления от мысленного катания на велосипеде со скоростью света или неизменная направленность стрелки компаса — другой «наиважнейший факт биографии Эйнштейна» — вряд ли являются «ключевыми моментами становления гениальной личности». Если каждый из нас покопается в своих детских и юношеских впечатлениях, он тоже обнаружит у себя задатки такой «гениальности». Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с обыкновенным мифотворчеством, слабо связанным с релятивистской проблематикой. Подобные басни могут впечатлить разве что наивных школьников и домохозяек, но на людей науки передача PBS окажет скорее всего удручающее воздействие. Кто знаком, например, с биографией великого немецкого ученого Карла Фридриха Гаусса и знает, какого рода задачи решал в молодости он, тот не увидит в вышеприведенном мысленном эксперименте Эйнштейна ничего гениального.

В конце октября 1896 года Альберт получает диплом, в котором оценки по арифметике, геометрии и алгебре были максимально высокими. Было бы странно, если бы добрейший «папаша» Винтеллер вручил ему иной диплом. Ведь молодому человеку надо было поступать в высшее федеральное политехническое училище на факультет VI-A, который готовил учителей математики и физики.

Карл Зелиг сообщает [3, с. 25 – 26], что Политехникум в то время имел в своем штатном расписании Германа Минковского, преподававшего алгебру, геометрию чисел, теорию функций, теорию потенциала, аналитическую механику, эллиптические функции, вариационное исчисление, применение аналитической механики и дифференциальные уравнения в частных производных. Курс дифференциальных уравнений, а также курс дифференциального и интегрального исчисления с упражнениями вел Адольф Гурвиц. Генрих-Фридрих Вебер вел следующие курсы: принципы физики, аппаратура и методы измерения в электротехнике, система абсолютных электрических измерений, электрические колебания, переменные токи, введение в электромеханику, электротехническая лаборатория, научные работы в физической лаборатории.

Вебер, которого Эйнштейн впоследствии возненавидел, был одним из ведущих и авторитетнейших преподавателей Политехникума, которому помогал Жан Перен, руководивший физическим практикумом для начинающих; он же затем продолжал вести более продвинутый курс по практической физике. Начертательную геометрию, проекционное черчение и центральное проецирование — предметы, которые не давались Марич, — читали Вильгельм и Эрис Фидлеры.

Теперь послушайте, что написал Дэнис Брайен по поводу этих преподавателей: «Эйнштейн выводил из себя *деспотичных* институтских профессоров, потому что расценивал большинство из них как *неразумных* или *невежественных* и не стеснялся показывать это. Его независимая, пренебрежительная манера раздражала здешних преподавателей даже больше, чем это имело место в случае его шумного учителя греческого языка из средней школы. Эйнштейн приводил в бешенство преподавателя физики *Жана Перне*, который своими глазами видел, как этот скверный студент выбросил официальные инструкции по проведению одного эксперимента в мусорную корзину, даже мимоходом не взглянув на них» [2, с. 37].

Вряд ли уместны эпитеты «деспотичные», «неразумные» и «невежественные» в отношении институтских преподавателей и, особенно, Жана Перне. Зелиг о последнем эпизоде вспоминает: «Доктор Иозеф Заутер [сын его впоследствии работал вместе с Альбертом в патентном бюро], который был главным ассистентом Вебера, рассказывал мне, что в бытность студентом Эйнштейн, работая в лаборатории профессора физики Жана Перне, серьезно поранил себе руку в июне 1899 г., во время учиненного там взрыва. Как и всем студентам, Эйнштейну была вручена инструкция с описанием задачи и метода, которым следует ее решать. Но обуреваемый *сильнейшей жаждой независимости* Эйнштейн чаще всего бросал такие инструкции в корзину и выполнял задания по-своему... В начале того же года Перне, рассерженный тем, что Эйнштейн стал отлынивать от практических занятий в физической лаборатории, написал в ректорат докладную записку с просьбой объявить Эйнштейну выговор, что и было сделано. Об этом рассказал мне в 1943 году профессор Франк Танк» [3, с. 32].

Одна из сверстниц, студентка биологического факультета считает, что «усердия и доброй воли у Эйнштейна достаточно, но вот способностей не хватает» [3, с. 41]. В связи с этим она вспоминает следующий диалог между ним и профессором Перне: «"Вы даже не представляете себе, как трудно изучить физику. Почему бы Вам не заняться медициной, юриспруденцией или философией?" "Да прежде всего потому, что у меня нет к этому призвания, господин профессор, — ответил Эйнштейн. — Почему бы мне не попытаться счастья в области физики?" "Как хотите, молодой человек, — резко оборвал разговор Перне. — Я только хотел Вас предостеречь, это в ваших же интересах"». Перену, как и любому нормальному преподавателю, прекрасно видно, что представлял собой студент Эйнштейн. Физик и математик из него, конечно, никудышный. Его первые работы, выполненные даже под присмотром неплохого математика, каким была Милева, являют неподвзятому взору жалкое зрелище, но об этом после.

Ведущим преподавателем по дисциплинам, связанным с физикой, был Вебер. Его, читавшего свои лекции «великолепно», Эйнштейн демонстративно игнорировал, «без всякого интереса слушал его "Введение в теоретическую физику"»... Эйнштейн часто пропускал лекции Вебера регулярно посещал только лабораторные занятия по физике, которыми он руководил. Как и следовало ожидать, это привело к обострению отношений между студентом и Вебером, которого также обижало, что Эйнштейн упорно называл его "господин Вебер", а не "господин профессор".

"Вы умный малый, Эйнштейн, очень умный малый, — говорил преподаватель, — но у Вас есть большой недостаток — Вы не терпите замечаний"... Тот же Вебер отказался оставить Эйнштейна ассистентом у себя на кафедре после защиты дипломной работы, отдав предпочтение двум инженерам-механикам. Это была горькая пилюля, ибо все однокурсники Эйнштейна сразу же стали ассистентами...» [3, с. 31]. После смерти Вебера в 1912 году Эйнштейн в характерной для него злой манере в письме к Занггеру написал: «Смерть Вебера пойдет Политехникуму на пользу» [4, с. 52]. Отчасти, такое отношение к

уважаемому профессору объясняется еще и тем, что именно он «завалил» на выпускных экзаменах Милеву Марию, которая из-за него не смогла работать преподавателем.

Еще хуже, чем с физикой, дела обстояли с математикой. Окружавшие Эйнштейна физики-теоретики признавали его беспомощность в области математических дисциплин. Поэтому рядом с ним постоянно находился кто-нибудь, кто более или менее знал предмет, в котором он плохо ориентировался. Сначала это была его первая жена Милева, потом возле него находился его товарищ по Политехникуму Марсель Гроссман, создавший математический аппарат общей теории относительности. У Зелига есть такие строки: «Математикой студент Эйнштейн старался заниматься поменьше. К счастью, он мог твердо рассчитывать на образцовые конспекты своего друга Марселя Гроссмана» [3, с. 35]. Об этом же написал и Пайс: «Подготовку к экзамену облегчил ему Марсель Гроссман, который предоставил ему свои конспекты лекций, аккуратно записанные и расположенные по порядку» [4, с. 51]. В этом признавался и сам Эйнштейн. Конспект Гроссмана сейчас хранится в музее Политехникума, как наиболее ценная реликвия по истории физики.

Гроссман, который, к сожалению, рано умер — в 1936 году, — один из многих способных людей, интеллект которых Эйнштейн бесцеремонно эксплуатировал. Его сменили другие профессиональные математики, помогавшие перевести на языке символов и формул фантазии Эйнштейна. Об этом писали многие, правда, в самом положительном ракурсе. Например, Брайен представил дело так: «Эйнштейн любил склоняться к своим идеям других физиков и привлекать "молодых сотрудников, преимущественно математиков, в качестве помощников при разработке трудных математических проблем". Немногочисленные подходящие кандидатуры, имевшиеся в Берлинском университете, были заинтересованы продвижением собственной карьеры, работая над докторской диссертацией или оттачиванием своих знаний для сдачи государственных экзаменов, необходимых, чтобы стать преподавателями физики.

Один из помощников, Яков Громмер, российский еврей с гротескно деформированным обликом, работал с Эйнштейном в течение нескольких лет и надеялся в конечном счете стать преподавателем. Несмотря на рекомендации Эйнштейна, из-за внешности никто не хотел брать его на работу. "Однако, — как написал позже Абрахам Пайс, — Громмер обвинил Эйнштейна в том, что тот не прилагал достаточных усилий, и в конечном итоге поссорился с ним". Громмер расстался с Эйнштейном в 1928 году; на следующий год он нашел работу в Минске и был в конечном счете избран в Белорусскую академию наук» [2, с. 276].

Громмера сменил Корнелиус Ланцош, написавший о жизни Эйнштейна крайне необъективную полную панегириков книгу (фрагмент из нее приведен в первом разделе). Затем над синтезом гравитационного и электромагнитного поля ему помогали работать Уолтер (Вальтер) Майер, Питер и Валентин Бергман, Леопольд Инфельд, Бенеш Хофман и другие. Линдеман, попавший под обаяние Эйнштейна, впоследствии вспоминал о нем: «Он говорит, что очень скверно знает математику, но, похоже, именно с ее помощью к нему пришли большие успехи» [2, с. 137]. «Большие успехи» пришли к нему не *благодаря*, а *вопреки* математике. Линдеман, а также Ланцош, Инфельд и Хофман, в отличие от Громмера, писали об Эйнштейне только всё самое хорошее. Это и понятно, в противном случае их карьера европейских ученых прервалась бы мгновенно. Никому на Западе не позволено открыто критиковать божество. Это табу до сих пор не снято.

«Если Эйнштейн нуждался в оправдании своего пренебрежения к математике, — пишет Брайен, — то оно состоит в том, что он был пленен физикой и уже развил идеи, которым

суждено было поставить его в один ряд с Галилеем и Ньютоном. С помощью физики он мог интуитивно продвигаться к сердцевине материи и видеть своими глазами, что надлежит делать для решения стоящих перед наукой проблем» [2, с. 39]. Это, конечно, не является оправданием для пренебрежительного отношения к математике. Брайен и другие биографы, похоже, не понимают, что Эйнштейн не был экспериментатором, вроде Фарадея, который тоже не знал математики, и что нельзя стать блестящим физиком-теоретиком, если плохо чувствуешь математическую природу явления. Теория относительности — это сплошное издевательство и насилие над математикой. Истоки ее ошибок как раз и проистекают из пренебрежения «царицей наук».

Герман Минковский — профессор математики, прославившийся геометрической интерпретацией преобразований Лоренца (как сейчас выясняется, ложной), — назвал Эйнштейна «ленивой собакой», потому что тот не проявлял и «тени энтузиазма» к его предмету. Минковский преподавал в Политехникуме, где учился нерадивый студент, с 1896 по 1902 год. Уже в этот период, заинтересовавшись проблемами относительности, Минковский разрабатывал собственную теорию, которую историки науки почему-то не особенно жалуют.

Дело представляют так, будто учитель Эйнштейна, заинтересовавшись работой своего студента, помог ему с геометрической интерпретацией, представив сверхбыстрые явления физики в четырехмерном пространственно-временном континууме. Все было ровно наоборот. «Позднее, в 1909 году, — вспоминает Макс Борн, — когда я уже был сотрудником Минковского по проблемам теории относительности, он сказал мне как-то: "Ах, Эйнштейн, да ведь он всегда отлынивал от лекций, ему бы я это никогда не доверил"» [5, с. 402]. Вдумайтесь, Минковский, не доверил бы Эйнштейну заниматься проблемами теории относительности! Об этом же рассказывал и Зелиг, который передал отзыв Минковского об Эйнштейне своему ассистенту Борну в следующих словах: «Это было для меня огромной неожиданностью. Ведь раньше Эйнштейн был настоящим лентяем. Математикой он не занимался вовсе» [3].

Существует еще один любопытный документ. Зелиг приводит письма Эйнштейна, которые были отправлены Гурвицу вскоре после окончания Политехникума. Перед тем, как приводить тексты писем, биограф замечает: «Он [Эйнштейн] был пресыщен духовной пищей [?] и на первых порах совершенно не имел желание заниматься наукой [я подозреваю, что эта "первая пора" длилась с 1900 по 1910 год]. Попытка стать ассистентом профессора Гурвица провалилась. Впервые он предложил ему свои услуги 23 сентября 1900 г. в письме из Милана, где гостил у родителей». Далее следует текст первого письма: «Мой друг Эрат, — пишет Альберт профессору, — сообщил мне, что Ваш нынешний ассистент доктор Маттер получил должность учителя гимназии в Фрауэнфельде. Поэтому я позволю себе спросить, есть ли у меня шансы стать Вашим ассистентом? Я не решился бы беспокоить Вас этой просьбой в каникулярное время, но для получения цюрихского гражданства, о котором я просил, необходима постоянная работа».

Таким образом, Эйнштейн просится к Гурвицу ассистентом, чтобы получить швейцарское гражданство! Как вам такая мотивация? От германского гражданства он хотел избавиться, чтобы не идти служить в германскую армию. Швейцарское гражданство он получит, правда, без помощи Гурвица, в конце февраля 1901 года, а в середине марта он уже предоставит липовые медицинские справки по плоскостопию, чтобы не идти на службу в швейцарскую армию. Всё это происходило, видимо, из глубоких пацифистских убеждений. Мне представляется, очень некрасиво выдавать нежелание служить в армии за какие-то миролюбивые чувства. А вам как кажется, дорогой читатель?

Позднее Гурвиц как-то вежливо ответил Альберту, который, судя по второму письму, не слишком его понял и принял вежливый тон письма своего бывшего преподавателя за некое обещание. Возможно, это была игра. В письме Эйнштейна от 26 сентября говорилось: «Сердечно благодарю Вас за любезное сообщение. Я счастлив, что есть надежда получить эту должность. Недостаток времени не позволил мне участвовать в занятиях математического семинара, не пришлось мне присутствовать и на семинарских занятиях по практической и теоретической физике. В мою пользу говорит лишь то, что я посещал большую часть тех лекций, на которые мог попасть. Поэтому я считаю нужным добавить, что в студенческие годы занимался главным образом *аналитической механикой и теоретической физикой*» [3, с. 47].

Итак, здесь Эйнштейн изображает себя физиком-теоретиком. Но в «Автобиографических заметках» 1949 года он, напротив, писал, будто он большую часть времени проводил в лаборатории. Там мы читаем: в Политехникуме «у меня были прекрасные преподаватели (например, Гурвиц и Минковский), так что, собственно говоря, я мог бы получить солидное математическое образование. Я же большую часть времени работал в физической лаборатории, увлеченный непосредственным соприкосновением с опытом» [8, т. 4, с. 264]. Однако лабораторию Жана Перне — и это мы тоже хорошо помним — он чуть было не взорвал и систематически «отлынивал от практических занятий», за что ректор влепил ему выговор. Какой преподаватель захочет взять к себе в ассистенты такого «универсального» физика? Он и теоретик, он же и экспериментатор! Понятно, что Гурвиц, как Вебер и остальные преподаватели, отказали ему, хотя у Альберта с ним и его женой были самые добрые отношения.

В «Автобиографических набросках» 1955 года, которые, к сожалению, редко цитируются, Эйнштейн довольно откровенно высказывается о себе. Свое отношение к математике он описывает следующими словами: «... Высшая математика еще мало интересовала меня в студенческие годы. Мне ошибочно казалось, что это настолько разветвленная область, что можно легко растратить всю свою энергию в далекой провинции, к тому же по своей наивности я считал, что для физики достаточно твердо усвоить элементарные математические понятия и иметь их готовыми для применения, а остальное состоит в бесполезных для физики тонкостях, — заблуждение, которое только позднее я с сожалением осознал. У меня, очевидно, не хватало математических способностей, чтобы отличить центральное и фундаментальное от периферийного и не принципиально важного» [8, т. 4, с. 351].

Если убрать пару явно ошибочных характеристик в свой адрес, то психологический тип и общее представление о себе Эйнштейн передает верно. «Я был, — пишет он, — своенравным, но *скромным* [?] молодым человеком, который приобрел свои необходимые знания спорадически, главным образом, путем *самообразования* [?]. Я жаждал глубоких знаний, но обучение не казалось мне легкой задачей: я был мало приспособлен к заучиванию и обладал плохой памятью. С чувством вполне обоснованной неуверенности я явился на вступительный экзамен на инженерное отделение. Экзамен показал мне прискорбную недостаточность моей подготовки, несмотря на то, что экзаменаторы были снисходительны и полны сочувствия. Я понимал, что мой провал был вполне оправдан.

1896 — 1900 гг. — обучение на отделении преподавателей специальных дисциплин швейцарского политехникума. Вскоре я заметил, что довольствуюсь ролью посредственного студента. Для того чтобы быть хорошим студентом, нужно обладать легкостью восприятия; готовностью сконцентрировать свои силы на всем том, что читается на лекциях; любовью к порядку, чтобы записывать и затем добросовестно обрабатывать преподносимое на лекциях. Все этих качеств мне основательно недоставало,

как я с сожалением установил. Так постепенно я научился ладить с не совсем чистой совестью и организовывать свое учение так, как это соответствовало моему интеллектуальному желудку и моим интересам. Некоторые лекции я слушал с большим интересом. Но обыкновенно я много "прогуливал"..."» [8, т. 4, с. 351].

Здесь поставлены два вопросительных знака: первый после слова «скромный», который для студента Альберта уже не подходил. В детстве он был застенчив — это правда, но в Политехникуме его уже так характеризовать нельзя. Второй вопросительный знак стоит после слова «самообразование». Этим он действительно занимался, но в основном под воздействием Милева Марич. Удивительно, но в этой автобиографии Эйнштейн отметил, что в его «самостоятельном обучении... принимала участие сербская студентка Милева Марич, которая позднее стала моей женой». Видимо, в конце жизни старику надоело лгать и он сказал правду, чего никогда не делал с момента расставания с первой женой.

Следует особо подчеркнуть, что Альберт сначала хотел стать обыкновенным инженером-электриком — специалистом по электродвигателям и динамо-машинам. Это было обусловлено его узкотехническими интересами, сформировавшимися в электромеханических мастерских отца и дяди. В этих мастерских он провел немалую часть времени своего беззаботного детства и юности. Но за время годичной учебы в Аарау он передумал и во второй раз решил поступать уже на педагогическое отделение Политехникума. В 1895 году Альберт писал школьное сочинение на тему «Мои планы на будущее», в котором выказал желание стать преподавателем теоретических дисциплин, так как полагал, что у него имеется «склонность к абстрактному математическому мышлению»; тут же он признавался в «отсутствии воображения и практической смекалки» [4, с. 49]. В математических способностях он потом сильно разочаровался, но зато на втором курсе Политехникума у него возникла новая иллюзия уже противоположного характера: он стал мнить себя большим экспериментатором. Об этом мы узнаем из книги об Эйнштейне, написанной зятем Эйнштейна, Рудольфом Кайзером, который, однако, по мнению Пайса, писал чуть ли не под диктовку тестя.

Нет сомнений, что любовь к абстрактной науке и, в частности, к теоретической физике была привита Альберту Эйнштейну именно Милевой Марич. Начиная с 1898 года и до конца периода обучения в Политехникуме, она влияла на него медленно и неуклонно самым благотворным образом. Умная, трудолюбивая, знающая физику и математику женщина, всегда была готова прийти ему на помощь. Милева просто не могла не участвовать в подготовке первых научных работ Альберта. Четыре из них, написанные в 1905 году, впоследствии были признаны как эпохальные. Так что претензии почитателей Эйнштейна к его жене абсурдны; они также безнадежно обманываются в отношении моральных качеств своего кумира. Эгоистичная и ленивая натура Альберта была скроена противоположным образом: всякую работу он старался переложить на кого-нибудь другого — жену, друзей, нанятых помощников.

Эйнштейн ничего не делал самостоятельно, подле него постоянно присутствовал соавтор, имя которого редко появлялось на титульном листе публикации. И это притом, что Милева всегда ставила своего возлюбленного впереди себя. Так, по поводу первой статьи 20 декабря 1900 года она хвасталась Элен Савич: «Альберт написал статью по физике, которая в скором времени будет опубликована, наверное, в физических летописях ["Annalen der Physik"]. Можешь себе представлять, как я горда за моего возлюбленного. Это ведь работа не одного дня, а очень продолжительная; она касается теории жидкости. Мы послали ее частным образом также Больцману» [6, Doc. 85].

Местоимение «мы», часто используемое Милевой, говорит о ее непосредственном участии в делах своего сначала друга, а потом и мужа. В процитированном отрывке она, похоже, хочет недвусмысленно указать на то, что первую работу написал один Альберт. Однако сам Альберт в письме, посланном Милеве из Винтертура, имея в виду всё ту же первую статью, написал так: «Здесь профессор Вебер интересуется *моими* работами. Я дал ему *нашу* статью. Только бы поскорее *мы* получили счастливую возможность двигаться и далее *вместе* этой прекрасной дорогой [совместного творчества]» [6, Дос. 107].

Такое использование местоимений особенно показательно, пишет Маурер [7]; она считает, что по всем признакам Марич нужно признать соавтором Эйнштейна. Хорошо известны слова Милевы, сказанные после завершения «эпохальной» работы: «Недавно мы закончили очень важное дело, которое сделает моего мужа всемирно известным». Разве можно сомневаться, что при ее написании Милева на равных с мужем участвовала в творческом процессе? Непременно, участвовала, по-другому и быть не могло!

Знаменательно, что перед Эленой Савич Милева свои отношения с Альбертом всегда выставляла безоблачными. Так, в период где-то между 8 января и 19 марта 1901 года, когда их дружба дала уже трещину, она сообщает подруге: «Мы живем и работаем всё ещё, как и раньше» [6, Дос. 87]. В 1905 году Милева писала ей «мы завершили важную работу, которая прославит мужа». Тогда отношения между ними были самыми дружескими. Несомненно, жена работала вместе и наравне с мужем, хотя лавры стяжал только один муж. В 1909 году он стал профессором в Цюрихе. В связи с этим Милева пишет своей подруге: «...Известность не оставляет много времени для жены... может случиться, что один получит жемчужину, другой только пустую раковину от нее».

В процитированном выше послании 1901 года Милева рассказывает Элен о намерении Альберта работать в Вене («ведь надо думать не только о теоретической физике, но и о деньгах»), а также своем намерении работать в женской гимназии. Этим надеждам не суждено было сбыться. Весь 1901 год он усиленно ищет работу, предлагая себя в качестве ассистента или преподавателя. В марте он отослал письмо в Лейпцигский университет близкому ему по духу известному немецкому химику и философу Вильгельму Оствальду и приложим к нему копию статьи, которую он до этого отослал в журнал «Annalen der Physik».

В письме от 19 марта говорилось: «Поскольку я воодушевился Вашей книгой по общей химии... беру на себя смелость послать вам оттиск моей статьи. Я рискую также спросить Вас, не нужен ли Вам специалист по математической физике, знакомого с методами физических измерений. ... Я позволяю себе вольность обращаться к Вам с такой просьбой *только* потому, что *не имею никаких средств к существованию...* » [6, Дос. 92]. Опять же, обратите внимание на мотивацию поступка. Очень неумно думать, что профессор сжалится и даст какому-то неизвестному выпускнику ассистентскую должность по указанной причине. Беспрецедентная наглость Эйнштейна, похоже, намного превосходила самоуверенное нахальство даже самого Фрейда. Тот, прежде чем явиться к незнакомому профессору, имел при себе рекомендательное письмо от уважаемого коллеги. Мы же видим, что у Эйнштейна не было такой возможности.

Несмотря на второе напоминание о своей просьбе, которое было сделано 3 апреля [6, Дос. 95], Оствальд Эйнштейну так и не ответил. Тогда добродушный отец, скорее всего, по настоянию Полины Кох, решает сам написать профессору. «Я умоляю Вас извинить отца, — пишет Герман 13 апреля, — который отважился обратиться к Вам, дорогой профессор, в интересах своего сына... Моему сыну Альберту Эйнштейну 22 года... Все,

кто могут судить об этом, хвалят его талант... Мой сын глубоко несчастен оттого, что не имеет работы, и с каждым днем укореняется мысль, что он неудачник в своей карьере и что это уже непоправимо. Поскольку, дорогой профессор, мой сын чтит и уважает Вас... я позволю себе обратиться к Вам с просьбой прочесть его статью... и остаюсь в надежде, что Вы напишите ему несколько строк в ободрение, чтобы он мог вновь обрести радость в жизни и работе... Сознание того, что он обуза для нас, людей малосостоятельных, тяготит его» [6, Дос. 99].

На это письмо отца Альберта Оствальд тоже отвечать не стал. Все усилия были напрасными. Никто не хотел брать на себя обузу по трудоустройству выпускника, так как любой профессор понимал, что умного и трудолюбивого студента оставили бы при Политехникуме. Так было с тремя другими сокурсниками Альберта и Милевы, которые закончили учебу вместе с ними; они стали ассистентами автоматически. Джон Уилер в связи со 100-летним юбилеем физика писал: «Человек, не так давно бывший там [в Политехникуме] ректором, рассказал мне, что однажды во время своего ректорства он взял с полки зачетные ведомости Эйнштейна. Он обнаружил, что Эйнштейн был не самым худшим студентом, но вторым с конца [последней была Милева Марич]. А каков он был в лаборатории? Всегда с задолженностью! К сожалению, он не ладил со своими преподавателями — отличными преподавателями, как он сам говорил. Его профессор Минковский — впоследствии один из самых горячих его сторонников — не симпатизировал Эйнштейну-студенту. Эйнштейн чистосердечно признавался, что он не любит лекций и экзаменов...» [12, с. 88 – 89].

Но вот в письме от 3 мая 1901 года, адресованном Альфреду Штерну, Альберт радостно сообщает: «Я получил предложение вести с 15 мая по 15 июля занятия по математике в техникуме города Винтертура, так как постоянный преподаватель на это время отправляется на военные сборы. Я вне себя от радости, узнав сегодня, что все окончательно улажено. Понятия не имею, какой благодетель меня рекомендовал. Насколько мне известно, я не пользуюсь расположением кого-либо из моих прежних преподавателей; это место мне предложили без моей просьбы. Есть только надежда, что в будущем я получу постоянную работу в швейцарском бюро» [6, Дос. 104].

Имя чудака, предложившего Эйнштейна в качестве преподавателя математики нам неизвестно. На этой должности он проработал не два месяца, как говорилось в письме, а до самой осени. С сентября 1901 г. по январь 1902 г. ему удастся найти еще одну временную работу в качестве учителя в Шафхаузене. Никакой наукой в этот период он, естественно, не занимался, так как, во-первых, его общий тогдашний настрой не способствовал этому, во-вторых, в этих непостоянных местах проживания у него не было необходимых условий. В подвешенном состоянии он находился вплоть до середины июня 1902 г., когда, наконец, был принят экспертом третьего разряда Бернского бюро патентов.

К сказанному нужно добавить, что весной 1902 г. в бернской газете появилось объявление: «Частные уроки по математике и физике для студентов и учащихся весьма добросовестно дает Альберт Эйнштейн, обладающий дипломом федерального Политехникума». Единственным, кто клюнул на эту удочку, был «бедный румынский еврей» Морис Соловин, сделавшийся тут же его самым близким и преданным другом на всю жизнь. Первое время друзья сидели дома, гуляли по улице, вместе обедали, при этом непрерывно болтали обо всем на свете. Деньги Соловин по своей бедности не платил, но Эйнштейн и не требовал их от него, так как то, чем они занимались, вряд ли можно было назвать «уроками по математике и физике». Эйнштейн нашел свободные уши, готовые слушать его целыми днями. Этому он был несказанно рад и ничего больше не требовал от обладателя этих ушей.

В заключение этого раздела приведем сохранившееся описание внешнего вида нашего героя. «Рост Эйнштейна 1,76 м, — пишет в своей записной книжке Люсьен Шаван, — он широкоплеч и слегка сутуловат. Короткий череп кажется необычайно широким. Кожа матовая смуглая. Над большим чувственным ртом узкие черные усики. Нос с небольшой горбинкой, глаза темно-карие, глубокие, взгляд мягкий и лучистый. Голос приятный, глубокий, как звук виолончели. Эйнштейн говорит по-французски правильно, с легким иностранным акцентом» [3, с. 55].

Внешний вид и характер описывали многие биографы, в частности, Карл Зелиг. Все они солидарны в том, что, несмотря на свое равнодушие ко всем видам физических упражнений, Альберт выглядел человеком достаточно крепким. Как в молодости, так и в зрелые годы он имел плотное телосложение, был мускулистым и сильным. По причине необыкновенно плоского затылка Эйнштейн всю жизнь носил огромную копну волос, которая придавала сплюснутой голове шарообразную форму. Чтобы понравиться девушкам, особенно в молодые и зрелые годы, он довольно тщательно следил за собой. Но без женщин, особенно ближе к старости почти не беспокоился о своем внешнем виде. В последние годы жизни он ходил без нижнего белья, носил один и тот же замусоленный свитер и мятые штаны, надетые прямо на голое тело. Стоптанные ботинки он носил без носков, редко мылся и стригся, зубы не чистил, подолгу не брился и никогда не расчесывался.

Такая же убогость царил и в его жилище: каких-то украшений в виде ваз, сервиза, картин, салфеток, покрывал, штор и прочей домашней утвари в его комнате не было. Стоял письменный стол, рядом стул, имелась полка с книгами и кровать, но все это выглядело сурово и неуютно. Макс Борн связывал это не с психическими наклонностями его характера, а, как не странно, с политическими убеждениями. «Любое имущество, — писал он, — было ему в тягость, и в стремлении к обладанию собственностью он видел самую глубокую основу для ссор и войн между людьми. Культ государственной власти и технической мощи был ему точно так же противен, как милитаризм и фашизм» [14].

Возможно, такое объяснение кого-нибудь и устроит. Но надо заметить, что бытовая неустроенность весьма опосредованно связана с политическими убеждениями. Да, Эйнштейн придерживался левых взглядов и симпатизировал режиму Сталина. Его близким другом и единомышленником был коммунист Леопольд Инфельд — «большого друга советского народа». Однако, следует заметить, что не все социалисты и коммунисты были так же неряшливы, как и родоначальник релятивизма. Примеров здесь можно привести множество, посмотрите, как, например, жил Троцкий.

Из робкого, закомплексованного ребенка, каким был Эйнштейн в начале жизненного пути, вырос нахальный юноша, который мог свободно выкрикнуть: «Да здравствует наглость! Она — мой ангел-хранитель в этом мире» [1, с. 112; 2, с. 74]. Преподаватели Политехникума «негодовали из-за той угрозы, которую он нес их авторитету»; «его откровенная, сардоническая манера, которая восхищала друзей, раздражала большинство профессоров, особенно Вебера» [2, с. 59].

Милева в письме к подруге писала: «... Ты ведь знаешь, у моего ненаглядного очень злой язык, а в придачу он еще и еврей» [2, с. 77]. «Большинство друзей Эйнштейна, — пишет Брайен, — ... ценили Альберта... за колкие насмешки *над всем напыщенным и претенциозным*» [2, с. 42]. Не обязательно «над всем напыщенным и претенциозным», злые остроты он мог отпустить в адрес друзей и знакомых, своих жён и сыновей. Коллеги и совершенно незнакомые люди, с кем он общался, страдали от его саркастического языка. Сказать, что Альберт был большим юмористом, трудно, так как практически все

его шутки касались каких-либо недостатков, поэтому звучали обидно и были неприятны для тех, кого они задевали. Однако «гениальному физику» всё прощалось.

Шуточки Альберта были часто не только злыми, но еще и пошлыми. Он дразнил Милеву в присутствии «академиков», например, следующим образом. Всем видом он показывал, что собирается рассказать какой-то сальный анекдот. В такие минуты Милева съезживалась от нестерпимого ожидания услышать от Альберта гадость. Чтобы избежать этого, она вскакивала со стула и громко выкрикивала: «Альберт! Прекрати!» После такой реакции вся «Академия» покатывалась со смеху.

Впрочем, отрицательные черты характера любого человека, как правило, имеют какое-нибудь положительное продолжение, и наоборот. В частности, многие биографы отмечают веселый и шутливый нрав Эйнштейна. Действительно, в хорошем настроении он беззаботно смеялся и без конца любезничал с девушками или зрелыми дамами. Но тут же увлекшись, он мог сильно оскорбить их или кого-нибудь из присутствовавших. Как-то раз он спросил младшего брата Марселя Гроссмана: «Ты, должно быть, не можешь быстро бегать?» Когда тот, удивленно спросил почему, Альберт, смеясь и показывая на его оттопыренные уши, пошутил: «Ну, как же, из-за сопротивления воздуха» (эта история рассказана Карлом Зелигом [3]).

1. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).
2. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
3. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М., 1966. (Carl Seelig: Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie, Zurich-Stuttgart-Wien (Europa Verlag) 1954).
4. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В.И. и О.И. Марцарских / Под ред. А.А. Логунова. — М.: «Наука», 1989 (Abraham PAIS «'Subtle is the Load...' The Science and the Live of Albert Einstein». — Oxford — N. Y. — Toronto — Melbourne: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1982).
5. Борн М. Физика в жизни моего поколения. — М.: ИЛ, 1963.
6. The Collected Papers of Albert Einstein (CPAE). Volume 1. The Early Years, 1879-1902, Princeton University Press 1987.
7. Maurer, Margarete. Weil nicht sein kann, was nicht sein darf... "Die Eltern" Oder "Der Vater" Der Relativitatstheorie? (Aus: PCnews, Nr. 48, Jg. 11, Heft 3, Wien, Juni 1996, S. 20-27).
8. Эйнштейн А. Собрание научных трудов (СНТ) в 4-х томах. — М.: «Наука», 1965 – 1967.
9. Фок В. А. Замечания к творческой автобиографии Альберта Эйнштейна (УФН, Т. LIX, вып. 1, 1956).
10. Broadcast Transcript PBS Airdate: September 9, 1997.
11. Ваксман К. Летний загородный дом Альберта Эйнштейна / В кн. «Проблемы физики: классика и современность». — М.: Мир, 1982, с. 42 – 57.

12. Уилер Дж. А. Эйнштейн: что он хотел / В кн. «Проблемы физики: классика и современность». — М.: Мир, 1982, с. 86 – 98.
13. Сноу Ч.П. Портреты и размышления / Перевод Г. Льва. — М.: "Прогресс", 1985 г., стр. 137 – 156.
14. Борн М. Размышления и воспоминания физика (собрания статей). — М.: Наука, 1977.

6. Почему Марич оказалась в тени Эйнштейна

С 13 апреля 1928 года у женатого на кухне Альберта Эйнштейна появилась хорошенькая, но лишенная всякого образования секретарша, Элен Дюкас. 10 Сентября 1933 года Альберт в окружении четырех самых близких ему женщин переезжает сначала в Англию, а оттуда в Соединенные Штаты. Кто его спутницы? Конечно, жена Эльза Лёвенталь, две ее дочери от первого брака, Марго и Ильза (на последней он первоначально хотел жениться; см. главу 4), и официальная любовница в должности секретаря-помощника, Элен Дюкас.

Именно Дюкас, а не сыну Гансу Альберту, который был замечен в крайне опасных связях со своей матерью, Милевой Марич, отец-основатель современной физики передает неограниченные права на владение после его смерти всей интеллектуальной и материальной собственностью. Такой выбор был вполне оправдан. Дюкас, как никто другой из доверенных лиц, надежно прятала личные, семейные и, если можно так выразиться, научные тайны, о которых никто и никогда не должен был узнать. До конца своих дней она надежно хранила все вверенные ей секреты и усердно поддерживала миф о «гениальной физике», «глубоком мыслителе» и просто «замечательном человеке», который осчастливил народы земли своим рождением.

Вскоре после смерти божества, в 1958 году, Дюкас вместе с другим душеприказчиком, экономистом и управляющим домом Эйнштейна в Принстоне, Отто Натаном, блокировали публикацию книги жены Ганса Альберта, Фриды Кнехт, поскольку в ней использовались письма, написанные Альбертом, Милевой и их сыновьями. Этот конфликт показал всему миру, что даже близким родственникам не дано право говорить правду о небожителе, обнародованию подлежит только строго отцензурированная информация. Многих историков науки такая ситуация, мягко говоря, мало устраивала. И вот, спустя десять с лишним лет, после урегулирования некоторых юридических вопросов, к 90-летию знаменитого физика издательство Принстонского университета задумало опубликовать Собрание писем и документов Альберта Эйнштейна (Collected Papers of Albert Einstein — CPAE) в 28 томах, которые могли бы полностью выйти в свет к 100-летию юбилею.

Часть документов изначально хранилась в Еврейском университете в Иерусалиме, который Эйнштейн помогал основать и которому оставил свой архив, и Издательством Принстонского университета было подписано еще в 1971-м году. Но работа над проектом была отсрочена на много лет, так как Отто Натан затеял с издателями тяжбу. Он фактически возражал против того, чтобы у издания был единственный редактор, которым был назначен университетский профессор физики Джон Стэчел (John Stachel). Душеприказчик считал, что интересы Эйнштейна может защитить только коллективный орган, какой-нибудь специальный комитет, в противном случае, утверждал Натан, образ гения претерпит в глазах публики нежелательные искажения.

На урегулирование этой юридической проблемы ушло еще десять лет. В 1981-м году полномочные арбитры, светила американской юриспруденции, подтвердили правомочность Стэчела как редактора, но работа была снова отложена на неопределенный срок в связи со смертью в 1982 году Элен Дюкас. В соответствии с завещанием, оставленным Эйнштейном, все его бумаги после смерти Элен Дюкас нужно было передать на хранение в Еврейский университет. Поэтому главному редактору СРАЕ, Джону Стэчелу, необходимо было запастись копиями всех бумаг, предварительно подвергнув их тщательной экспертизе. Параллельно он организовал розыски неизвестных документов, которые, возможно, остались на руках у родных и друзей Эйнштейна. Эта большая исследовательская работа тоже растянулась на многие годы, правда завершилась неожиданным успехом. В результате ее к уже существующим 43 тысячам единицам, хранящимся в Иерусалиме и Бостоне, прибавилось еще 25 тысяч документов.

Начало издания СРАЕ сдерживал, собственно, первый том, в котором редактор Джон Стэчел планировал поместить раннюю переписку между Милевой и Альбертом. После смерти Дюкас стали ходить слухи о существовании каких-то писем, которыми владели родственники Альберта Эйнштейна. Сначала думали, что ценными бумагами владеет Эвелин Эйнштейн, незаконнорожденная дочь Эйнштейна, удочеренная Гансом Альбертом, проживающая по сей пору в Калифорнии, но у нее ничего ценного не оказалось. А вот ее мачеха, вторая жена Ганса Альберта, Элизабет Робоз, действительно припрятала в коробке из-под депозита около четырехсот писем семейства. Одна восьмая часть этого богатства, так называемые «любовные письма», была включена в первый том СРАЕ, который в 1987 году с большим скрипом, наконец, вышел.

Новое дыхание старой идее придал Роберт Шульман (Robert Schulmann), профессор Бостонского университета (Boston University), возглавивший Эйнштейновский проект (Einstein Papers Project — EPP), отсчет которому стал вестись с 1986 года. Сегодня центр по изданию научных рукописей, личных писем и корреспонденции Эйнштейна переместился в Калифорнийский технологический институт (The California Institute of Technology). Первоначально по замыслу Шульмана в рамках EPP предполагалось выпустить 25 томов до 2000 года в издательстве Принстонского университета (Princeton University Press), что позволило бы опубликовать примерно 15 тысяч из 55 тысяч документов, хранящихся в архиве Еврейского университета в Иерусалиме (Hebrew University of Jerusalem).

Первоначальным планам Шульмана о публикации 25 томов документов не суждено было сбыться. Вообще, в последнее время наметилась тенденция к сдерживанию публикации наиболее интересных документов. Хотя параллельно открывались другие информационные каналы. Так, например, в 1998 году Еврейский университет передал в Цюрихский Политехникум (ETH), где учился (1896-1900) и некоторое время работал (1912-1914) Альберт Эйнштейн, примерно 42 тысячи микрофильмированных копий документов. Но право дублирования и издания всех архивных документов Еврейский университет сохранил за собой.

Итак, на сегодняшний день вышло только десять томов «Собрания документов Альберта Эйнштейна». Последний том СРАЕ вышел в 2006 году. В нём помещена часть переписки Эйнштейна с его многочисленными любовницами. Эта корреспонденция была передана Еврейскому университету приемной дочерью Эйнштейна, Марго Эйнштейн-Лёвенталь в 1986 году и сохранялась в тайне 20 лет. Обычно говорят, что это сделано по завещанию 87-летней Марго, хотя всем здравомыслящим людям понятно, что данный срок отмерили хранители секретов Эйнштейновского рода из Еврейского университета.

Первый том, «Ранние года», охватил письма и корреспонденцию, написанную в период 1879 – 1902 годы. Наиболее ценной частью тома является сравнительно недавно (1986) обнаруженные «любовные писем» (более 50 шт.), которыми обменивались Милева Марич и Альберт Эйнштейн в первые годы своего знакомства. Из них впервые стало известно, что у них еще до брака родилась дочь Лизерль. Кроме того, из писем стала понятна существенная роль Милевы при создании теории относительности и других теоретических построений, сделанных, как раньше считалось, единолично Эйнштейном.

Элен Дюкас, наверное, перевернулась в гробу, когда на свет появилась компрометирующая информация о тщательно оберегаемом ею божестве. Сначала в США, а затем в Германии разгорелась жаркая полемика, смысл которой сводился к вопросу: «А был ли Эйнштейн единоличным автором теории относительности?» Отвечали на этот вопрос по-разному. Американский физик Эван Харрис Уолкер (1935–2006) на годичном конгрессе American Association for the Advancement of Science, проходившем в феврале 1990 года утверждал [5], [12] и [7], что главные идеи шли от Милевы Марич и не Альберт Эйнштейн, а его первая жена была создателем теории относительности. Немецкая лингвистка Зента Трёмель-Плётц менее категорична и ограничила действия Милевы помощью Эйнштейну. Вероятней всего, считает она, что жена знаменитого физика отвечала только за математическое осмысление и оформление первых статей, основные же идеи принадлежат мужу [4].

Такой вывод она сделала, опираясь в основном на доводы, изложенные в книге Дезанки Трбухович-Гжурич (Desanka Trbuhovic-Gjuric), которая привела высказывания Эйнштейна: «Моя жена делает мою математику» и «Мне нужна моя жена. Она решает для меня все математические проблемы» [3, с. 43]. Сербский биограф привела и слова доктора Любомира-Бата Думич (Dr Ljubomir-Bata Dumic): «Мы подняли глаза к Милеве, как к божеству, такое было ее знание математики, ее гений... Она решала в уме как простые математические задачи, так и сложные, требовавшие для специалистов нескольких недель, а для нее — два дня... Мы знали, что она сделала его [Альберта], что она была создателем его славы. Она решала все его математические проблемы, особенно, связанные с теорией относительностью. Ее блестящие математические познания поразили нас» [3, с. 93], (цитируется по [11]). «В математике она была так же хороша, как и Марсель [Гроссман]» [10, с. 36] (цитируется по [7]).

Представители новой точки зрения на создание теории относительности обвинили представителей старой позиции в мифологизации и обожествлении личности Эйнштейна. Те в свою очередь предъявили претензии первым в недостаточности аргументов для изменения традиционного взгляда на вещи. Но если Эйнштейн укрыв наиважнейший факт рождения Милевой дочери, то где гарантия, что он не укрыв участие жены в создании теории относительности. «Не верьте единожды солгавшим», гласит народная мудрость, а Эйнштейн обманывал не раз и не два, о чем мы уже кое-что знаем. Его рисуют скромнягой, чурающимся толпы любопытствующих. Так оно, наверное, и было, когда десятки поклонниц поджидали его, где б он не появился. Но в начале своего звездного пути, он, как и Фрейд, искал признания и был несказанно рад первому успеху.

О существовании Лизерль мир узнал летом 1987 года. Бернштейн [9], принимавший участие в выпуске СРАЕ не без укора вопрошает: «Как это могло случиться, что Эйнштейн, этот примерный образец добросовестности и честности двух поколений, имел не признанного ребенка, от которого, кажется, не осталось никаких следов, кроме этих писем?» [цитируется по 7]. О Лизерль ничего не знала также наиболее успешный исследователь жизни первой жены Эйнштейна Трбухович-Гжурич. Между тем она довольно точно описала роль первой жены в научной деятельности «гениального физика»

без знания содержания «любовных писем». Это говорит о том, что ее исследованиям можно доверять. Открывшаяся дополнительная информация только укрепила ее выводы, абсолютно не поколебав их.

Спорщики 1990-х годов вспомнили о Трбухович-Гжурич и стали приводить из ее книги соответствующую аргументацию. Американцы и англичане отнеслись к этим доводам с недоверием, особенно, Аллен Эстерсон [11], который подключился к дискуссии сравнительно недавно. Сербские националисты обвинили их в англосаксонском шовинизме, мол, всё их пренебрежение к Марич и к сербской исследовательнице ее жизни, Трбухович-Гжурич, проистекает из чувства неуважения славян.

Особенно большой шум поднялся, когда к спору подключились феминистские организации ("Emma" и пр.). Они объявили ярых поклонников Эйнштейна в женоненавистничестве. «Вы не признаете участие Милевы в деле создания теории относительности только потому, — говорили они, — что она женщина. Мужчины уверены, что большие дела делаются только ими. Но посмотрите, какую бы сферу культуры не взять — политику, искусство, науку — мы всякий раз за творцом-мужчиной обнаружим умного советчика-женщину или женщину-ценителя, вдохновляющую и подсказывающую, что и как необходимо делать. Пусть она будет жена-домохозяйка или любовница-куртизанка. Однако мы не можем из-за этого низкого социального статуса, которым, между прочим, ее наградила мужчина, лишив равных с ней прав, отказывать женщине в объективном влиянии на ход истории».

Строгие эксперты возражали: слова вроде "наша работа", фигурирующие в письмах Эйнштейна к жене, еще не достаточны для выводов об их совместной работе над теорией относительности и, тем более, о приоритете Милевы над Альбертом. Напомним, 3 октября 1900 года Эйнштейн написал любимой: «Как я счастлив, что нашел в тебе равноценное существо, которое является таким же сильным и независимым, как и я сам» [12, doc. 79]. Историки, не симпатизирующие сербке, уверяют, что данная фраза еще ничего не доказывает. Парень был по уши влюблен и, естественно, в своих высказываниях в адрес возлюбленной сильно перебарщивал. «У теории относительности, — пишут хранители секретов Эйнштейна (Джон Стэчел, Юрган Ренн, Роберт Шульман, Абрахам Пайс и Дэнис Брайен), — был и остается лишь один *отец-основатель*, никакой *матери-основательницы* у нее нет и никогда не будет — уж мы постараемся!»

Помните, 27 Марта 1901 года Эйнштейн написал Милеве: «Как буду я горд и счастлив за нас, когда мы оба вместе доведем нашу работу об относительном движении победно до конца» [12, doc. 94]. Ортодоксы-историки закрыли глаза на словосочетание «наша работа об относительном движении» («unsere Arbeit uber die Relativbewegung»), написанные Эйнштейном за четыре года до выхода статьи по теории относительности. Одна эта фраза камня на камне не оставляет от мифа об удивительно урожайном годе, «annus mirabilis», о котором рассказывалось в первой главе, и единоличной работе над теорией относительности.

Существует свидетельство старшего сына Эйнштейна, Ганса Альберта, записанное Питером Микельмором в 1962 году [10], в котором говорится: «Милева помогала Эйнштейну решать некоторые математические задачи, но никто не мог быть ему помощником непосредственно в творческой работе, в генерировании множества свежих идей. На превращение общей концепции в цепь стройных математических выкладок ушло около пяти недель изматывающей работы. Когда она закончилась, Эйнштейн был в таком физическом изнеможении, что на две недели слег. Милева проверила статью, потом

перепроверила еще несколько раз и отослала. "Это великолепная работа", — сказала она мужу» [1, с. 151].

Уже из этого отрывка видно, что роль жены была исключительной: проверять и исправлять ошибки за «гением», затем отправка начисто переписанной статьи в редакцию — такое может проделать только компетентный и заинтересованный человек. И потом, что означает ее оценка: «Это великолепная работа»? Наверняка, нужно обладать достаточно высоким уровнем знаний, чтобы делать подобные выводы.

Разумеется, не следует сказанное сыном воспринимать буквально. Гансу Альберту в июне 1905 исполнился год и всё, что он изложил здесь, ему рассказывал кто-то. Нарочито подчеркнутое заверение сына о том, что мать была на вторых ролях, а отец выступал генератором идей, говорит нам только об одном: вопрос участия матери в написании статей в семейном и около семейном круге воспринимался крайне болезненно. Тон, в котором выдержан ответ сына, сильно смахивает на тон его матери, Милевы, которая всегда стремилась выгородить своего мужа, Альберта, в самом выгодном для него свете.

Сын и мать в данном случае не могут выступать объективными свидетелями событий. Еще меньшей объективности можно ожидать со стороны родни мужа Милевы и отца Ганса Альберта. В первую очередь сам Альберт Эйнштейн, затем его мамаша, Полина Кох, наконец, его кузина и вторая жена, Эльза Лёвенталь, усиленно задвигали в тень всё, что было когда-то связано с именем Милевы Марич. Эйнштейн впоследствии даже проклинал тот день и час, когда он женился на «уродливой сербке», которая, как он потом говорил, помешала его научной карьере.

Теперь каждому здравомыслящему человеку понятно, что теория относительности не сочинялась за один присест, как рассказывали баснописцы, где-то между маем — июнем 1905 года. В ее создании явно принимала участие Милева, причем как раз тогда, когда она готовилась защитить докторскую диссертацию, позволяющую ей преподавать в школе. После появления дополнительной информации о Милеве, делать вид, что ничего не случилось, было бы нечестно. Вся историография XX столетия обанкротилась: события, связанные с творчеством Эйнштейна, необходимо переосмыслить и изложить иначе.

Ортодоксы без конца повторяют, что Милева не имела собственных научных работ, следовательно, нет повода изображать ее большим ученым. Для них свидетельство Абрама Иоффе тоже мало что значит. Напомним, советский физик работал у Рентгена, который был членом редколлегии «Annalen der Physik» («Летописи физики»), где были опубликованы первые статьи Эйнштейна. **В 1955 году в некрологе на смерть Эйнштейна Иоффе написал, что он видел под всеми статьями 1905 года подпись «Эйнштейн — Марич». Эта двойная фамилия появилась потому, написал он, что у швейцарцев есть обычай прибавлять к фамилии мужа фамилию жены. Первой, кто усомнился в таком объяснении была Трбухович-Гжурич. Разве Эйнштейн не понимал, что указание двух фамилий приведет к недоразумению? Значит, фамилия Марич появилась неспроста.**

«В любом случае, — подвел итог Джон Стэчел, — Милева была больше, чем резонатор слов своего мужа.... Мы имели миф об Эйнштейне как святой фигуре, теперь мы получаем Эйнштейна как демоническую фигуру. Мы имели миф о жене как пустом месте, теперь нам предлагают миф о жене-мученице». Редакторы СРАЕ заметили: «Мы не нашли никакого документального свидетельства, которое демонстрировало бы ее [Милевы] активное участие в его [Альберта] научной работе, но мы не подтверждаем и ту точку зрения, что она не принимала в этом никакого участия. Мы просто не знаем».

Эти выводы сопровождали «любовные письма», опубликованные в первом томе СРАЕ, после чего вспыхнула жаркая дискуссия. В частности, американский эпистемолог Холтон, истолковывает их в пользу Альберта, хотя ровно с таким же успехом содержание этих писем можно трактовать в пользу Милевы. Это ей удалось сделать из Альберта *инструмент для доведения до широкой научной общественности собственных идей*. Эйнштейн был неким рупором, посредством которого она говорила с миром. Фразу Джона Стэчела: «Милева была больше, чем резонатор слов своего мужа» надо переиначить: «Альберт был больше, чем резонатор слов своей жены». Она была более информирована в научной сфере, более предприимчивее в ней и, конечно же, более способнее Альберта.

Только благодаря Милеве Марич Альберт Эйнштейн стал-таки профессором, о чём, конечно, никогда до этого не мечтал. Насколько хорошим профессором — это уже другой вопрос. Карл Зелиг ошибся в характеристике личности первой жены Эйнштейна и той роли, которую она для него сыграла. Биограф написал: «Без помощи Эйнштейна она не получила бы выпускное свидетельство. С тяжелым, замкнутым характером жить и учиться Милеве порой было не легко. Знакомым она казалась несколько угрюмой, молчаливой, недоверчивой. Но те, кто ее знал поближе, уважали Милеву за чисто славянское гостеприимство, за скромность, с которой она слушала часто разгоравшиеся споры. Своей внешности она совсем не уделяла внимания, это качество ей было совершенно чуждо. Милева страдала туберкулезом суставов, хромила, была неврастенична и очень ревнива; все это порой обращало в мучение и ее жизнь и жизнь ее близких. Умерла она в 1943 году» [3, с. 45].

Милева умерла в 1948 году, а не в 1943. Эта и другие неточности свидетельствует о том, что Зелиг пользовался недостоверной информацией, возможно, полученной из ближайшего окружения Эйнштейна, но когда все отношения с первой женой были уже прерваны. Нужно весьма скептически относиться к характеристике первой жены Эйнштейна, которую дал Карл Зелиг, не только в плане ее математических способностей, о чём он не мог судить самостоятельно и говорил с чужих слов, но и в других, так сказать, *психологических* отношениях. Из процитированного отрывка мы видим, что у него не было отчетливого представления о Милеве Марич, как *психически цельной личности*, и это притом, что подруга и жена Эйнштейна являла собой образец *самодостаточной и предельно замкнутой личности*.

Для Зелига Милева была «абсолютно черным телом»: сколько он не светил в ее сторону, назад к нему никакого сигнала от нее не поступало. Альберта же и освещать не надо, он сам светился всеми цветами радуги. Таким образом, у Зелига — и не только у него одного — создалось обманчивое впечатление, будто жена Альберта — это *пустое место*. Отсюда и проистекает ее *внешняя* угрюмость, молчаливость и недоверчивость. Спрашивается, за что же тогда ее полюбил Альберт? За «чисто славянское гостеприимство»? Конечно, нет!

Дело вовсе не в этом. Просто Альберт знал потайную дверцу внутрь того самого «абсолютно черного тела», куда он мог не только войти, но и, существенно обогатившись, свободно выбраться наружу. Во внешнем мире ничего не знали о существовании двух тесно «сообщающихся сосудов» *Марич-Эйнштейн*, все видели только один блестящий новогодний шарик под названием *Эйнштейн*. Однако внимательному человеку, разбирающемуся немножко в психологии людей, совершенно понятно, что Эйнштейн — это праздничная мишура. Его лень, несобранность и ограниченность не позволили бы произвести на свет того десятка крепко сколоченных научных работ, который появился в начале XX века. Здесь нужен был ум и воля совершенно иного качества, чем у него. Хозяйкой этого качества была, разумеется, Милева. Она обладала интеллектуальной

«тёмной массой» в нужном количестве и тем стальным стержнем, на котором в течение полутора десятка лет болтался легковесный Альберт, издавая на ветру всевозможные звуки.

Как же плохо понимает психологию людей Зелиг, мы убеждаемся на множестве других фрагментов его книги. Например, он указал не те или, по крайней мере, не все причины ссоры родителей Эйнштейна с Милевой. Зелиг пишет: «Родители Эйнштейна не были обрадованы такой невестке. Мать Эйнштейна пришла в ужас от ее бесхозяйственности, а его отец лишь на смертном одре дал согласие на брак молодых людей, характеры которых были столь различны. Справедливости ради надо, однако, сказать, что Милева мужественно переносила бедность вместе с Эйнштейном и сумела создать ему довольно спокойную обстановку для работы, хотя их домашний уклад был беспорядочным и сильно проникнут духом богемы» [3, с. 45].

Полину Кох раздражала не столько «бедность» и «бесхозяйственность» Милевы, сколько ее увлеченность наукой. «Богемный» и «беспорядочный» уклад в их доме создавал Альберт, который приводил с собой друзей, таких же шалопутных бездельников, как и он сам. Милева же была дисциплинированным человеком. Здесь важно понять, что она умела делать и делала фактически. Главным делом ее жизни была наука. К сожалению, Зелиг, по профессии газетный репортер, ничегошеньки не понимал ни в физике, ни в математике. Отсюда проистекает тот абсурд, который тиражируется сотнями других авторов, пишущих о жизни Милевы и Альберта. Они не понимают самых элементарных вещей, хорошо известных любому преподавателю вуза. Даже в небольшой группе студентов непременно найдется такой *паразит*, который более или менее успешно «учится» за счет одного или нескольких сокурсников. Альберт — типичный паразит, который как клещ впился в мозг Милевы. Он сосал из нее идеи в течение многих лет после окончания Политехникума. Зелиг же не заметил этого качества у Эйнштейна; ему также не была известна роль Милевы в деле написания научных статей.

Между тем биография Зелига выгодно отличается своей относительной правдивостью от многих «Евангелий», написанных в середине XX столетия. Например, в книге сотрудника Принстонского института, друга и помощника Эйнштейна, Бенеша Хофмана, и секретарши Эйнштейна, Элен Дюкас, — людей, несомненно, хорошо информированных — Милева Марич упоминается всего один раз, и вот в каком контексте: «В 1902 г. после многих обескураживающих неудач получил работу в Швейцарском патентном бюро в г. Берне. После этого женился на своей бывшей однокурснице Милеве Марич. Она родила ему двух сыновей, но в 1919 году супруги *мирно* разошлись» [18]. Всё, им больше нечего сказать! Когда читаешь подобное «житие святого», невольно закрадывается мысль о всемирном заговоре — не знаю уж кого — с целью оболванивания доверчивого населения. Но, поразмыслив немного, всякий здравомыслящий человек увидит здесь работу самого обыкновенного механизма, который всегда и везде начинал действовать, когда дело касается религиозного или политического культа. Оказывается, культ человека науки ничем не отличается от культа в сфере политики и религии.

Советский биограф Б.Г. Кузнецов в толстенной книге в 680 страниц, многократно переизданной в Советском Союзе тиражом, намного превышающим миллион экземпляров, о первой жене Эйнштейна написал страницу. Выпишу из нее самое существенное: «Расходы росли, Эйнштейн не замечал нужды... Милева, напротив, не знала, как свести концы с концами. Но не это нарушало ее покой. Главное заключалось в различии склонностей. Она всегда была рада приходу Соловина или Габихта, но прогулки, обеды вне дома, домашние концерты, большие компании — все это было не по ней. Научные интересы Эйнштейна также становились все более далекими для Милевы

[?]. Ее раздражительность усугублялась болезнями — суставным туберкулезом, сильной неврастенией и возраставшей с течением времени *патологической ревматической подозрительностью* [?]. Постепенно *ровный характер и рассеянная доброта Эйнштейна* [?] начали раздражать Милеву. Росло отчуждение. Впрочем, оно приняло явные и резкие формы позже, когда Эйнштейн уже давно покинул Берн» [19, с. 50].

В этом коротком описании много просто придуманного, не основывающегося на каких-либо доказательствах. Так строится большинство биографий, авторы которых по большей части фантазируют или переписывают друг у друга. Они не ставят для себя никаких задач. Так, нашей задачей является доказательство того, что «научные интересы Эйнштейна», выражаясь языком Кузнецова, преимущественно определялись научными интересами Милевы, которые возникли у нее, когда она училась в Гейдельбергском университете. Это вытекает из анализа их переписки. Из письменных документов также следует, что ни о каком «ровном характере и рассеянной доброте» Эйнштейна говорить не приходится. Кузнецов плохо представляет себе психологическую атмосферу, окружавшую молодую чету, а она такова. Альберт подолгу отсутствовал дома, и Милева большую часть времени проводила одна за научными исследованиями. Когда он, наконец, появлялся, в дом вместе с ним вваливала шумная ватага друзей. Молодые люди время от времени менялись, но было и устойчивое ядро в виде так называемой Академии «Олимпия», куда входила неразлучная парочка — Габихт и Соловин.

Кстати сказать, ожесточенные споры вокруг родоначальника современной физики и его первой жены практически не коснулись нашей страны, что и понятно. В конце 80-х — в начале 90-х годов прошлого века Советский Союз разваливался на части. Народ был на грани гражданской войны. Когда политические страсти немного улеглись, проблема Эйнштейна и Марич поднимать уже не стали, так как на Западе бум в основном прошел.

Таким образом, основная масса россиян по сей день ничего не знает о новом взгляде на историю физики XX века. Преподаватели школ и профессора вузов по-прежнему пользуются литературой вроде замшелой книги Б.Г. Кузнецова «Эйнштейн: жизнь, смерть, бессмертие» [13] полувековой давности. Учащаяся молодежь, зрелое поколение и пенсионеры, сидящие на форумах в русском Интернете редко поднимают вопрос генезиса релятивистского учения. Преимущественно они говорят о космологических проблемах, возникших на базе теории относительности, и квантовой механике. Им кажется, что даже радикальный пересмотр событий эпохи закладки спекулятивной теории, не может повлиять на теорию Большого взрыва, теорию струн и другие новации, что, конечно, неверно. Если в фундаменте обнаружился трещины, есть риск разрушения всего здания в целом. Нужно быть крайне щепетильным ко всем элементам, лежащим в основании учения, на которое опирается вся наша физическая наука, а также система образования будущих поколений.

О первой жене Эйнштейна немало говорилось в конце предыдущей главы и ей полностью посвящена третья. Тем не менее, остается нерешенным важный вопрос: *почему Милева Марич оказалась в тени Альберта Эйнштейна?* Чтобы лучше понять причины звездной карьеры Альберта Эйнштейна, нам нужно как следует проникнуть в психологическую атмосферу его совместной жизни с Милевой Марич, необходимо осветить множество неизвестных российскому читателю моментов, без которых невозможно ничего понять в генезисе современной науки. Данная глава не может полностью ответить на сформулированный выше вопрос, но она должна заронить сомнения в справедливости господствовавшей до сегодняшнего дня точки зрения.

«...Самым неожиданным оказался тот обнаруженный современными исследователями факт, — пишут Пол Картер и Роджер Хайфилд в начале биографии отца-основателя релятивистского учения, — что Эйнштейн сильно опирался на помощь Милевы Марич в начале работы над теорией относительности. Свои ранние штудии он называл не иначе, как "наша работа", он воспринимал себя и Милеву как соратников в деле, которое стало научной революцией. Эйнштейн именовал Милеву "своей правой рукой", обсуждал с ней научные темы как с равной, как с умом не менее сильным и независимым, чем его собственный, как с человеком, без которого он не смог бы работать» [1, с. 12].

Эту истину всё еще оспаривают видные эйнштейноведы, верящие в миф о непогрешимом и великом физике. Одним из них является хорошо известный у нас в стране американский исследователь, физик и историк науки из Гарвардского университета Джеральд Холтон. В книжном обозрении газеты «Нью-Йорк Таймс» 8 октября 1995 года было опубликовано написанное им совместно с Робертом Шульманом письмо, в котором в частности говорилось:

«В своей рецензии на книгу Андреа Габор "Жена Эйнштейна" Джилл Кер Конвей пишет, что "госпожа Габор справедливо осуждает Альберта Эйнштейна за сокрытие крупного вклада Милевы Марич, его первой жены, в формулировании теории относительности". Это мнение идет даже дальше прочих полетов журналистской фантазии Габор, которая, в свою очередь, проистекает главным образом из *националистического фанфаронства и непомерного восхваления Милевы Марич и ее биографии*, первоначально изданной в Сербии в 1969 году.

Все серьезные специалисты по Эйнштейну, включая Абрахама Пайса, Джона Стэчела и других, показали, что научное сотрудничество между этой супружеской парой было недолгим и односторонним. Документы свидетельствуют лишь о том, что Марич помогла Эйнштейну в ранние годы, когда интенсивная страсть друг к другу делала терпимой их жизнь на обочине общества, когда он свободно делился своими абсолютно новыми и плодотворными идеями с ней и несколькими друзьями, развивая эти идеи в полной изоляции от сообщества физиков.

Ясно, что она также помогла ему, просматривая данные и проверяя [математические] выкладки. Эйнштейн никогда не подтверждал факт ее помощи публично; но и Марич в свих письмах к нему или другим людям не выдвигала никаких притязаний. Подлинное сотрудничество, которое они планировали, когда оба намеривались делать карьеру в качестве преподавателей физики, никогда не развернулось. Не обнаружено ни клочка документальных доказательств ее оригинальности как ученого» [2, с. 680].

Это, по существу, официальная точка зрения так называемых *твердолобых эйнштейнианцев* на проблему авторства Милевы и Альберта в годы их совместной жизни и работы. Данная позиция была высказана Холтоном в других местах [15]. Ее так или иначе воспроизводят все, кто пытается представить великого шарлатана XX века великим ученым. Самым возмутительным в процитированном письме является характеристика книги сербского ученого, фамилия которого, видимо, из чувства брезгливости здесь даже не называется. Считать исследование Дезанки Трбухович-Гжурич, которая в 1969 году выпустила жизнеописание своей соотечественницы, проповедью *сербского национализма* есть прямое оскорбление, вытекающее из пренебрежения этическими нормами, принятыми внутри нормального научного сообщества.

Сербский биограф застала в живых многих свидетелей Милевы, которые рассказали о ее жизни. Маргарет Маурер напоминает [7], что Трбухович-Гжурич была профессиональным

физиком и прекрасно понимала затрагиваемую в книге проблематику. Профессор Белградского университета, как и Марич, говорила по-сербски и по-немецки, имела тесные связи с Цюрихом, провела обширные поиски документов, опросила подруг, коллег, родственников и современников.

Так, например, она имела долгие беседы с Елизаветой Гурвиц (Elisabeth Hurwirtz), женой профессора Гурвица, который читал Милеве и Альберту лекции по математике. Два этих студента часто бывали в гостеприимном доме Гурвица. Квалифицированная сербская исследовательница просматривала также многие письма и документы, которые в ее время, вскоре после смерти Эйнштейна, еще не попали в закрытые архивы. Так что претензии Маргарет Маурер, высказанные в [7] относительно пренебрежения к работе Трбухович-Гжурич со стороны распорядителей и хранителей письменного наследия отца-основателя теории относительности, более чем справедливы.

В Цюрихе на Moussonstrasse Альберт и Милева жили в одном доме с Адлерами. Хозяином дома был Виктор Адлер — создатель и руководитель Социал-демократической партии Австрии. А его сын, Фриц Адлер, часто курили и спорили на научные, философские и политические темы с Альбертом. В октябре 1916 года Фриц выстрелил в премьер-министра Австрии, Коунта фон Стергха (Count von Sturgkh) для того чтобы, как он говорил, «подвергнуть страну демократическому испытанию». За это чудовищное преступление Фриц отсидел всего-навсего полтора года в тюрьме. Таким образом, страна показала свое гуманное лицо. За шесть лет до этого инцидента фон Стергх, как министр просвещения, предоставил Эйнштейну право преподавать в Пражском университете в статусе профессора, поэтому Альберт осудил Фрица за его политическую акцию.

История эта прелюбопытная, но нашей темы, в общем, она касается мало. Я заговорил о ней лишь для того, чтобы сказать, что одну из комнат дома на Moussonstrasse предприимчивая Милева сдавала студентам, прибывшим из ее родной Сербии. Так вот, дочь одного из этих студентов, Светозар Варичак (Svetozar Varicak), позже рассказывала Трбухович-Гжерич, как Милева часто работая до поздней ночи, делала для Альберта какие-то математические вычисления [7]. Таким образом, благодаря сербскому биографу нам приоткрылась еще одно маленькое окошко в личную жизнь Милевы и Альберта. Мы живо представляем, как муж точит ляды с отпрыском видного партийного деятеля Австрии, в это время жена трудится над научными статьями мужа. Эта жизненная зарисовка — один маленький осколок из большой мозаики человеческих отношений.

Небольшое примечание. В. Варичак в 1911 году опубликовал заметку, в которой указал, что сокращение длины в понимании Лоренца — *реально*, а в рамках СТО — *субъективно*. Эйнштейн в ответной заметке парировал спекулятивно-противоречивым образом: «Сокращение не является реальным, поскольку оно не существует для наблюдателя, движущегося вместе с телом; однако оно реально, так как оно может быть принципиально доказано физическими средствами для наблюдателя, не движущегося вместе с телом» [17, т. 1, с. 187]. Возможно, В. Варичак и С. Варичак — родственники и указанная дискуссия происходила в доме на Moussonstrasse.

Главный вывод, сделанный Трбухович-Гжурич, такой: Милева, возможно, и не была автором главнейших идей Эйнштейна, тем не менее, она «проверяла все его идеи, обсуждала их с ним и сообщала представлениям о расширении теории Макса Планка и о специальной теории относительности математическую форму» [3], (цитируется по [7]). Действительно, Милева, в отличие от Эйнштейна, могла мыслить математическими формулами. Она обладала даром формализованного вывода, который просматривается в «Электромагнитной части» статьи 1905 года, но который отсутствует в «Кинематической

части». Если можно так выразиться, эти две части написаны различным математическим почерком, который невозможно подделать.

Эйнштейн в двух своих автобиографических очерках, 1949 и 1955 года, определенно высказался о своем незнании математики. Это, несомненно, соответствует истине. Очевидно, неприятное для него признание сделано потому, что окружающие его физики и математики никогда не видели, чтобы он работал над математическими выкладками. Неудобный для физика-теоретика вопрос постоянно витал в воздухе, так что указанное откровение было для него вынужденным. В архивах не сохранилось черновиков не только статьи «К электродинамике движущихся тел», которые бы показывали лично его попытки математического вывода, но и полтора десятка других статей, опубликованных в период с 1901 по 1907 год. Математические выкладки появляются как бы из ниоткуда, как если бы они были переписаны из рабочих тетрадей, принадлежащих другим людям.

Такие специалисты по математике действительно постоянно находились в окружении физика. С 1912 года у Эйнштейна появляется Марсель Гроссман, а кто помогал ему с выводом громоздких формул, которые мы видим в статьях, опубликованных в 1902, 1903 и 1904 году? Именно этот вопрос задает Трбухович-Гжурич в своем исследовании и она правильно на него отвечает: Милева Марич — больше некому. Сегодня мы имеем множество тому подтверждений. Естественно, она испытывает определенную гордость за Великую Сербку. Такой исход вытекает из проявившихся у Милевы еще в детстве прекрасных математических способностей, из необыкновенных успехов ее последующей учебы, из высказываний на этот счет ее современников, из замечания сделанного А.Ф. Иоффе и, наконец, из факта передачи ей Нобелевской премии, когда отношения между супругами были окончательно испорчены.

На эти причины сначала никто особенно не реагировал, так как книга Трбухович-Гжурич вышла на сербском языке. Но в 1983 году она была переведена на немецкий язык, так что с ней могли ознакомиться гораздо большее число заинтересованных читателей. К этому времени сначала в среде архивариусов, а потом и в широкой прессе разгорелись шумные споры вокруг так называемых «любовных писем» периода 1897—1902 гг. (10 писем от Милевы к Альберту и 41 письмо, посланные в обратном направлении). До этого мало кому известное имя первой жены Эйнштейна начинает мелькать в заголовках крупнейших газет мировой прессы. Читатели удивлены и одновременно озадачены укрывательством от общественности важной, с точки зрения истории науки, персоны. Как могло получиться, что наиболее близкий Эйнштейну человек в максимально ответственный для него период, с 1896 по 1916 год, когда были написаны все главные научные статьи, оказался вне поля зрения историков и общества в целом?

Кому и зачем нужно было скрывать правду? Понятно, что без самого Эйнштейна здесь не обошлось. Но почему он вычеркнул из своей жизни некогда любимую женщину, которой на рубеже веков писал сердечные письма, считая ее во всех отношениях равной себе. Раньше полагали, что его первая жена была обыкновенной домохозяйкой. Чего ради копаться в ее биографии? Но из текстов любовных писем, а теперь уже и из хорошо известных фактов ее биографии, следует, что Милева была выдающейся личностью, интеллектуальные и моральные качества которой намного превосходили качества самого Эйнштейна. Она не была легкомысленной мещанкой или субъектом, предназначенным исключительно для удовлетворения вожделенных чувств мужа. Наоборот, спутница «гениального физика» во всем демонстрировала полную противоположность тем пустоголовым дамочкам, которые окружили ученого, когда он сделался знаменитым.

Следовательно, в его научной деятельности, она могла выполнять какие-то полезные интеллектуальные функции. И далее, если он всё-таки скрыл ее имя, значит, жена проделала важную работу, о которой муж не хотел говорить. Какая это была работа? Известно, что людей, оказывающих заметную помощь, Эйнштейн особо не афишировал, чтобы впоследствии не пришлось с ними делиться славой. О Милеве же долгие годы самые дотошные эйнштейноведы ничего не ведали. В течение 1905 года одна за другой вышли четыре разноплановых статьи, потрясших ученый мир. Кто их написал, если не самый трудолюбивый из авторов шесть дней в неделю с раннего утра до позднего вечера пропадал на бюрократической службе, а в воскресные дни беззаботно развлекался с друзьями? Что может быть более интересным, чем разгадка тайны кумира многих миллионов людей?

Несомненно, Милева Марич лучше владела математикой, чем Альберт Эйнштейн. В «Собрании документов Альберта Эйнштейна» (CPAE) приводится фотография разворота одной из записных книжек Эйнштейна, в котором рукой Милевы исправлены математические ошибки, допущенные Альбертом. Ох, как нелегко, наверное, было получить редактору CPAE от хранителей тайн Эйнштейна разрешение на публикацию этой фотографии. И сколько еще подобных свидетельств осталось за кадром фотоаппарата?

Все разговоры об оценках перечеркиваются одним-единственным фундаментальным фактом: при написании статей начала века участвовало по крайней мере два автора с двумя различными математическими подготовками. Ошибки, допущенные менее квалифицированным автором, не мог сделать более квалифицированный. Но поскольку решения чаще всего принимал менее квалифицированный автор, ошибки попадали во многие статьи.

Так, например, сравнительный анализ текста статьи 1905 года по теории относительности показывает, что стиль и содержание «Кинематической части» заметно отличаются от стиля и содержания «Электромагнитной части». Первая часть написана намного хуже, чем вторая. Очевидно, что к написанной Милевой «Электромагнитной части» Эйнштейн позднее приписал «Кинематическую часть», в которой допустил массу ошибок.

В частности, из теории относительности вовсе не вытекает, что движущиеся с субсветовой скоростью ракета будет сокращаться в размерах, а время для движущихся космонавтов замедлится. И формула $E = mc^2$ была получена Дж. Дж. Томсоном задолго до Эйнштейна; она также была известна французскому Анри Пуанкаре и итальянцу Оливето Де Претто, с которым был знаком Мишель Бессо, лучший друг Альберта. Родоначальник релятивистской догмы в 1905 году *лишь попытался* вывести заранее известное ему уравнение, но при выводе допустил грубейшую ошибку (о ней мы поговорим позже).

Смешно читать тех биографов, которые, сравнивая оценки Милевы и Альберта, говорят о лидерстве в *науке* (не в образовании!) последнего. Пусть кто-то провалил экзамен по тому или иному предмету. Разве это не означает, что он не может стать ученым? Сообщается, например, что по теории функций Милева набрала всего 4 балла из 6 возможных, а Альберт — 5,5. Ну и что из этого? Может быть, перед экзаменом она читала всю ночь напролет статью Планка или Пуанкаре, поэтому устала и не подготовилась к экзамену. Эти биографы совершенно не принимают во внимание психологические аспекты ситуации, в которой находились наши герои. Между тем об этой ситуации можно судить хотя бы по следующему факту. Из письма ее подруги, Элен Савич, мы знаем, что Милева отказалась работать на неполной ставке ассистентки, предпочтя работу в библиотеке. Почему? Да потому, что в библиотеке она могла свободно читать научные журналы и

книги, работая же помощником преподавателя, она обрекала себя на рутину вроде вытирания пыли с демонстрационных приборов.

Я предполагаю, что статья 1905 года «К электродинамике движущихся тел» выросла из докторской диссертации Милевы, которую она писала еще в 1901 году. На этот счет имеются определенные свидетельства (об этом ниже). Подруга (тогда еще не жена) Эйнштейна собиралась защищаться, но этому помешала череда событий: в 1902 г. родилась дочь Лизерль, в 1903 г. она умерла, в 1904 г. родился сын Ганс Альберт. Сторонники замалчивания участия первой жены в создании теории относительности не хотят замечать этих и других важных факторов и начинают говорить о ее неважных оценках по аналитической геометрии, дескать, с такими оценками революцию в физике не совершишь.

Они почему-то хорошо запомнили, что Милева дважды сдавала на диплом, но забыли, что Альберт дважды поступал в Политехнику, а потом дважды проваливал докторскую диссертацию по броуновскому движению. При этом ему ничто не мешало, в то время как Милева при второй попытке была беременна. Она также страдала от любви и нежелания Альберта жениться на ней, от унижительных скандалов, которые закатывала его мамаша. Страдания Милевы были столь велики, что их общие друзья заметили, как Милева с каждым днем увядала. Они поняли, между нею и Альбертом что-то стряслось, однако Милева на вопросы любопытствующих неизменно отвечала: «Это сугубо личное» [16, с. 42].

Мать Эйнштейна, Полина Кох, не отличалась мягкостью и терпимостью. Она была лидером в семье, задавала тон в доме, насаждала дисциплину и имела безграничное психологическое влияние на сына, которого она постоянно шпыняла и подразывала. Последняя черта характера матери передалась и сыну. От нее он также унаследовал глаза, смотрящие на мир с внутренней издевкой. Беспечность характера, мягкотелость и рассеянность перешли к нему от отца, Германа Эйнштейна, — пассивного и мечтательного человека, который из-за своего равнодушия к практической стороне жизни запустил свой бизнес по выпуску электрических двигателей и динамо-машин и слыл неудачником. Впрочем, более или менее подробное описание личности Альберта Эйнштейна мы уже дали в предыдущей главе.

Маурер подчеркивает частые спекуляции на словах «помогать оформлять идеи» и «выдвигать новые». В этой связи она приводит слова Людвиг Флека из книги «Возникновение и развитие научного факта» (Франкфурт/М, 1980), которая написана по следам книги Томаса Куна «Структура научных революций» (Беркли, 1962). Флек пишет: «Плох тот наблюдатель, который не замечал, как в интересной беседе двух людей вскоре наступает такой момент, когда каждый из них высказывает мысль, которую он не смог бы высказать, находясь в другом обществе» [7]. Идеи расплываются и отрываются от собеседников, особенно когда разговор ведется часто и подолгу. В отношении друзей и близких, вообще, невозможно сказать ничего определенного по поводу авторства одиночных идей, тем более, сложных конструкций, состоящих из многоуровневых наслоений (таков характер релятивистского учения). Если учесть любовь Эйнштейна к предварительному обсуждению содержания своих работ, то замечания Флека становятся чрезвычайно актуальными.

Кто мог раньше знать, что происходило столетие назад между двумя любящими творчески одаренными молодыми людьми? Теперь, кажется, всем доступна их любовная переписка (правда, далеко не вся), понятны мотивы умаления личности первой жены, известны ее высокие интеллектуальные способности. И что же? По инерции продолжается

внушение старых стереотипов и всячески доказывается, что в создании теории относительности Милева не принимала ни малейшего участия; человечество обязано одному только Эйнштейну. Фанатичные почитатели не хотят даже вспомнить о безусловных его помощниках — Мишеле Бессо и Марселе Гроссмане. Поэтому, когда сербские и русские националисты для объяснения культа Эйнштейна притягивают расовые мотивы, они сильно заблуждаются. Здесь в первую очередь действуют общие социально-психологические механизмы обожествления личности: *высшее существо не нуждается ни в каких помощниках*.

Поэтому, когда Холтон, имея в виду Трбухович-Гжурич, говорит о ее национальном предпочтении, он тем самым выказывает собственную националистическую установку. Она свидетельствует не только о националистических мотивах которыми руководствовался Холтон, но и все хранители и толкователи рукописного наследия Эйнштейна — Шульман, Пайс, Стэчел и т.п. Все они оберегают, если так можно выразиться, *расовую чистоту рождения современной физики*. Им трудно вообразить, что сербы и другие «нечистые» участвовали в деле формирования научного мировоззрения. Аргумент Холтона, что «Эйнштейн никогда не подтверждал факт ее помощи *публично*» говорит не в его пользу. Значит, он, как и нынешние эйнштейнианцы, покрывающие его расовый и половой шовинизм, допустил предательство своей первой супруги. Чему, тут, собственно, удивляться? Все давно знают невысокие моральные качества «человека XX столетия».

Приведем из книги Холтона «Эйнштейн, история и другие страсти» [5] отрывок в защиту единоличного авторства Альберта Эйнштейна. Милева, пишет он, «не оставила никаких свидетельств своей оригинальности как потенциально крупного ученого — но это, разумеется, справедливо и для большинства мужчин, занимающихся наукой. В течение их ранних лет она и Альберт очень остро ощущали общества друг друга. Эйнштейн также ценил ее в интеллектуальном плане, и не только потому, что он, самоучка на протяжении всей своей жизни, нуждался в ком-то, кто понимал бы его и с кем можно было бы поговорить по поводу своих новых идей... Мы также знаем [из писем, которыми они обменивались] о растущей угнетенности Милевы или о потере ею чувства самоуважения, вызывалось ли это потерей Лизерль или быстро возрастающей славой мужа?.. Или же это было их разочарование друг в друге, когда первоначальная мечта об уютной семейной парочке, погруженной в изучение науки, свелось к нулю?..

На протяжении тех лет, когда Альберт и Милева были страстно привязаны друг к другу, и особенно в периоды, когда она, похоже, нуждалась в психологической поддержке, он иногда, использовал в своих письмах к ней такие фразы, как "наша работа" или "наше исследование". Начиная с 1990 года, некоторые авторы пытаются раздуть значение этих фраз вплоть до указания на большую вероятность того, что фактически именно Милева отвечает за физическую либо математическую сторону в статье Эйнштейна 1905 года о теории относительности, но не приводят никаких доказательств этому. В течение какого-то времени данное утверждение широко тиражировалось прессой всего мира...

Тщательный анализ, проведенный признанными специалистами по истории физики, включая Джона Стэчела, Юргана Ренна, Роберта Шульмана и Абрахама Пайса, показал, что научное сотрудничество между Милевой и Альбертом было действительно минимальным и односторонним. Эпизодическое использование Эйнштейном слова "наши", как предполагается, в основном служило эмоциональным потребностям момента...

По иронии судьбы, преувеличение роли Милевы далеко за рамки той, на которую она сама когда-либо претендовала, только умаляет ее реальное место в истории. Она была одним из пионеров движения, имеющего целью включить женщин в науку, даже если сама и не пожинала связанных с этим преимуществ. Принеся, как это позже оказалось, большую личную жертву, она, как представляется, была существенно необходима Альберту в течение тягостных лет его самого творческого раннего периода. На протяжении тех лет, когда он проходил весьма неожиданную и быструю метаморфозу от нетерпеливого студента к перворазрядному ученому, она была не только якорем его эмоциональной жизни, но и сочувственно откликающимся резонатором для его весьма нетрадиционных идей» [перевод взят из работы 2, с. 680 – 681].

Правда, что после Милевы не осталось ни одной научной статьи, ни одного письма к Эйнштейну или кому-либо еще с подробным обсуждением каких-либо серьезных научных проблем. Более того, нет ни одного письменного документа, по которому можно было бы судить о направлении ее научных интересов и степени компетентности. Верно также, что в письмах, которыми мы располагаем, инициатива в изложении научной тематики принадлежит Эйнштейну. Он слишком часто делится впечатлениями о прочитанном, она же — намного реже, не считая нужным отвечать на его вызовы.

Этому можно дать следующее объяснение. Во-первых, творческая манера Милевы была совершенно иной, чем у Альберта. Она была слишком требовательной к себе и тем идеям, которые можно было высказывать вслух. Есть такие исследователи, которые не станут как-то между делом, второпях обсуждать важные для них научные проблемы, в частности, в переписке с Альбертом или Элен Савич. Милева — ученый-одиночка, ей не нужна компания для поиска решения научных задач. Она держала проблему у себя в голове до тех пор, пока решение не созревало окончательно. И, вообще, по природе своей она скромный молчун, не любитель ввязываться в пустую болтовню. В этом заключается ответ на замечание Карла Зелига, который утверждал, что в компании молодых людей, собиравшейся у них дома, она по большей части помалкивала [16].

Другое дело бесшабашный и безответственный, фантазер и вечный шутник Альберт. Ему непременно нужна «Академия» для выработки решения; без шумного обсуждения проблемы ему не обойтись; самостоятельно он никогда не работал. Из третьей главы мы уже знаем, что Милева с октября 1897 по апрель 1898 года училась в Гейдельбергском университете, поэтому у нее в Политехникуме образовалась огромная задолженность, которая, в конечном счете, дважды приводила к провалу на экзаменах 1900 и 1901 года. Она пыталась сосредоточиться на предметах и не отвлекалась на другие проблемы. Но то, что Альберт всё-таки излагал ей свои соображения о прочитанных им научных работах, доказывает, что Милеве это было интересно, она наверняка понимала, о чём идет речь.

Во-вторых, все интеллектуальные достижения Милевы могли быть специально спрятаны от посторонних глаз или просто уничтожены. Когда Эйнштейну надо было скрыть факт рождение дочери Лизерль, он сделал это настолько хорошо, что о ее существовании мир узнал лишь спустя 80 лет. Аналогично поступал Фрейд. Нежелательную о себе информацию он уничтожал или шифровал настолько надежно, что даже наиболее осведомленные его биографы до сих пор ничего не знают, например, о его первой пациентке, Берте Паппенхейм.

Очевидно, Эйнштейн и его ближайшее окружение не были заинтересованы в том, чтобы его первая жена фигурировала в роли соавтора его научных работ. По тому, с каким трудом открывались факты по участию Милевы в научных делах Эйнштейна, мы понимаем, что их специальное сокрытие определенно имело место. То, что сегодня

всплыло на поверхность, не должно было появиться. Мы обладаем сенсационно-скандальной информацией, в результате ее случайной утечки. Люди, долгое время прятывшие эту информацию, очень хотели, чтобы о ней никто не узнал. Отсюда вытекает та скудость и фрагментарность сведений о Милеве, которой хранители культа Эйнштейна без конца тычут в нос своим оппонентам.

Первая жена Эйнштейна была сама скромность. Она никогда бы не сказала: «Это сделала я, Альберт здесь ни при чем». Наоборот, жена делала всё, чтобы в отношении мужа никто не заподозрил ничего дурного. Как только она не расхваливала этого увальня и воображала в письмах к своей подруге! Пусть Элен думает, что ее муж умница, большой ученый и удачливый исследователь, хотя таковым он, конечно, никогда не был. Разве она могла допустить, чтобы в каком-либо научном журнале появилась ее статья, да еще при отсутствии таковых у мужа. Ни в коем случае! Думать иначе — значит, ничего не понимать в психологии поведения Милевы.

Когда Эйнштейн находился вне поля пристального внимания, Милева серьезно думала о карьере ученого. Но когда он замаячил на горизонте в качестве возможного супруга, всё резко поменялось. Теперь не она, а он должен стать большим ученым. Свою сокровенную мечту она тут же примерила к нему, безалаберному молодому человеку. Пусть ее друг ленив и бездарен, пускай его мечты слишком приземленные, масштабно и строго научно, он мыслить не может. «Ничего, — успокаивала себя Милева, — я помогу встать ему на ноги, я сделаю из него профессора университета, он прославится на весь мир».

Беря уроки в Загребе в гимназии для мальчиков, учась затем в Гендельбергском университете, она отлично усвоила существующую на тот момент правду жизни: окружающий ее мир создан для мужчин. Она поняла также, что успешная карьера Альберта — это и ее карьера. Они будут работать вместе над решением научных проблем, как это делали Мария и Пьер Кюри, которые на пару в 1903 году получили Нобелевскую премию за исследования в области радиоактивности, открытую Беккерелем в год зачисления Милевы и Альберта на первый курс Политехникума. Но натура Эйнштейна была далека от натуры Пьера Кюри. Он не считал нужным выставлять напоказ теоретические достижения жены, скромность же Милевы не позволяла ей заявить о своих правах на авторство, она всегда оставалась в тени славы мужа.

В связи этим уместно вспомнить и о другой французской чете, химиков Лавуазье, работающих вместе до тех пор, пока мужу в 1794 году по решению Революционного Трибунала не отрубили на гильотине голову. Имя великого Антуана Лорана Лавуазье помнят со школы все, а как звали его жену, знают сейчас только историки науки. Между тем Мария Анна Пьеретта Польз Лавуазье внесла в химию ничуть не меньший вклад, чем ее муж. Милева была бы счастлива работать вместе с мужем всю жизнь в полной неизвестности, что, видимо, поначалу и было. Но вот, в какой-то момент страсть к жене угасла, Альберт испытал острую потребность в плотской любви других женщин, их брак распался. Факты говорят сами за себя: **после развода с Милевой он не сделал в науке ровным счетом ни-че-го**. В течение четырех десятилетий в его голове почему-то не появилось ни одной продуктивной идеи.

Проблема реконструкции отношений Альберта Эйнштейна и Милевы Марич очень сложна не только из-за совершенно неудовлетворительного состояния источников информации, но и по причине укоренившегося предубеждения: Эйнштейн — гений, его жена — нет. Такое положение вещей существует в силу известной тавтологии, которую напомнила в данной связи Маргарет Маурер: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» [7]. Какое участие Милева Марич принимала в создании теории

относительности, мы будим судить после тщательного анализа всего комплекса материалов, так или иначе связанных с периодом их общения и совместного проживания. Ссылаться в этом вопросе на какой-либо авторитет, например, Холтона, не следует, так как сегодняшний мир физики и ее история слишком мифологизирован.

Было бы лучше, если бы Холтон привел два-три *конкретных* довода в пользу своей точки зрения. К сожалению, ни он, ни его сторонники никаких убедительных доказательств в отношении единоличного авторства Эйнштейна не приводят. Между тем, учитывая индивидуальные черты характеров (скромность Милевы, бахвальство Альберта и т.д.) именно эйнштейнианцы обязаны предоставить черновики опубликованных в «Annalen der Physik» за подписью одного Эйнштейна работ. Во всяком случае, объективная позиция в отношении этих двух молодых людей должна строиться не на оценках из их экзаменационных ведомостей и нескольких слов из любовной переписки, а на детальном рассмотрении текстов научных статей. Нельзя также игнорировать и психологические факторы, которым в предыдущих главах отводилось немало места.

Таким образом, вопреки мнению Холтона, «нетерпеливый студент» на самом деле не испытал никаких «весьма неожиданных и быстрых метаморфоз», которые бы превратили ленивого, нахального и достаточно ограниченного в интеллектуальном отношении парня в «перворазрядного ученого». Чудес на свете не бывает: безалаберный студент не мог превратиться в течение короткого периода в благородного искателя истины. Никакого «творческого» подъема «раннего периода» этот юноша не испытал и испытать не мог, так как у него на уме были только девочки да честолюбивое желание стать более или менее сносным служащим технической конторы.

1. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).
2. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
3. Trbuhovic-Gjuric, D. Im Schatten Albert Einsteins: Das tragische Leben der Mileva Einstein-Maric. Bern: Paul Haupt, 1983.
4. Troemel-Ploetz, S. Mileva Einstein-Maric: The Woman Who Did Einstein's Mathematics. (Women's Studies International Forum, 1990. Vol. 13, No. 5, pp. 415-432).
5. Walker, Evan Harris: Ms Einstein (Manuskript eines Vortrags vor der AAAS, der American Association for the Advancement of Science, Februar 1990).
6. Goodman E., Staff G. Out From The Shadows Of 'Great' Men (The Boston Globe, March 15, 1990).
7. Maurer, Margarete. Weil nicht sein kann, was nicht sein darf... "Die Eltern" Oder "Der Vater" Der Relativita(:)tstheorie? (Aus: PCnews, Nr. 48, Jg. 11, Heft 3, Wien, Juni 1996, S. 20-27).
8. Shankland, R.S.: Conversations with Albert Einstein, in: American Journal of Physics, Vol. 31, 1963, S. 47-57.
9. Bernstein, Jeremy: Einstein When Young, in: New Yorker, 6 July 1987, S. 77-80, zitiert nach Pyenson 1989, S. 133.

10. Micheltore, Peter: Albert Einstein. Genie des Jahrhunderts, Hannover (Fackeltra(:)ger-Verlag) 1968 (amerikanisches Original: Einstein - Profile of the Man 1962).
11. Esterson, A. Who did Einstein's Mathematics? A Response to Troemel-Ploetz (<http://www.esterson.org/>).
12. The Collected Papers of Albert Einstein (CPAE). Volume 1. The Early Years, 1879-1902, Princeton University Press 1987.
13. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. Издание пятой, переработанное и дополненное. / Под редакцией М.Г. Идлиса. — М.: Наука, 1980.
14. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В.И. и О.И. Марцарских / Под ред. А.А. Логунова. — М.: «Наука», 1989 (Abraham PAIS «'Subtle is the Load...' The Science and the Live of Albert Einstein». — Oxford — N. Y. — Toronto — Melbourne: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1982).
15. Holton, Gerald. "Of Love, Physics and Other Passions: the Letters of Albert and Mileva" (Parts 1 & 2). Physics Today August 1994 Part 1 & September 1994.
16. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М., 1966. (Carl Seelig: Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie, Zurich-Stuttgart-Wien (Europa Verlag) 1954).
17. Эйнштейн А. Собрание научных трудов (СНТ) в 4-х томах. — М.: «Наука», 1965 – 1967.
18. Хофман Б., Дюкас Э. Альберт Эйнштейн. Творец и бунтарь. — М.: Прогресс, 1983. (Banesh Hoffmann/Helen Dukas: Einstein. Schopfer und Rebell . Die Biographie, Frankfurt/M. 1978, amerikanisches Original New York, Viking Press, 1972).
19. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. Издание пятой, переработанное и дополненное. / Под редакцией М.Г. Идлиса. — М.: Наука, 1980.

7. Жизнь и смерть Милевы Марич

Маргарет Маурер [7] считает, что жизнь Эйнштейна была сложена из двух половинок. Первая половина связана с наукой и первой женой, которая обеспечила ему славу ученого и университетскую карьеру. Вторая половина связана со второй женой, которая ничего не понимала в физике. Зато, находясь в лучах славы Альберта, она сделала всё от неё зависящее, чтобы вычеркнуть из жизни Альберта его первую жену. Маурер задается простым вопросом, почему писем от Милевы к Альберту сохранилось намного меньше, чем писем от Альберта к Милеве? В частности, пропорция любовной переписки периода 1897 – 1902 гг., с таким большим трудом опубликованная в 1987 году, выглядит как 1 к 4. Почему исчезло, например, первое большое (на 4-х страницах) письмо Альберта к Милеве, но сохранился ее короткий ответ? Кто произвел сортировку и по какому принципу производился отсев писем? Почему в *поздние* годы своей жизни Эйнштейн категорически отказался отвечать на вопросы Кларка ([7], [8]) о деталях своей *ранней* жизни (было заявлено *частной* жизни)? Почему всё рукописное наследие Эйнштейн передал не своим родственникам, а секретарше-любовнице и эконому-домоправителю? Подобных вопросов можно задать множество.

Честные биографы, знают, что Эйнштейн, подобно авантюристу Фрейду, вёл двойную жизнь. Он тщательно скрывал правду о Милеве Марич и поддерживал невероятные мифы, сочинявшиеся журналистами о самом себе. Сегодня мы уже никогда не узнаем ту истинную роль, которую сыграла первая жена Эйнштейна, так как слишком много материалов было намеренно уничтожено или случайно утеряно. И всё-таки о Милеве известно немало; кое-что рассказано на предыдущих страницах нашего сайта. Сейчас мы затронем те моменты, которые раньше не получили должного освещения. Начнем с того времени, когда Милева, как девушка, несомненно, высокоинтеллектуальная, вытеснила из сердца Альберта Эйнштейна его прежнюю любовь, Мари Винтелер. Когда он влюбился, нам не известно, но в 1901 году он уже точно сгорал от сильного влечения к ней. Он ей писал: «Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания. Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца! Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне».

Однако симпатии его семейства и, в первую очередь, его деспотичной мамы, остались на стороне Мари, которая происходила, по словам Шульмана, из «респектабельной швейцарской семьи». «В то время как сербов, — добавляет он, имея в виду Милеву, — считали бандитами, пребывающими где-то на задворках цивилизации» [2, с. 86 – 88]. До нас дошла переписка Йоста, Паулины и Розы Винтелер с родителями Альберта [6]. Из нее становится ясно, что родители Альберта рассматривали Мари в качестве будущей жены их сына, поэтому Милеву они приняли за хищницу, расстроившую их планы.

Вопреки заверениям некоторых биографов, в частности, Зелига [3, с. 45], Эйнштейн абсолютно не помогал Милеве в трудные для нее времена сдачи экзаменов, когда она была вынуждена жить одна, чтобы никто из родни Эйнштейна не мог видеть ее беременной. В итоге она не получает диплом, который позволил бы ей преподавать. Альберт же получил диплом 28 июля 1900 года. В расстроенных чувствах Милева, уже заметно беременная, поехала к родителям в Воеводину. Ее родители «отнеслись к ситуации с огорчением, но пониманием. Если что-то и привело их в настоящую ярость, это письмо матери Эйнштейна, содержащее злобные нападки на характер их дочери. У Милевы просто в голове не укладывалось, что Полина могла ее так неистово поносить» [1, с. 107].

Возможно, после этого письма решено было дочь несчастной матери отдать другим людям. Это письмо было написано в октябре 1901 года. В сентябре этого года, Эйнштейн приступил к преподавательской работе в Шафхаузене, который находился в 20 милях от Цюриха. В начале ноября Милева на седьмом месяце беременности приезжает в Швейцарию, но селится вдали от своего возлюбленного, так как смертельно опасается его мамы. «Я больше не хочу конфликтов, — пишет она Альберту. — Сама мысль о них приводит меня в ужас. Без них мне хорошо и спокойно... Скажи родителям, что я в Германии» [1, с. 108].

Беременная Милева надеялась на встречу с беспутным папашей, но тот избегает с ней встречи. «Если бы только знал, как я хочу тебя видеть, — писала она. — Я думаю о тебе все дни напролет, и ночи тоже» [1, с. 108]. Альберт, в общем-то, писал в том же духе, но упорно предпочитал видеть не ее, а только ее письма, о которых писал весьма своеобразно: «Они предназначены заменить мне жену, друзей, приятелей и родителей, и прекрасно справляются со своей задачей» [1, с. 111]. Что и говорить: морочить голову он умел. Это мастерство он оттачивал на нескольких сотнях посланиях, адресованных своим многочисленным любовницам.

Рождение в 1902 году дочери Лизерль не повлияло на жизнь Альберта. Все решения принимала Милева и ее родители, хотя в одном из писем он писал: «Нам осталось решить только одну проблему, как оставить нашу Лизерль при нас. Мне не хотелось бы от нее отказываться. Спроси своего отца. Он человек опытный и знает жизнь лучше, чем твой совсем заработавшийся и не практичный Джонни» [1, с. 114]. Картер и Хайфилд уверяют, что рождение внебрачного ребенка могло бы плохо сказаться на репутации чиновника, которым собирался стать новоявленный папаша.

Что ж, возможно, и такое объяснение. В конце февраля Альберт переезжает в Берн, где в ожидании вакансии в Бюро патентов живет со своими друзьями на средства, присылаемые его родителями и дядюшкой Цезарем Кох. Однако вряд ли он тогда задумывался над своей репутацией. Подобную мысль могла бы внушить ему мать, но она в тот момент была озабочена другим: подозрениями молодых людей в «грехе». О беременности и даже о рождении дочери Полина долгое время ничего не знала. Первые роды у Милевы прошли очень тяжело. После них несчастная мать много месяцев отлеживалась в постели. В течение года она два или три раза тайно навещала свою дочь. Потом Лизерль умерла.

Два года, 1901 и 1902, когда между Милевой и Альбертом были натянутые отношения, связанные с рождением внебрачного ребенка и отказом Альберта от женитьбы. Но 6 января 1903 года они, наконец, поженились, а 14 мая 1904 года у них родился первый сын, Ганс Альберт. Таким образом, их семейная жизнь потихоньку наладилась и годы с 1904 по 1910 можно считать самыми счастливыми; период между рождением первого и второго сына с точки зрения получения научных результатов являются наиболее плодотворными. В этот период Милева вместе с мужем несколько раз побывала в Новом Саду и других городах Сербии. В частности, точно известно, что в сентябре 1907 года Альберт посетил дом отца Милевы, Милоша Марича, на улице Кисачка-20. Можно не сомневаться, что в это время муж и жена дружно работали вместе над написанием научных статей, которые затем публиковались в «*Annalen der Physik*» под именем *Альберт Эйнштейн*.

В Бернском патентном бюро Эйнштейн работает с 23 июля 1902 года на самой низкооплачиваемой должности эксперта третьего класса. С 1 апреля 1906 года Альберт получает повышение, он становится экспертом второго класса, его оклад также повышается с 3500 до 4500 франков в год. 17 Июня 1907 года Альберт обращается в Бернский университет с просьбой предоставить ему должность приват-доцента. Просьба не удовлетворяется, так как не представлена обязательная в таком случае опубликованная работа. 28 Февраля 1908 года после вторичной попытки Эйнштейн получает должность приват-доцента. Представленная ранее неопубликованная работа называется «Влияние закона распределения энергии в излучении черного тела на состав излучения».

В начале 1908 года к Эйнштейну приезжает первый сотрудник Я. Лауб. Вместе с ним они публикуют две статьи. 21 Декабря 1908 года сестра Альберта, Майя Эйнштейн, защищает в Бернском университете диссертацию по романской филологии. В октябре 1909 года Эйнштейн вступает в должность экстраординарного профессора Цюрихского университета с начальным окладом, который у него был в Бернском патентном бюро. 28 Июля 1910 года родился второй сын, Эдуард или Эдвард (Eduard), когда Милеве исполнилось уже 35 лет.

Сначала младший сын, как некогда его мать, мечтал стать врачом, специализирующимся на популярной в то время психиатрии. С этой целью, он, как и мать, поступил в Цюрихский университет. Но в первые месяцы учебы безответная любовь к красивой студентке, учившейся на старшем курсе, спровоцировала в нем сильное психическое расстройство, которое давало о себе знать еще в детстве. Университет пришлось бросить.

Оставшуюся часть жизни Эдуард провел в клинике для душевнобольных или дома подле своей матери, которая взяла на себя всю заботу о больном сыне. Влюбился Эдуард в 19, а уже 22 года, т.е. накануне отбытия Альберта Эйнштейна в США, его сознание навсегда погрузилось в сумеречное состояние.

Немало благодной неправды содержится в биографиях, написанных в наши дни, когда, кажется, всем уже известно, каким человеком был на самом деле Эйнштейн. Так, например, «урок толерантности» преподала нам В.А. Колегова, которая написала небольшую статью о родоначальнике релятивистского учения как о человеке, умеющем мирно разрешать любые конфликты. Она пишет: «Эйнштейн был нежным и заботливым отцом, хотя не мог общаться со своими детьми постоянно» [5]. Спрашивается, где автор нашла «нежного и заботливого отца»? Давайте посмотрим правде в глаза, и честно признаемся: такого черствого отца, каким был Альберт Эйнштейн, нужно еще поискать! Между тем слишком часто приходится слышать подобные сказки. Чтобы почувствовать, насколько не права Колегова, рассмотрим данный вопрос более детально.

У старшего сына, Ганса Альберта, были очень натянутые взаимоотношения с отцом, рано ушедшим из семьи. Он никогда не мог простить ему незаслуженно обидное обращение с матерью. Как демонстрацию лицемерия воспринял Ганс Альберт письмо отца, написанное ему после смерти Милевы: «Я очень расстроен, так как без ее помощи и сердца судьба твоего младшего брата внушает мне тревогу. Самое плохое, что он остался один на свете, в котором ничего не понимает».

Милеву ему не жаль — это понятно. Но о какой заботе к Эдуарду здесь может идти речь? Отец постоянно проявил к больному сыну жестокую бессердечность, которая глубоко ранила юношу. Эдуард родился 28 июля 1910 года в Берне на известной улице Kramgasse-49 (там сейчас музей Эйнштейна). Еще в детском и подростковом возрасте он не раз просил своего знаменитого на весь мир отца проявить к нему и матери хоть какое-то сочувствие. Но «гениальный физик» и одновременно «величайший гуманист планеты» отвечал преступной черствостью или злыми шуточками, унижающими и оскорбляющими их обоих.

В 1929 году Эдуард лучше всех сдал экзамены на аттестат зрелости. Мечтая стать психоаналитиком фрейдовского образца, он начал изучать медицину. Но в возрасте 20 лет Эдуард заболел отчетливо выраженной формой шизофрении. В 1932 году он окончательно прерывает учебу в университете и впервые ложится в Цюрихскую клинику для душевнобольных под названием «Бургхёльцли». В эту клинику в 1904 году привезли лечиться русскую пациентку Сабину Шпильрейн. Врачом ее был Карл Густав Юнг. История их любви рассказывается в моей работе «Образец обмана общественности или Коллективное бессознательное Шпильрейн, Юнга и Фрейда». Когда в психиатрическую клинику Бургхёльцли попал Эдуард, Юнг уже там не работал. После смерти своей матери в 1948 году он практически не покидал Цюрихскую клинику, в которой скончался 25 октября 1965 года.

В студенческие годы Альберт часто обвинял свою мать в ограниченности и черствости. Это происходило, как мы видели, на фоне его огромной любви к Милеве. Эдуард, учась на медицинском отделении Цюрихского университета, тоже влюбился, как некогда его отец, но источником его раздражения была уже не мать, а именно он. Сын обвинял отца в том, что тот «бросил тень на его жизнь» и в этих словах сына была правда. Эдуард старался понравиться отцу, искал понимания и дружеского участия, но тот постоянно подтрунивал над ним или давал совершенно бесполезные советы. Так, например, в июне 1918 года,

когда болезнь только-только обозначилась, он написал ему: «Побольше гуляй, тогда ты совсем выздоровеешь, и не читай совсем».

Картер и Хайфилд, уделив этому факту семейной жизни немало места, заключили так: «Своим отношением к младшему сыну Эйнштейн мог разве что загнать его в психологический тупик. Так, он сначала похвалил его афоризмы, а потом заявил, что Эдуард списал их у кого-то. Это убеждение, крайне тягостное для Эдуарда, укоренилось в семье» [1, с. 301]. Отец, с одной стороны, обвинял Эдуарда в излишнем фрейдистском самоанализе, «советовал сыну не относиться к себе слишком серьезно» [1, с. 302], с другой стороны, старшему сыну, Гансу Альберту, сообщил, что письма его младшего брата «совершенно не несут на себе отпечатка его личности, а интересы — поверхностны» [1, с. 300]. В общем, Эйнштейн к обоим сыновьям был несправедлив и невнимателен, только младшего сына из-за его патологической психики эта отцовская черствость ударила намного сильнее, чем старшего.

Отец считал, что мать слишком «нянчится» с сыном. Милева почувствовала неладное в Эдуарде рано; несчастная любовь к старшекурснице только усугубила давно идущий патологический процесс в его мозгу. Когда Эйнштейн приехал в Цюрих в связи с нервным срывом сына «Он нашел Милеву, буквально потерявшей рассудок. Для обоих родителей было теперь ясно, что "Эдуард перенес какой-то психический слом... Семья поняла, что [сын] долго испытывал интенсивные и противоречивые чувства к своему отцу — чувство любви, даже преклонения, странным образом переплетенное с ощущением отверженности и личной неадекватности. Теперь казалось, что в его растерянном разуме не сохранилось ничего, кроме ненависти к Эйнштейну. При этом достаточно странным выглядело следующее: сам Эдуард понимал, что его разум пострадал и что он нездоров. Но юноша был не в силах стряхнуть депрессию. Его жизнь оказалось разрушенной, и он винил в этом отца"» [2, с. 318].

Встреча отца с сыном только обострила болезнь последнего; он грозился выброситься из окна своей спальни, расположенной на третьем этаже дома. Мать еле-еле оттащила сына от окна и вызвала врача. Несомненно, сын находился в сильной психологической зависимости от отца резко амбивалентного характера: с одной стороны, как и в детстве, когда они вместе музицировали, его непреодолимо тянуло к нему, с другой, он ненавидел отца лютой ненавистью за его грубые шутки и постоянное издевательство. В детстве в присутствии отца, сын часто замыкался и молчал, позже он впадал либо в депрессию, либо в истерику.

Альберт был черствым эгоистом и не собирался жертвовать личным временем и спокойствием ради больного сына. Поэтому он выделил деньги — благо они у него имелись — на оплату психбольницы, где сын провел большую часть своей жизни, и тем самым отгородил себя от неприятного зрелища. Последний раз 23-летний сын виделся с отцом в Цюрихе в мае 1933 года — это время, когда Гитлер пришел к власти и отец уехал в Принстон. Старший сын со своей собственной семьей также уехал в США. Чуть более пяти лет он проработал в Принстоне, но потом уехал подальше от отца, стал работать в Сан-Франциско инженером. Потом он работал профессором гидравлики в Калифорнийском университете (Беркли). Эдуард же остался доживать свой несчастный век в Цюрихской психбольнице, где его навещала мать, которая с возрастом тоже стала испытывать трудности со своим психическим здоровьем.

После рождения второго сына личные и семейные отношения Милевы с Альбертом заметно охладели. Очевидно, это было связано с его карьерным ростом. В апреле 1911 года Эйнштейн назначается профессором Пражского университета, а в феврале 1912 года

он преподает в Цюрихском Политехникуме, где сам учился с 1896 по 1900 год. Здесь в качестве профессора математики преподает его однокурсник Марсель Гроссман. Совместно они закладывают основы общей теории относительности. Весной 1913 года в Цюрих приезжает Планк, симпатизировавший Эйнштейну. Он предложил ему членство в Прусской академии наук, пост директора вновь организуемого Физического института имени кайзера Вильгельма, а также занять должность профессора Берлинского университета без обязательной учебной нагрузки. В июле Эйнштейн становится академиком, а в апреле 1914 года он переезжает в Берлин, чтобы занять место профессора в университете. Таким образом, Эйнштейн постепенно становится заметной фигурой в Европе. 26 Апреля 1914 году в берлинской газете «Die Vossische Zeitung» публикуется его первая статья, в которой впервые для широкой аудитории рассказывается о теории относительности. В августе этого года началась Первая мировая война.

Все это время Милева занимается детьми. Большую часть времени она проводит с ними у себя на родине в Сербии. 21 Сентября 1913 года Ганс Альберт и Эдвард были крещены в новосадской церкви Святого Николая. В Берлине, куда она приехала с обоими детьми к мужу, проживала Эльза Лёвенталь — будущая вторая жена Эйнштейна. Альберт изменил с ней Милеве; между супругами возникает ссора. На следующий день их друзья заметили на лице Милевы синяк и вздутия от ушибов. Жена с детьми возвращается в Цюрих. После этой ссоры Альберт выслал Милеве список унижительных требований, который говорил о всёвозрастающем напряжении между супругами. Их дальнейшее совместное проживание становится невозможным.

С точки зрения психологии, в любовных отношениях Милевы и Альберта с самого начала следует иметь в виду следующее немаловажное обстоятельство. Обыкновенно, женщины привлекали Эйнштейна исключительно в сексуальном плане. Он презирал их интеллект и низко оценивал душевные качества. Все не так было с Милевой. Его любовь к ней началась с обычного общения, затем появилось уважение, восхищение и, наконец, он стал неистово любить ее, восторгаться умом и красотой ее души. Никогда и ни с кем ничего подобного у него не случалось. Его любовные переживания были похожи на волнения Зигмунда Фрейда, когда он влюбился в разумную и одухотворенную БERTУ Паппенхейм (Анна О. или Ирма) — личность, намного превосходящую его самого.

Альберту удалось перестроить свои мозги так, чтобы увидеть в скромной девушке умного и прекрасного человека. Тогда ему удалось подняться до того высокого духовного и интеллектуального состояния, в котором он ни до, ни после своей влюбленности никогда не находился. К сожалению, его мамаше эта трансформация сознания была недоступна, так что сербская девушка навсегда осталась для Полины Кох противным «книжным червем», «хромоножкой», «ведьмой» и «хищницей», которая осмелилась расстроить ее планы и нарушить спокойствие ее родного сыночка.

Картер и Хайфилд так пишут о дурных предрассудках матери Эйнштейна: «Полина стала выказывать явную враждебность по отношению к Милеве, когда поняла, что в отличие от прежних увлечений Альберта, не выходящих за рамки флирта, его нынешние отношения серьезны и зашли достаточно далеко. То, что Милева не была еврейкой, значение не имело — Мари Винтелер [предшественница его подружка] тоже не исповедовала иудаизм. Но Полина, по-видимому, разделяла свойственное многим жителям Германии предвзятое отношение к сербам. Мнение, что славяне — люди второго сорта, укоренилось в Германии задолго до прихода к власти Гитлера. Полина не доверяла Милеве еще и потому, что воспринимала ее как хищницу — женщина намного старше ее сына, да еще обладая физическим недостатком, пытается сбить его с пути истинного» [1, с. 74 — 75].

Из тогдашних писем Эйнштейна к Милеве Марич мы узнаем, какую неприязнь со стороны будущей свекрови испытала на себе несчастная невестка. Сыну, разумеется, досталось тоже. «Мама зарылась лицом в подушку, — пишет Альберт в одном из своих писем к возлюбленной, — и разрыдалась, как ребенок. Успокоившись, она немедленно пошла в яростную атаку: "Ты губишь свое будущее, ты закрываешь себе все возможности", "Ее ни в одной приличной семье не примут", "Если она окажется в положении, я тебе не завидую". Последний ее выпад, после множества предыдущих, вывел меня из терпения. Я стал яростно отрицать, что мы жили в грехе, и разругал ее на все корки... » [1, с. 77].

Угроза в отношении беременности Милевы, как мы уже знаем, не была пустой. Мамаша всё-таки добилась своего: появившуюся до брака дочь пришлось отдать в чужие руки. В другой раз Альберт написал: «Мои родители очень встревожены моей любовью к тебе. Мама часто и горько рыдает, и у меня нет здесь ни минуты покоя. Мои родители оплакивают меня почти так, как если бы я умер. Они не устают повторять, что моя привязанность к тебе принесет мне несчастье, они считают, что ты слабого здоровья» [1, с. 81]. Действительно, дома несчастному влюбленному от упреков матери не было прохода. Мать выкрикивала: «Она — как ты, она — книжный червь, а тебе нужна жена... Когда тебе исполнится тридцать, она будет старой каргой» [1, с. 78].

В отношении «книжного червя» мать была, по сути, права. Милева постоянно читала научные книги, потом долго размышляла над прочитанным и, наконец, бралась за перо. Дни и ночи напролет она сидела за письменным столом, что-то вычисляя и записывая в тетрадку. В такие дни она мало обращала внимание на бытовую неустроенность и семейные неурядицы. На первом месте у нее находилась физика. Она постоянно что-нибудь писала и вычисляла. Именно это для того времени неженское занятие сербской интеллектуалки больше всего бесило мещанскую душу ее свекрови. Однажды Полина написала сыну: «Этой госпоже Марич я обязана самыми горькими минутами, вернее, часами, в жизни. Если бы я была в силах, я сделала бы всё, чтобы она исчезла с нашего горизонта, она мне по-настоящему не нравится» [1, с. 119].

Естественно, Милеве злобная, враждебно настроенная к ней мать Альберта тоже «по-настоящему не нравилась». Однако она никогда не опустила до ее примитивного уровня. Своим горем она лишь однажды поделилась с подругой: «Как видно, у этой дамы одна цель: испортить как можно больше жизнь не только мне, но и своему сыну. Ох, Элен, я никогда бы не поверила, что бывают такие бессердечные люди, она же воплощенная злость!» [1, с. 108].

Семейство, из которого происходил Альберт Эйнштейн, не отличалось образованностью и благородством. Когда юноша влюбился в симпатичную, воспитанную и начитанную Милеву, он быстро понял, кто он и откуда происходит. Его стали раздражать домашние. «Моя мать и сестра, — делился он с Милевой возникшими у него новыми ощущениями, — кажутся мне ограниченными обывательницами, несмотря на все теплые чувства, которые я к ним испытываю» [1, с. 72].

Вот еще одно место: «Когда ты станешь моей маленькой женошкой, *мы будем вместе прилежно заниматься наукой*, и потому никогда не превратимся в двух старых обывателей, так ведь? Моя сестра показалась мне на этот раз непроходимо глупой. Только не становись похожей на них — это было бы невыносимо. Ты всегда должна оставаться моей *колдуньей [ведьмой]* и моим *уличным сорванцом*... Все, кроме тебя, кажутся мне чужими, они словно отделены от меня невидимой стеной» [1, с. 115]. *Колдуньей*, а правильное здесь воспроизвести негативную коннотацию и использовать слово *ведьма*, называла Милеву мать Альберта, которая считала ее безобразной и «чернокнижницей».

Словосочетание *уличный сорванец* тоже довольно точно характеризует Милеву. В сравнении с *маменькиным сынком* Альбертом она была более независимой и, если можно так выразиться, *отчаянной пацанкой*, суровым воспитанием которой по-военному занимался отец.

Процитированный отрывок Картер и Хайфилд взяли из очень важного для понимания письма, написанного 28 декабря 1901 года и высланного беременной Милеве в Новый Сад из Шафхаузена, где Альберт нашел временную работу. Теперь приведу несколько ключевых фраз из этого же письма, написанных непосредственно перед воспроизведенными нами строками. «Я сейчас собираюсь заняться изучением того, — пишет Альберт Милеве, — что *Лоренц и Друде написали об электродинамике движущихся тел*. Эрат должен достать мне эту литературу» [6, doc. 131].

Итак, Эйнштейн только *собирается* приступить к изучению предмета, который ляжет в основу статьи 1905 года «К электродинамике движущихся тел». В то время как еще 27 марта 1901 года он написал: «Я буду горд и счастлив, когда мы снова окажемся вместе и сможем довести *нашу работу об относительности движения* до победного конца» [6, doc. 94]. Таким образом, интерес Милевы к проблеме относительности движения возник намного раньше.

Правда, в письме 1898 года Эйнштейн рассуждал о несимметричности электромагнитных устройств, что получило отражение в преамбуле статьи 1905 года. Однако здесь надо учитывать многосложность тематики статьи. Об электродвигателях и динамо-машинах первый заговорил Альберт, так как эта тематика ему была близка, а преобразования Лоренца, по всей видимости, вывела Милева, так как данная задача сопряжена с математическим формализмом, которым Альберт не владел (к обсуждению этого вопроса мы еще вернемся).

В течение десяти лет, с 1898 по 1908 год, Альберт старался, хотя и без большого успеха, оберегать Милеву от нападков на нее со стороны матери и родных. Картер и Хайфилд пишут, что Эйнштейн в письмах, т.е. исключительно на словах и только перед Милевой, резко и как-то уж слишком прямолинейно критикует своих родственников, чем «временами напоминает твердолобого идеолога, который обличает загнивающую буржуазию. Это — разленившиеся люди, соглашатели и прихлебатели, ведущие праздную жизнь, из-за которой у них атрофировались мозги. Особенно доставалось женщинам — ленивые, расфуфыренные, вечно на что-то жалуются.

Нет, сам Эйнштейн, разумеется, не жалобщик, просто сейчас его окружают холодные, глупые и "безнадежно скучные" люди, для которых главными событиями дня являются трапезы, тянущиеся иногда целый час и больше. Как он писал, будучи в снисходительном настроении, беда была в том, что эмоции его родителей и большинства других людей определяются их инстинктами. Он имел в виду, что эти люди находятся на более низкой ступени эволюции, чем он. Более возвышенным натурам не остается ничего, как только напоминать себе, сколь сильно они зависят от этих низко развитых существ в отношении материального комфорта» [1, с. 83].

Это, может быть, и так, только не нужно забывать, что сам обвинитель выходец из той мещанской среды, которую он гневно обличал. Когда любовь к Милеве прошла и он стал изменять ей с другими женщинами, «родимые пятна», присущие всей его семейке, обернулись против нее. Альберт мог оскорбить свою первую жену, накричать или даже поколотить, что не шло ни в какое сравнение с раздраженным брюзжанием его мамыши. Малообразованный и плохо воспитанный паренек, каким был Альберт, но симпатичный, с

чувственным ртом и насмешливыми глазами, которые, несомненно, нравились женщинам, интеллектуально и духовно находился ниже уровня своей подруги.

В пору своей влюбленности в Милеву, духовная убогость мамы вызывала у Альберта сильное отвращение, по крайней мере, на словах. Но после развода с первой женой, мать снова выдвинулась на первое место. Для него, как и для Фрейда, мать оставалась единственно близким человеком, с которым можно было поделиться радостью и горем. «Честолюбие Полины подстегивало сына, — пишут Картер и Хайфилд, — в детстве и юности оно было для него одним из основных стимулов к развитию. Он охотно рассказывал ей о своих успехах, в мае 1919 года отправил пачку газетных вырезок, "чтобы мама получила новую порцию пищи для своей материнской гордости, которая и так уже достигла немалых размеров". Когда Эйнштейн теоретически обосновал отклонение Меркурия, то первое, что он сделал, это открыткой известил мать об "отрадной новости"» [1, с. 250 – 251].

В этом отрывке сказано, что мать стимулировала развитие сына. Да, наверное, Полина мечтала, чтобы Альберт «развивался», в частности, выучился игре на скрипке и стал первоклассным инженером-электриком, превзошедшим своего неудачливого папашу. На большее она никак не рассчитывала. Когда Альберт со второго раза поступил в Политехнику, мать была настолько удивлена его неожиданным успехам, что стала называть его «нашим профессором». Какую еврейскую мамашу не порадует факт, что ее милое чадо сделалось «самым умненьким».

Однако его отношения с Милевой ей активно не нравились. Полина, конечно, не связывала научные успехи сына с любовью к ненавистной ей сестре. Когда Альберт уже охладил к Милеве, но еще не воспылил страстью к Эльзе, он написал последней так: «Моя мать человек, в общем, доброжелательный, но в качестве свекрови — сушая дьяволица. Когда мы [с Милевой] оказываемся в ее обществе, я каждую секунду жду взрыва». Он писал также, что «когда его мать кого-то ненавидит, то становится по отношению к этому человеку очень коварной» [1, с. 217].

О матери Альберта Карл Зелиг писал общими уважительными предложениями, которые выдают его полную неосведомленность по всему спектру психологических явлений. В частности, Зелиг в адрес Полины Кох написал так: «Очень сердечными были, однако, и его [Эйнштейна] отношения с матерью, женщиной *реалистически настроенной, широко мыслящей*» [3, с. 45 – 46]. Теперь мы располагаем документальными свидетельствами того, что она мыслила весьма узко и по-мещански убого. Зелигу же не были доступны документы, которые всплыли после 1987 года. Поэтому дважды издававшуюся у нас в стране его книгу об Эйнштейне, в которой к тому же были произведены обширные изыскания, нельзя признать достаточно объективной.

В первые годы женитьбы на Милеве Альберт находил в себе силы противостоять атакам сумасбродной мамы, и вместе с женой сидел над написанием научных статей. Но когда Альберт повернулся к Эльзе, Милева навсегда замкнулась в своем мире, который был абсолютно не понятен тем, кто поверил в басни о выдающихся способностях «гениального физика». Брайен пишет: «Альберт описал [Эльзе] свое существование с Милевой как нечто подобное проживанию на кладбище — из-за ледяного молчания, царившего между ними... Но когда Эльза предложила развод, он пояснил: Милева не сделала ничего такого, что нормальный суд мог бы счесть основанием для развода» [2, с. 145].

Перелом в личных отношениях между Милевой, Эльзой и Альбертом приходится на день рождения Альберта, 14 марта 1913 года, когда Эльза как-то по-особому поздравила своего кузена с 35-летием. «Поздравления» Эльзы случайно увидела Милева. После этого между ней и Альбертом произошла ссора, закончившаяся рукоприкладством мужа. Дочь Адольфа Гурвица, профессора Политехникума, Елизавета (или, Лизбет) Гурвиц была свидетельницей побоев Милевы.

«На следующий день Лизбет с матерью навестили Милеву и увидели, что лицо у нее сильно распухло. Лизбет догадалась, что на лице у Милевы следы побоев. Эйнштейн был человек физически сильный, и как бы мы не относились к этим словам, но Ганс Альберт вспоминает, что за плохое поведение отец его бил» [1, с. 202]. Между прочим, в обосновании брачного развода с Милевой, помимо супружеской измены, говорилось также и о «яростных стычках между супругами», которые, очевидным образом, сопровождались физическим избиением мужем своей некогда горячо любимой жены.

В характере Милевы абсолютно не было тщеславия, главное, чтобы у Альберта всё получилось, говорила она. «Я счастлива, что к нему пришел успех, — пишет она Элен Савич, — которого он действительно заслуживает. Остается только пожелать, чтобы слава не испортила его как человека, я очень на это надеюсь» [1, с. 168]. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться. Картер и Хайфилд замечают, что «гордость Эйнштейна граничила с высокомерием». «Он не воспринимал всерьез повседневные заботы окружающих и был в общении с ними то по-детски жизнерадостен, то откровенно циничен. Это не означает, что Эйнштейн изменился, просто присущее ему чувство отстраненности от других людей стало сильнее. Оно способствовало тому, что он все дальше отходил от Милевы, в которой уже не нуждался для осуществления счастья, но самодостаточности он так и не обрел» [1, с. 169].

Милева Марич буквально сделала из Альберта Эйнштейна ученого. Однако когда он почувствовал, что может обходиться без нее, он стал ей изменять и всячески грубить. Например, в письме от 18 июля 1914 г. для продолжения их совместной жизни он выставил ей следующие унижительные условия, известные как Memorandum [CPAE, vol. 8, doc. 22]:

- А. Ты заботаешься о том,
 - 1. чтобы моя одежда и белье содержались в аккуратном состоянии;
 - 2. чтобы я три раза в день получал в свою комнату надлежащим образом сервированную еду;
 - 3. чтобы моя спальня и рабочий кабинет содержались постоянно в порядке, особенно чтобы мой письменный стол был только в моём распоряжении.
- В. Ты отказываешься от всех личных отношений со мной, соблюдение которых не является обязательным в обществе. В частности, ты отказываешься
 - 1. от того, чтобы я сидел при тебе дома;
 - 2. от того, чтобы я с тобой выходил в свет или путешествовал.
- С. Особо обязуешься ты в общении со мной обращать внимание на следующие пункты:
 - 1. Ты не должна от меня ожидать нежностей и не делать мне каких-либо упрёков.
 - 2. Ты должна немедленно прекращать обращённую ко мне речь если я об этом прошу.
 - 3. Ты должна немедленно без возражений покинуть мою спальню или кабинет если я об этом прошу.
- Д. Ты обязуешься ни словами, ни действиями не унижать меня в глазах моих детей.

Обратите внимание на пункт А.3, в котором говорится: «особенно чтобы мой письменный стол был только в моём распоряжении». Дело в том, что в начале их совместной жизни и работы, в период с 1900 по 1908 год, когда вышли в свет четыре эпохальных статьи Эйнштейна, их общий письменный стол был главным образом в распоряжении Милевы, которая взяла на себя основной труд по написанию научных статей и связанных с ними расчетов.

Однако на момент появления Меморандума жена-помощница ему больше уже не нужна. 26 Апреля 1914 года в берлинской газете «Die Vossische Zeitung» публикуется первая газетная статья Эйнштейна по теории относительности, а 2 июля на заседании Прусской академии наук он произносит торжественную речь при вступлении в должность профессора Берлинского университета. Его звездный путь начался, но славу и почет бывший третьеразрядный служащий патентной конторы не хочет разделить со своей верной спутницей. Поэтому Альберт прогоняет жену из их общей спальни и кабинета, он также не берет ее «в свет или путешествия».

Они жили уже несколько лет порознь, когда он в феврале 1916 года написал ей: «Итак, поскольку наша раздельная жизнь прошла проверку временем, я прошу тебя о разводе» [1, с. 231]. Своему другу Бессо он также написал: «Я был бы уже сломлен и душевно, и физически, если бы не нашел в себе сил удалить ее на безопасное расстояние, так, чтобы не видеть ее и не слышать» [1, с. 232].

Узнав о категорическом требовании Альберта, Милева испытала страшное потрясение; она валится с ног и ее отвозят в госпиталь. В августе 1916 года Милеву навещает Елена Савич. Поскольку ее подруга прикована к постели и требует длительного лечения, Елена забирает на время к себе домой (в Лозанну) детей Милевы, чтобы присматривать за ними. К 12-летнему Гансу Альберту и 6-летнему Эдуарду отец относится так, будто это не его, а какие-то чужие дети. Не верит он и жене, считает, что она притворяется, «ломает комедию» только из вредности к нему. В октябре Милева всё еще чувствует слабость. В это время к ней из Нового Сада приезжает сестра, Зорка, которая сама страдает психическим расстройством. Какое-то время она помогает Милеве присмотреть за детьми, но потом сама на два года ложится в швейцарскую психиатрическую клинику «Бургхёльцли», где потом будит лечиться Эдуард.

Милева по-прежнему любила Альберта и эта атака на нее со стороны самого дорогого ей человека, который к тому времени сделался мировой знаменитостью, подкосила ее. Она была деморализована, перенесла несколько сердечных приступов и в полном изнеможении духовных и физических сил на несколько месяцев слегла в постель. Ее бывший муж принял это за притворство, которым воспользовалась жена, дабы воспрепятствовать разводу. «Вы и представления не имеете о природной хитрости подобных женщин», — писал он Бессо. Того же мнения придерживалась и его мамаша, Полина Кох. «Может быть, ей слегка и нездоровится, но в основном она притворяется», — писала она Эльзе.

Бессо встал на защиту Милевы, стараясь убедить Эйнштейна в серьезности ее заболевания. Но тот по-прежнему не проявлял ни малейшего чувства сострадания к своей всё еще супруге. «На протяжении 20 лет мы хорошо понимали друг друга, — пишет Эйнштейн Бессо. — Теперь же я вижу, как в душе у тебя закипает гнев на меня, и причина его — женщина, дела которой тебя не касаются. Оставь! Она того не стоит, будь она хоть тысячу раз права» [1, с. 234]. Альберт дал понять своему другу, что если Милева даже и умрет, то ему нисколько не жаль ее. В одном из писем к Бессо он так и написал: «Меня радует, что состояние моей жены улучшается, хотя и медленно. Но, разумеется, если это

мозговой туберкулез, что весьма вероятно, быстрый конец был бы предпочтительнее долгих страданий» [1, с. 235].

Когда Милева и Альберт уже стали подозревать, что их младший сын психически больной человек, в письме к Бессо он относительно Эдуарда сурово писал: «Надо уметь смотреть правде в глаза, даже если это тяжело». А через несколько месяцев, в другом письме, добавил: «Кто знает, может, было бы лучше, если бы он покинул этот мир до того, как по-настоящему узнал его» [1, с. 239]. Подруге Милевы, Элен Савич, Эйнштейн также отписал о своем решительном разрыве со своей женой: «Несмотря на все мое сочувствие, она превратилась для меня в ампутированную конечность, и это навсегда. Мы больше никогда не станем близкими людьми, я кончу свои дни вдали от нее, и уверенность в этом мне необходима» [1, с. 236].

В этих словах сквозит не просто черствость к близким людям, но какая-то бесчеловечность. Как все это контрастирует с портретом гуманиста, который был нарисован в дешевых биографических книгах. Но судьба воздала должное и грешнику за его жестокую бессердечность. В том же, 1916 году, Альберт как и Милева, перенес сильнейший нервный срыв, после которого на долгие месяцы слег в постель, потеряв в весе более 20 килограмм.

В конце концов, Милева дала разрешение на развод, но при условии, что в случае получения им Нобелевской премии он должен будет передать премиальные деньги ей. Такой шаг мужа можно истолковать так: главные научные идеи, за которые могли вручить награду мужу, принадлежат жене. Думать, что Эйнштейн мог согласиться отдать нобелевские деньги из сострадания к своей первой жене и детям, было бы не верно. Жену он возненавидел, а к детям был равнодушен. Никакого нравственного долга перед родными и, вообще, перед кем бы то ни было, он не испытывал. Кроме того, вопреки распространенному мнению, он любил деньги и постоянно нуждался в них.

Итак, в 1919 году Эйнштейн оказался свободен. Перед ним открылась возможность жениться на своей кузине или... на ее старшей дочери, Ильзе. Этот вариант, как мы уже знаем, тоже рассматривался. И всё-таки выбор пал на кузину, брак с которой зарегистрирован 2 июня 1919 году. В этом же году во время солнечного затмения была подтверждена общая теория относительности. Эйнштейн мгновенно сделался знаменитым на весь мир. В обществе он теперь появлялся с Эльзой. Милева же оказалась в полной неизвестности. После бракоразводного урегулирования ей перепали кое-какие деньги, но их не хватало, чтобы содержать двух сыновей — 15-летнего Ганса Альберта и 9-летнего Эдуарда. Поэтому она стала подрабатывать репетиторством, давая уроки математики и музыки.

В 1920 году Милева оставляет детей на Елену Савич и выезжает на три месяца в Новый Сад, так как ее престарелые родители не знают, что делать с Зоркой, психическая болезнь которой все более прогрессировала. Она всё больше страдала паранойей и проявляла крайнюю агрессию в отношении отца. Осенью 1922 года Милева вновь срочно выезжает на родину. Зорка, похоже, случайно сожгла огромную пачку денег, которую отец спрятал в пустой печи. Он же посчитал, что она сделала это нарочно. После этого случая трагические события разворачивались стремительно. С Зоркой произошел сильный психический припадок; отец не выдержал жуткой картины и скончался от удара. Врачи выдали на руки Милевы документ, свидетельствующий, что ее сестра невменяема и не несет никакой юридической ответственности за уничтожение большой суммы денег и смерть отца.

В декабре 1922 года Эйнштейн, находясь с лекциями в Японии, узнает о присуждении ему Нобелевской премии. На церемонии вручения он присутствовать не может. Согласно бракоразводному договору, деньги Нобелевского Фонда были переданы Милеве в январе 1923 года в объеме 121 572 шведских крон, что составляет в пересчете на доллары США 2003 года сумму, равную приблизительно 350 тысячам. Она вложила эти деньги в недвижимость, купив два дома и квартиру на Huttenstrasse, в которой поселилась сама вместе с сыновьями.

В 1929 году Милева окончательно убеждается, что ее младший сын, Эдуард, страдает от неизлечимой шизофрении. В 1934 году умерла мать Милевы, еще через три года — сестра Зорка, а 20 декабря 1936 года умерла Эльза. После этих событий Ханс Альберт, его жена Фрида и два внука переселяются в США. К 1939 году Милева израсходовала все деньги от Нобелевской премии. Ей не хватало денег на лечение Эдуарда и содержание квартиры в Цюрихе на Huttenstrasse, где она оставалась жить с Эдуардом. Милева уже продала два здания и сталкивается с лишением права выкупа закладной на свою квартиру.

Милева просит у Альберта помощь. Он берет ее квартиру в свою собственность с правом проживать в ней Милеве и Эдуарду. В 1947 году Эйнштейн, почувствовав приближение ее смерти, за полтора года до ее фактической кончины, продал за 85 000 швейцарских франков принадлежавший ей огромный дом, купленный на деньги от Нобелевской премии. Дележка ее имущества, как будто бы она уже умерла, настолько возмутила Милеву, что она решила отомстить ему тем, что не отдала деньги, вырученные за этот дом. Вот как это получилось.

В результате юридического недосмотра, вырученные за дом деньги получает не он, а Милева. Альберт начал угрожать своей бывшей жене, требуя вернуть ему якобы украденные деньги. Однако на руках Милевы оставалась его доверенность, которая имела юридическую силу на территории Швейцарии. И хотя деньги ей первоначально были выплачены по ошибке, вернуть их можно было только с ее согласия. Этого согласия она дать не захотела, так как ей надо было думать о больном сыне. Эйнштейн же имел денег с избытком и нисколько бы не пострадал от потери указанной суммы.

В конце мая 1948 года с Эдуардом случился сильный нервно-психический припадок. Мать, сильно переживая за него, сама слегла на больничную койку; у нее отнялась вся левая половина тела. «В конце сороковых годов, — пишут Картер и Хайфилд, — состояние Милевы резко ухудшилось, по-видимому, у нее начались серьезные нарушения мозгового кровообращения. Во время холодов, ковыляя по обледеневшим улицам, чтобы навестить Эдуарда в клинике, она сломала ногу. Прохожие нашли ее, лежавшую без сознания на дороге... Ее доставили в больницу, но после этой травмы Милева до конца так и не оправилась... Милева, лежа со сломанной ногой в больничной палате, принимала белые стены за снежные вихри, сквозь которые она силится и не может пробиться к сыну, которого должна спасти» [1, с. 327 — 328].

Перед самой смертью, по свидетельству очевидцев, Милева сделалась совершенно невменяемой. Она беспрестанно звонила в колокольчик, зовя кого-то на помощь, непрерывно повторяла слово «нет» и, наконец, изъявила желание, чтобы ее поместили вместе с ее сыном в психиатрическую лечебницу. Она умерла 4 августа 1948 года. Под матрасом, на котором умерла Милева, были обнаружены 85 тысяч швейцарских франков, которые она сберегла на лечение своего безнадежно больного сына.

Милева была крещена в Сербской Православной Церкви. Но поскольку в Цюрихе сербского прихода тогда не существовало, она была прихожанкой русского храма. 6

Августа 1948 года ее отпевал русский протоиерей Давид Чубов. По истечении 25 лет, в связи с истечением срока аренды земли, ее могила должна была быть уничтожена и только по счастливой случайности уцелела. Розыском захоронения занялся сербский исследователь Петр Стоянович, который нашел могилу своей соотечественницы.

29 августа 2004 года в воскресенье в 16 часов на Нордхеймском (Nordheim) кладбище в Цюрихе состоялась панихида по православной Милеве Марич, которую совершил настоятель Воскресенского прихода Московского Патриархата священник Олег Батов. На богослужении присутствовали священники Греческой и Сербской Православных Церквей, представители Евангелическо-Реформатской церкви, Консульства Сербии в Швейцарии, местных властей, прессы и общественности города.

-
1. Картер П. и Хайфилд Р. Эйнштейн. Частная жизнь. — М.: «Захаров», 1998 (Paul Carter and Roger Highfield «The Private Lives of Albert Einstein», 1993).
 2. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
 3. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М., 1966. (Carl Seelig: Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie, Zurich-Stuttgart-Wien (Europa Verlag) 1954).
 4. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В.И. и О.И. Марцарских / Под ред. А.А. Логунова. — М.: «Наука», 1989 (Abraham PAIS «'Subtle is the Load...' The Science and the Live of Albert Einstein». — Oxford — N. Y. — Toronto — Melbourne: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 1982).
 5. Колегова В.А. Альберт Эйнштейн / «Урок толерантности» — совместный проект УВКБ ООН «Первое сентября».
 6. The Collected Papers of Albert Einstein (CPAE). Volume 1. The Early Years, 1879-1902, Princeton University Press 1987.
 7. Maurer, Margarete. Weil nicht sein kann, was nicht sein darf... "Die Eltern" Oder "Der Vater" Der Relativitatstheorie? (Aus: PCnews, Nr. 48, Jg. 11, Heft 3, Wien, Juni 1996, S. 20-27).
 8. Clark, R. Einstein: The Life and Times. New York: World Publishing Company (1971).

8. Аллен Эстерсон против Милевы Марич

Трёмел-Плётц (Troemel-Ploetz) написала работу «Милева Эйнштейн-Марич: Женщина, которая сделала математику Эйнштейна» [1] назвала первую жену Эйнштейна «гением математики». Трудно согласиться с такой высокой оценкой, особенно когда знаешь, какие грубые математические ошибки имеются в работах за подписью Эйнштейна. Однако еще больше заблуждается Аллен Эстерсон (Allen Esterson), который в своей статье «Кто сделал Эйнштейну математику? Ответ Трёмел-Плётц» [2] представляет Милеву невеждой в вопросах математики. При этом одним из основных его аргументов, который он выставил в начале статьи, является низкие экзаменационные оценки Милевы по сравнению с оценками Альберта. Разумеется, этот довод совершенно несостоятелен по причинам указанным в третьей главе.

Эстерсон не математик и все свои остальные аргументы строит на цитатах, надерганных из отзывов о математических способностях Эйнштейна. Его схема доказательства проста: привести положительные отзывы и обойти молчанием отрицательные. Например, Эстерсон, ссылаясь на Кларка [5], привел отзыв Марии Кюри, которая в своей

рекомендации хвалила физико-математические работы Эйнштейна при назначении его в 1912 году на профессорскую должность в Цюрихский Политехникум (незадолго до этого они познакомились на Сольвеевской конгрессе 1911 года). При этом Эстерсон апеллирует к высокому авторитету ученого Марии Кюри, большого специалиста по радиации, совершенно не зная ее математических способностей и достижений.

Трёмел-Плётц во многом опиралась на книгу сербской исследовательницы жизни Милевы Марич, Трбухович-Гжурич (Trbuhovic-Gjuric) [3]. Последняя указала, что нижеследующая цитата взята из письма Эйнштейна Гроссману. Эстерсон обвинил сербского биографа в неточности. В действительности, пишет Эстерсон, приведенные слова принадлежат Луису Коллорсу (Louis Kollros), сокурснику Эйнштейна и Гроссмана, который в такой форме передал просьбу Эйнштейна Гроссману. Пусть данная неточность имела место, но если это самое большое «преступление» Трбухович-Гжурич, то я рад за нее. Вот эти слова: «Я столкнулся с математическими трудностями, которые я не могу преодолеть. Я прошу твоей помощи, иначе я, наверное, сойду с ума» [3, с. 96]. Эстерсон уверяет, что обращение Эйнштейна за помощью к Гроссману не означает, что Эйнштейн был слаб в математике, они доказывают только то, что математические проблемы, возникшие при создании ОТО, были слишком сложны.

Такой же инверсной интерпретацией он воспользовался в случае, когда Трёмел-Плётц привела слова Эйнштейна из автобиографии, где он высказывается о своих низких математических дарованиях. Эстерсон набросился на «невежественную» Трёмел-Плётц, которой не хватило ума сообразить, что по тогдашним стандартам, предъявляемым к физикам, способности и знания Эйнштейна в области математики были «чрезвычайно хорошими» [extremely good]. Далее он написал: «Ошибочно истолкованные слова Эйнштейна, которые она цитировала как указание на то, что он якобы низко оценивал свои математические способности, Трёмел-Плётц продолжала утверждать, что и "другие согласились с его оценкой"» [2]. В доказательство этого она привела слова Жана Перне, взятые из биографии Карла Зелига: «"Вы даже не представляете себе, как трудно изучить физику. Почему бы Вам не заняться медициной, юриспруденцией или философией?"» [4]

Эстерсон обращает внимание на то, что «Эйнштейн не симпатизировал методам обучения этого профессора; он часто пропускал занятия Перне. Видно, что независимое отношение Эйнштейна привело к уничижительным комментариям Перне». Помимо этого, Эстерсон указывает на цепочку авторов, которые приводили эти слова (Трёмел-Плётц, Трбухович-Гжурич, Зелиг, Кларк) и обвиняет всех их в использовании ненадежного источника информации.

В ответ на последний аргумент можно с таким же успехом указать на ненадежность его собственных источников, в частности, на вышеупомянутую Марию Кюри. В начале своей статьи Эстерсон ссылаясь на положительный отзыв о математических способностях 11-летнего Эйнштейна, данного неким студентом-медиком, Максом Тэлмеем (Max Talmeu) [он процитирован нами в главе 5]. Когда же Трёмел-Плётц привела негативный отзыв Минковского о студенте-лодыре Эйнштейне, которого он учил, Эстерсон ухитрился найти аргументы против справедливой оценки этого уважаемого профессора (мнение Минковского сообщил Макс Борн).

Вся статья Эстерсон строится на безосновательном недоверии к источникам информации. Он критикует Трёмел-Плётц, часто ссылающуюся на Трбухович-Гжурич, которая, в свою очередь, опирается на какого-нибудь очевидца. Эта цепочка возникает вполне естественно в данной ситуации: к косвенным источникам пришлось прибегнуть только потому, что прямые отсутствуют. Поэтому в статье Трёмел-Плётц появились, например, следующие

слова: «Боданович, математик из Министерства просвещения в Белграде, которая была хорошо знакома с Милевой Эйнштейн-Марич, сообщает, что она всегда знала, что Милева Эйнштейн-Марич много помогала своему мужу, особенно по математическим проблемам, но Милева Эйнштейн-Марич всегда избегала говорить об этом» [3, с. 164].

Эстерсон реагирует на приведенную цитату примерно так: «Да кто она такая, эта Милиса Боданович? Подумаешь, какой-то там инспектор-математик из Министерства просвещения в Белграде. Почему мы должны ей верить?» Такое брюзжание еще меньше похоже на научное обоснование. Статья Эстерсона могла бы выглядеть сколько-нибудь убедительно, если бы автор привел пускай такие же косвенные доказательства, как у Трёмел-Плётц и Трбухович-Гжурич, но свидетельствующие о математической безграмотности Милевы Марич. Но об этом никто не высказался, потому что такое мнение не соответствовало бы действительности. Эстерсон попытался представить Альберта Эйнштейна хорошим математиком, вопреки его собственным словам и мнениям других, но даже это у него получилось крайне неубедительно.

Как «иллюстрацию неакадемического характера статьи» Трёмел-Плётц Эстерсон привел фрагмент комментария Трбухович-Гжурич, написанный к немецкому переводу ее книги. В 1985 году сербский биограф вдохновенно писала о своей соотечественнице: «В ее математической формулировке всё так безупречно, так невероятно просто и изящно, ее работа — самое величайшее достижение, сделанное в этом столетии, в ней сосредоточен весь революционный прогресс физики. Даже сегодня при чтении этих пожелтевших страниц, напечатанных почти 80 лет назад, испытываешь не только чувство уважение, но и гордость за Великую Сербку, Милеву Эйнштейн-Марич, участвовавшую в написании и редактировании их. Ее интеллект живет в тех строчках. Несомненно, простота уравнений показывает личный стиль, который она всегда демонстрировала в математике и в жизни вообще. Ее манера была всегда лишена ненужных осложнений и пафоса» [2].

По поводу этих слов Эстерсон не нашелся, что сказать. Но Джеральд Холтон и другие, в основном американские эйнштейноведы, за то, что Трбухович-Гжурич назвала Милеву Марич Великой Сербкой, повесили на биографа ярлык сербской националистки [см. главу 6]. От себя добавим, что теория относительности не является «величайшим достижением» математики и она не обеспечила прогрессивное развитие физики. И хотя Милева Эйнштейн-Марич по-прежнему вызывает и уважение, и гордость за сербский народ, ее математический талант, к сожалению, не способствовал развитию науки.

-
1. Troemel-Ploetz, S. (1990). *Women's Studies Int. Forum*, 13(5), pp. 415-432.
 2. Allen Esterson. *Who did Einstein's Mathematics? A Response to Troemel-Ploetz* (2006).
 3. Trbuhovic-Gjuric, D. (1983). *Im Schatten Albert Einsteins: Das tragische Leben der Mileva Einstein-Maric*. Bern: Paul Haupt [German translation of the original book by D. rbuhovic-Gjuric, published in Yugoslavia in 1969]; Trbuhovic-Gjuric, D. (1991). *Mileva Einstein: Une Vie* (trans. from the German). Paris: Antoinette Fouque
 4. Зелиг К. Альберт Эйнштейн. — М., 1966. (Carl Seelig: *Albert Einstein. Eine dokumentarische Biographie*, Zurich-Stuttgart-Wien (Europa Verlag) 1954).
 5. Clark, R. *Einstein: The Life and Times*. New York: World Publishing Company (1971).

9. Издевательства над останками Эйнштейна

В 2005 – 2007 гг. на некоторых сайтах мировой сети, например [1], появились сообщения следующего содержания. Некто доктор Бойд (Boyd) приобрел срез мозга Альберта Эйнштейна и заявился с ним к Эвелин Эйнштейн (Evelyn Einstein), чтобы с помощью ДНК-экспертизы выяснить, приходится ли она дочкой великого физика. Срез мозга ему дали в Принстонском госпитале, где когда-то работал патологоанатом Томас Штольц Харви (Thomas Stoltz Harvey), извлекший мозг из тела умершего физика. Эвелин приняла его у себя дома в Беркли (Berkeley), но экспертиза так и не была проведена из-за спорных моментов юридического характера. Первая трудность связана с проблемой разрешения на изъятие мозга.

Харви утверждает, что он имел разрешение на извлечение мозга и действовал законно. Родственники Эйнштейна отрицают это. Мнения заинтересованных сторон разделились. Одни утверждают, что патологоанатом совершил противоправное действие, граничащее с воровством органов у скончавшихся людей. Другие с ними не согласны; например, Кэролин Абрахам (Carolyn Abraham) считает, что между семейством Эйнштейна и доктором Харви было заключено секретное соглашение, позволившее ему так долго хранить у себя «краденое».

Эвелин Эйнштейн, официально признанная как приемная дочь старшего сына Альберта Эйнштейна, находит предположение Абрахама сомнительным, хотя никаких доводов на этот счет она не приводит. Когда Томас Харди посетил ее в 1984 году, она не выдвинула против него никакого обвинения. С собой он привез части мозга Эйнштейна, хранившиеся у него тридцать лет в формальдегиде. Можно ли после этого производить ДНК-экспертизу, сказать сложно.

Дэнис Брайен в своем приложении «Мозг Эйнштейна» к жизнеописанию «Альберт Эйнштейн» приводит рассказ Элен Дюкас о том, как был извлечен мозг. «Расскажу вам, как это случилось, — читаем мы в стенограмме. — Было сделано вскрытие, и сын [Ганс Альберт] как ближайший родственник дал разрешение. После чего господин Харви, уже ничего не спрашивая, извлек мозг. В результате мы ничего не могли с этим поделать. Затем он пришел и спросил [может ли он использовать мозг для исследования] и сын сказал: "При одном условии. Что бы по этому поводу ни публиковалось, оно может печататься только в научных изданиях". Вот так, а потом все это попало к журналистам. Хочу сказать, что профессор Эйнштейн никогда бы такого не позволил"» [2, с. 685]

В последней главе недавно вышедшей книги «Эйнштейн: Его Жизнь и Вселенная» («Einstein: His Life and Universe») [3], написанной бывшим председателем CNN и нынешним президентом Aspen института Вальтером Исааксоном (Walter Isaacson), в результате тщательного исследования сохранившихся документов доказывается, что устная договоренность всё-таки имелась. Вскоре после смерти Альберта Эйнштейна доктор Харви позвонил его старшему сыну, Гансу Альберту, и получил от него разрешение на использование мозга в научных целях. При этом было особо оговорено, что изучение мозга должно производиться профессиональными нейроморфологами. Все результаты исследований могут быть опубликованы только в научных изданиях.

Правда, позже Ганс Альберт стал отрицать этот факт и сказал, что Харви действовал по своей инициативе. Изменение позиции сына произошло потому, что его обвиняли в неисполнении последней воли отца. Альберт Эйнштейн не разрешал использовать мозг в научных целях. Он просил кремировать тело и развеять прах, чтобы не давать повода для поклонения его мощам кому бы то ни было и в какой бы то ни было форме. Но произошло

ровно обратное, появились люди, которые начали охотиться за его останками. Харви долгое время не проводил никаких исследований и хранил мозг Эйнштейна так, как хранят святыне. Ситуация приобрела откровенно скандальный характер, когда тему мозга стали муссировать на страницах бульварной прессы.

В 1955 году ситуация выглядела следующим образом. Рано утром, не имея на руках письменного договора, но учитывая форс-мажорные обстоятельства, Харви поспешил в морг Принстонского госпиталя, куда доставили тело Альберта Эйнштейна, умершего ночью 18 апреля в 1 час 15 минут. Дождавшись, когда нейроанатом Гарри Зиммерман (Harry Zimmerman), прибывший из Нью-Йорка, покинет помещение, где лежал труп, Харви «быстро рассек череп Эйнштейна подобно кокосовому ореху» [1]. Он извлек 2,7 фунтов серого вещества и разрезал его на 240 секций. Всё это он поместил в контейнер с формальдегидом. «Безмозглое» тело кремировали днем того же дня. На церемонии присутствовал Отто Натан, который проследил, чтобы последняя воля усопшего была исполнена в точности. Прах он собственноручно развеял в месте, которое впоследствии никому не называлось.

По-видимому, научные исследования не проводились так долго потому, что Ганс Альберт отрицал факт своего разрешения на извлечение мозга. Но после его смерти в 1973 году Харви осмелел и передал отдельные срезы в различные исследовательские центры Америки, Европы, Китая и Японии. В частности, в 1980-е годы Харви передал кусочки мозга профессору Мариане Даймонд (Marion Diamond) из Калифорнийского университета в Беркли. Она обнаружила, что в мозгу Эйнштейна оказалось более высокое, чем у обычных людей, отношение глиальных клеток к нейронам.

Спекуляций вокруг исследований Даймонд по этому поводу в околонучных журналах было немало. Публикация 1985 года по итогам ее исследований вызвала критику специалистов в научных журналах. В частности, доктор Люси Рорк заметила: «Думаю, она не поняла, что подготовленные в данном случае срезы были намного толще, чем те, которые делаются обычно, когда собираются посмотреть и диагностировать опухоль или что-нибудь в этом роде. Незнакомство с толстыми срезами мозга и привело ее, как я думаю, к этому ошибочному выводу...

Что впечатляет в его мозге, так это отсутствие обычных дегенеративных изменений, которые наблюдаются у пожилых людей и конкретно выражаются в обычных массивных отложениях в нейронах особого пигмента "износа" — вещества, называемого нами *липофусцин*. А в данном случае это действительно красивый, нетронутый мозг. Он напоминает мозг молодого человека. Конечно, все хотят знать, имелись ли у него какие-то признаки бляшек или омертвлений, свидетельствующих о болезни Альцгеймера. Абсолютно никаких признаков этого нет... Любые из тех изменений, которые мы часто видим в мозге пожилых людей, здесь отсутствуют» [2, с. 687].

Часть мозга Харви передал также доктору Сандре Вительсон (Sandra Witelson), работавшей в исследовательском центре города Онтарио (Канада). Вительсон попросила у Харви теменную часть мозга, ответственную, как она считает, за «концептуальное мышление и математические навыки» [1]. Она предполагала, что именно *эта часть мозга ответственна за создание теории относительности*. «Когда доктору Рорк рассказали о мнении Эшли Монтегю, считающего, что бессмысленно надеяться на возможность установить уровень интеллекта путем физического обследования мозга, она ответила: "Полностью согласна. Разумеется, можно выяснить, здоров ли он. Но обнаружить высокий интеллект или гениальность — бесполезная затея» [2, с. 687].

Патологоанатом Эшли Монтегю, сменивший Томаса Харви в Принстонском госпитале, поведал любопытную историю о своем предшественнике. «Харви, делавший вскрытие, был женат на библиотечарше из Принстона, которую я знал, — говорит Монтегю. — Он хранил мозг Эйнштейна в банке, которая стояла в подвальном помещении его дома. Затем он развелся с женой и уехал, а мозг по-прежнему оставался там. Вот тогда-то я и услышал об этом. Меня потрясло, когда я узнал, что имеется такой орган, спрятанный в банке где-то в подвале миссис Харви. Она сказала: "Я хочу, чтобы кто-нибудь избавил меня от этой дьявольской штуки!"

Это было глупо с самого начала. Как и все глупости, эта тоже случилось из-за невежества... Эйнштейн тут ни при чем, но в этом не было бы необходимости, если бы у кого-то хватило ума сообщить им, что никакая интегральная характеристика мозга вроде его размера не имеет ровным счетом никакого отношения к интеллекту. Объем человеческого мозга составляет приблизительно 1350 кубических сантиметров, а вес — около 1600 граммов. Зарегистрированный объем самого крупного мозга — составлял 2500 кубиков — почти вдвое превышая размер нормального мозга, — и это был мозг человека, страдавшего гидроцефалией, или водянкой мозга, то есть идиота. На базе такой методологии даже самое хитроумное исследование не позволит сделать какие-либо открытия, относящиеся к нормальному мозгу"» [2, с. 685 – 686].

«Это было глупо с самого начала» и *до самого конца*, — хочется добавить к высказыванию Монтегю. Можно также оспорить его фразу «Эйнштейн тут ни при чем». Отец-основатель самой вздорной теории по своей природе был немножко *авантюристом*, так что не удивительно, что его окружали такие же, как он сам, странные люди, способные на отчаянные, но бессмысленные поступки. В этом лишний раз убеждаешься, когда знакомишься с книгой Дэниса Брайена [2].

Этот автор сообщает, что «в 1979 году, журналист Стивен Леви (Steven Levy) из ежемесячника "Нью-Джерси мансли" полюбопытствовал, какова судьба мозга Эйнштейна и что показало его исследование, если оно вообще что-нибудь обнаружило. Он выследил Томаса Харви в городе Уичито, штат Канзас, где тот руководил медицинской тематикой в лаборатории биологических испытаний.

"Где сейчас мозг?" — спросил Леви. К его изумлению, в ответ Харви поднял картонную коробку, содержащую две стеклянные банки. Внутри одной из них, плавая в прозрачном растворе формальдегида, находились мозжечок Эйнштейна, часть коры его мозга и несколько аортальных сосудов. Более крупная банка содержала несколько маленьких кусков коры его мозга, заключенных в прозрачные блоки.

За истекшие годы Харви отправил срезы мозга Эйнштейна тем исследователям по всей Америке, а также в Китае, Германии и Японии, которые хотели подвергнуть их изучению. Хотя он мог заработать кучу денег на продаже того, что осталось от мозга Эйнштейна, он противился предложениям от музеев и миллионеров, равно как и обращениям раввинов, желавших захоронить эти останки так, чтобы душа Эйнштейна могла мирно упокоиться» [2, с. 686].

Вряд ли Харви мог заработать, торгуя кусочками мозга Эйнштейна. Даже если бы на этот счет существовала какая-то правовая база (в этом есть большие сомнения), он должен был отказаться от этой идеи по морально-этическим соображениям. Помня, на каких условиях он получил мыслительный орган Эйнштейна, Харви должен был испытывать угрызение совести от богатства, нажитого таким образом. Странно, что Брайену могла прийти в голову такая коммерческая мысль. Впрочем, чему здесь удивляться? Разве не странно

хранить мозг у себя дома, а не в каком-нибудь государственном учреждении? Старик Харви лишился своей медицинской лицензии в 1988 году, но еще в течение десяти лет продолжал хранить мозг у себя дома.

Брайен сообщил, что не только мозг, но и глазные яблоки были украдены перед кремацией тела Эйнштейна. Офтальмолог Генри Абрамс по сговору с администратором Принстонского госпиталя, Джеком Кауфманом, воспользовавшись замешательством, которое царило в день кремации, в течение 20 минут опустошил глазницы скончавшегося гения. Глаза он хранил в склянке со специальным раствором, которую держал в сейфе банка Нью-Джерси.

Периодически Абрамс навещался в банк, открывал сейф и смотрел в плавающие глаза Эйнштейна. «Когда вы смотрите в его глаза, — делился он с журналистами своими впечатлениями, — то видите все красоты мира. Его глаза были божественными... В течение сорока лет я держал глаза в безопасном месте и никогда не беспокоился по этому поводу. Думаю, кто-то из друзей или родственников проговорился на счет глаз Эйнштейна, когда был за границей. Сами знаете, как могут такие вещи распространяться. Семья всегда знала об этом» [2, с. 688].

Вот это уже не только нарушение завещания Эйнштейна, но и форменное издевательство. В Древнем Египте изготавливали мумии фараонов. В средние века сберегали кости отцов церкви или даже части тела, например, палец святого Франциска. В недавнем прошлом мумифицировали коммунистических вождей: Ленина, Сталина, Мао-Цзэдуна, Хошимина и Димитрова. Рассказывают, будто в Англии хранится локон Ньютона. Всё это куда не шло, но глаза — это совсем другое дело! Моментально на ум приходит до боли знакомый образ лица, но уже с пустыми глазницами.

Лишение головы Эйнштейна мозга и глаз имеет для людей религиозных глубокое символическое значение. Получается, что у родоначальника релятивистского учения изъяли именно те органы, которые использовались в его земной жизни как бы не по назначению. «Оставим мозг и глаза на земле, чтобы на том свете он не смог неправильно ими воспользоваться», — так должен рассуждать религиозный человек.

Раскрытие тайны существования глаз произошло в 1993 году, а в 1998 получило продолжение история с мозгом Эйнштейна. Томас Харви, «утомленный ответственностью за сохранность мозга» [1], передал его в Медицинский центр Принстонского университета. Но незадолго до этого он вместе с журналистом Майклом Патернити (Michael Paterniti) провели шумную акцию. Они навестили внучку (или дочку?) Альберта Эйнштейна, Эвелин Эйнштейн, чтобы вручить ей «бесценный груз» — мозг ее деда (или отца?), точнее, жалкие остатки от органа. Она отказалась принять столь необычный подарок, хотя ее самым большим желанием всегда было установление степени родства с Альбертом Эйнштейном (см. главу 4).

Путешествие из Нью-Джерси, где проживал патологоанатом Томас Харви, в Калифорнию, где проживает дочка-внучка Эвелин Эйнштейн, журналист-водитель Майкл Патернити описал в книге «Катание мистира Альберта» («Driving Mr. Albert»). Как видим, автор книги отождествил мозг Эйнштейна с личностью Эйнштейна. На страницах своей книги он рассказывает не столько о путешествии длинной в две тысячи миль, как он водил 85-летнего Харви по ресторанам и музеям, сколько о том, что пережил и как страдал Харви из-за мозга Эйнштейна. Патернити снял также небольшой фильм о путешествии с Харви и тех несчастиях, которые выпали на его долю.

Сейчас вместе с Эшли Монтегю можно сказать, что затея Майкла Патернити «была глупа с самого начала». Разве непротивоестественно устраивать в такой уродливой форме встречу отца и дочери? Не забудем, что Эвелин Эйнштейн уверена, что Альберт Эйнштейн — ее отец, а мозг Эйнштейна всеми участниками церемонии отождествлялся с его личностью. И вновь всплывает на поверхность вопрос, обозначенный Монтегю: виновен ли во всех этих безобразиях Эйнштейн?

Безусловно. Всё, что случилось плохого после смерти Эйнштейна, так или иначе тянется из его грешной жизни. Можно подумать, что изъятие мозга и глаз из трупа культовой фигуры XX века произошло в силу каких-то непредвиденных обстоятельств, из-за непреднамеренного попустительства Ганса Альберта. Но это не так. События только кажутся случайными, когда мы не знаем причины их вызывающие. Но стоит копнуть глубже, как тут же на свет явятся вполне рациональные объяснения.

Примерно за год до выхода книги «Эйнштейн: Его Жизнь и Вселенная» [3] Вальтер Исааксон опубликовал, по-видимому, из рекламных соображений в журнале «Time» статью «Интимная жизнь А. Эйнштейна» [4]. В ней он привел письма 11-летнего мальчика, Ганса Альберта, адресованные отцу и ответы на них. О черствости Альберта Эйнштейна говорилось уже не раз (см. главы 2 и 7). Сейчас мы приведем еще несколько фрагментов переписки отца и сына, взятые из работы Исааксона [4], которые подтвердят нелесные качества самого большого «гуманиста XX века».

В начале статьи [4] автор цитирует строки из преамбулы Дианы Кормос Бачвальд (Diana Kormos Buchwald), главного редактора десятого тома «Собрания документов Альберта Эйнштейна» (CPAE), где первоначально были опубликованы письма. Она пишет: «Частная переписка Эйнштейна опровергает упрощенное представление о нём, как об одиоком и отстраненном человеке, погруженного только в себя и свою работу». Хочется тут же спросить, а кто привил нам это «упрощенное представление»? Разве ближайшее окружение Эйнштейна не замечало его незтичных поступков? Зачем нужно было из грешника лепить святого?

Слава Богу, у Вальтера Исааксона достало ума не отрицать на сегодняшний день очевидной роли Милевы Марич, как «сербского физика, который помог с математикой в его статье 1905 года» [4]. Автор напоминает, что в 1915 году брачный союз развалился и Милева «страдала от острых болей в желудке, усиленных нехватками продовольствия во время Первой мировой войны, он же [Альберт] ухаживал за кузиной, Эльзой Лёвенталь, на которой впоследствии женился» [4].

В двух апрельских письмах маленький Ганс Альберт (известный как Adu) просит отца навестить его и его брата (известного как Tete) в Цюрихе во время каникул. «Дорогой Папа, — пишет 11-летний мальчик, — представь себе, Tete [ему 5 лет] может уже умножать и делить, а я делаю *gometetry* [вместо *geometry* — *геометрия*], как сказал Tete. Мама задает мне задачи; у нас есть небольшая тетрадь. Я мог бы делать то же самое с Вами. Но почему в последнее время Вы ничего не пишете? Я только и думаю: "Вы приедете сюда на Пасху, мы снова будем с Папой". Ваш, Adu!» [4].

«Дорогой Папа, — пишет Adu в следующем своем письме, — сегодня мы высказали друг другу наши мечты. Tete неожиданно сказал: "Я мечтаю, чтобы Папа был здесь!" Тогда я подумал: "Действительно, насколько было бы нам всем хорошо, если бы Вы были с нами". Я могу сейчас играть на фортепьяно уже намного лучше; недавно я играл Гайдна и сонату Моцарта, а также некоторые *sonatinas*. Короче, я мог бы так же играть и с Вами. Сейчас приближаются экзамены, но вместе с ними и Пасха. На последней Пасхе мы были одни.

Эту Пасху мы тоже будем проводить одни? Если бы Вы могли написать нам, что Вы приедете, то для нас это было бы самым прекрасным пасхальным кроликом. Вы знаете, что мы могли бы жить здесь [в Цюрихе] очень даже хорошо, но если однажды Мама заболеет, я не знаю, что делать. Тогда у нас не было бы никого, кроме служанки. Вот почему было бы лучше, если бы Вы были с нами. Ваш, Adu» [4].

На эти мольбы сына Эйнштейн, наконец, откликнулся: «Летом я предприму путешествие только с вами одними... Это будет повторяться каждый год, и Tete тоже сможет путешествовать, когда он подрастет для этого... Если Вы будете каждый раз писать мне, что Вы уже изучили, я смогу подбросить Вам маленькую задачу» [4]. Позднее Милева и Альберт обменялись недружелюбными письмами, в которых спорили о деньгах и дате приезда.

В конце июня пришла открытка от Ганса Альберта в ответ на вопрос отца о дате встречи. В открытке говорилось: «Дорогой Папа, о таких вещах Вы должны спрашивать Маму, потому что я — не единственный, кто решает здесь. Но если Вы настолько недружелюбны к ней, я тоже не хочу встречаться с Вами. Мы имеем планы относительно хорошего проведения времени, которые мне очень не хотелось бы бросать. Мы выезжаем в начале июля и остаемся на целые каникулы. Ваш, А. Эйнштейн» [4].

Исааксон обращает внимание на подпись маленького Adu, который здесь передразнивает своего отца. Так Альберт Эйнштейн подписывал свои официальные бумаги. В связи с этим он решил, что текст открытки Adu был продиктован матерью. Альберт был уверен, что Милева заставляла сына писать жалостливые письма, чтобы поставить отца в неловкое положение. И так как Adu из-за ссоры с матерью отказался встречаться с отцом, последний решил летний отпуск 1915 года провести не со своей семьей, а со своей любовницей, Эльзой Лёвенталь.

Своему другу, Генриху Занггеру (Heinrich Zangger), профессору медицины, проживающему в Цюрихе, Эйнштейн жаловался: «Мой дорогой друг, Занггер, Мой прекрасный мальчик стал мне чужим уже в течение нескольких лет благодаря жене, которая обладает не только мстительным нравом, но и настолько хитра, что все посторонние, в особенности мужчины, всегда обманываются ею. Если бы Вы только знали, что я с нею пережил, Вы бы поняли, что удерживает меня от встречи с нею. Открытка, которую я получил от маленького [Ганса] Альберта, была вдохновлена, если не прямо продиктована ею... Когда я пишу ему, то не получаю никакого ответа. При таких обстоятельствах, кажется, будто я вообще не смогу увидеть детей, если в июле приеду в Цюрих. Раньше я был настроен на поездку, но в последний момент, пока я был здесь, в Гёттингене, ведя переговоры по поводу общей теории относительности, я решил расслабиться здесь в Селлине (Sellin), где моя кузина [Эльза] с ее детьми арендовала жилье. А. Эйнштейн» [4].

После чтения первой лекции по общей теории относительности в Гёттингене 4 ноября 1915 года, Альберт решил написать письмо своему маленькому Adu. В нем отец в очередной раз давал обещания: «Я попытаюсь каждый год проводить с Вами по одному месяцу, чтобы Вы были с отцом и видели вблизи, как он любит Вас. Вы могли бы научиться у меня многим хорошим вещам, которые еще никто Вам не предлагал. Полученные мною результаты от большой напряженной работы полезны не только незнакомым людям, но и моим мальчикам. За несколько прошедших дней я завершил одну из самых прекрасных статей моей жизни. Когда Вы станете постарше, я расскажу Вам об этом» [4].

Следующее письмо Эйнштейн написал Гансу Альберту 15 ноября, в котором обещал провести вместе с сыном Рождественские и Новогодние праздники. «Было бы хорошо, — писал он, — если бы мы могли где-нибудь уединиться... Что Вы думаете?» Эйнштейн написал также примирительное письмо жене и сообщил Занггеру, что «в конце года рад прибыть в Швейцарию, чтобы увидеть моего дорогого мальчика». Занггер выступал в роли посредника между отцом и сыном. Ганс Альберт написал ему, что очень хочет провести *все* рождественские каникулы в походах с отцом.

Однако отцу он указал на значительно меньший промежуток времени: «Дорогой Папа, Я смогу прибыть только после Нового года, то есть числа 31 – 2. Я не хочу остаться на более долгий срок, потому что Рождество лучше праздновать дома. Кроме того, я получил лыжи и хотел бы опробовать их с моими друзьями. Лыжи стоят приблизительно 70 франков, и Мама купила их мне при условии, что Вы также внесете свой вклад. Я рассматриваю их как рождественский подарок. Ваш, Adu» [4].

В ответ на это холодное послание сына отец ответил отказом: «Недобрый тон Вашего письма очень встревожит меня... Я вижу, что мое посещение принесло бы Вам немного радости, поэтому я думаю, что было бы неправильно ради этого сидеть в поезде в течение 2 часов и 20 минут». Альберт остался не довольным также выбором Милевой подарка. Эйнштейн написал, что вышлет сыну подарок в наличных деньгах, «но я действительно считаю, что роскошный подарок стоимостью 70 франков, не соответствует нашему скромному положению». Последнюю фразу он подчеркнул.

В письме к их общему другу Эйнштейн всю вину за отмену поездки свалил на Милеву. Не называя ее имени, он писал: «Дорогой друг Зангджер, Сейчас я получил письмо от моего Альберта, очень расстроившее меня. После этого я решил, что лучше, если мне вообще отказаться от путешествия, чтобы не испытывать новых жестоких разочарований. Душа мальчика систематически отравляется с целью, чтобы он разуверился во мне. При этих условиях, любая моя попытка косвенно повредит мальчику. Так что, старина, Леди Смирения (Lady Resignation) поет мне вашу знакомую старую песню о том, чтобы я продолжал спокойно прясть в моем углу!» [4].

Итак, Эйнштейн справлял Рождество и Новый год вдали от своей семьи. В один из этих праздничных дней он достал из портфеля несколько рисунков, присланных ему Гансом Альбертом. После их изучения он написал сыну открытку, в которой похвалил Adu за художественное мастерство. В этом послании отец вновь пообещал сыну, что приедет на Пасху. «Возможно, Вы сможете подыграть мне (на фортепьяно), сопровождая мою скрипку, а потом мы сыграем на Пасху, когда будем вместе» [4].

На очередную Пасху отец снова не поспел, но приехал чуть позже. На время он помирился с женой и сыновьями, провел вместе с ними несколько чудесных дней, о чём сообщил даже своей любовнице, Эльзе. Альберт всё-таки сходил в поход, о котором целый год мечтал его маленький Adu. Потом была ссора, мучительное ожидание и, наконец, новая встреча, которая принесла всем облегчение. Однако такие встречи происходили всё реже и реже, пока Мама не осталась одна со своими сыновьями. В 1933 году Папа уехал в Америку с Тётей.

О чём думал сын, стоя возле мертвого тела отца? Может быть, в это время Ганс Альберт думал о бесконечных обещаниях Эйнштейна сходить с ним в поход? Возможно, он вспомнил, как страдала мать, когда отец спутался с тётей? Если так, то допустимо предположить, что такие грустные мысли могли повлиять на его решение об извлечении

мозга. Видимо, он не испытывал трепетных чувств по отношению к отцу, отсюда вверх взяли силы, далекие от благообразной скорби по усопшему близкому человеку.

Ганс Альберт и Альберт — это два непересекающихся мира: первый жил посюсторонними законами, второй — потусторонними. Сын не мог влиять на судьбу отца даже после его смерти. Фанатичные поклонники всё равно бы изловчились растерзать своего идола на амулеты. Если кража мозга и глаз с точки зрения нормального человека является издевательством над личностью кумира, то для него теория относительности будет восприниматься издевательством над наукой. Людям, живущим в реальном мире, столь абсурдная концепция должна показаться более чем просто странной.

1. www.encyclopedia-obscura.com/moviesebrain.html; www.randomhouse.com/ и др.
2. Брайен Д. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Е.Г. Гендель. — Мн.: «Попурри», 2000 (EINSTEIN: A LIFE by Denis Brian. — N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1996).
3. Isaacson W. Einstein: His Life and Universe. New York: Simon & Schuster, 2007.
4. Isaacson W. The Intimate Life of A. Einstein / Time / Sunday, Jul. 09, 2006 (www.time.com/).